

СЕНТЯРЬ

Сенсация

Когда, Ксюша на бегу распахнула дверь, та с глухим треском ударилось обо что-то, и попыталась закрыться. Девушка поймала дверь и выглянула из-за нее. Её худшие подозрения оправдались.

За дверью стоял мужчина, сжимая кровоточащий нос, и злобно взирая на Ксюшу.

— О, Господи! — выдохнула она, — Простите, я не хотела. Простите! Я просто очень спешила, простите! Я такая неуклюжая!

Часть 1. Отцы и дети.

1.

Свет лился в пыльную аудиторию сквозь высокие окна. Помещение пустовало. Лишь за кафедрой стояла темноволосая женщина в белоснежном брючном костюме. Ее волосы, тщательно зачесанные со лба, собраны в жгут на затылке. Она хмуро листала большой журнал, сверяясь с ведомостью, что-то помечала в тонкой книжечке. Входная дверь скромно приоткрылась.

— Можно, Наталия Ивановна?

Наталия приспустила очки, и взглянула на вошедшую студентку.

— Вы на пересдачу?

— Да. Вы не заняты?

— Нет, входите, — женщина указала студентке на ближайшую парту, как вдруг в ее сумочке затрезвонил сотовый телефон.

Наталия подала студентке задание.

— Ты пока изучи задание, я на секунду, — сказала она, и скрылась за дверью аудитории с телефоном.

Оказавшись в полутемном холле ВУЗа, Наталья включила телефон.

— Алло? Доехал? Ну и как там? Устроился? Когда первая пара? Уже? Они не тянут! Когда освободишься? Слава богу, а то я боялась, что ты не сможешь попасть к родителям на юбилей. Я обещала, что привезу тебя. Нет, они очень милые! Мы впервые соберемся все вместе за пять лет! Все будут. Да, и братья и сестры. Не паникуй, милый, я не дам тебя в обиду, — Наташа хихикнула, — я тоже люблю тебя. Позвонишь? Ну, все, пока. А то меня студентка ждет. Пока — пока.

Женщина мечтательно вздохнула, отключив телефон, и разгладив улыбку на своем лице, вошла в аудиторию.

— Ну что, вы готовы?

Студентка подняла на Наташу испуганный взгляд, и той стало все ясно. Эта девушка снова ничего не знает. Неужели так трудно научиться решать матрицы? Она едва добралась до второго курса и уже ничего не знает!

— Вы в курсе, что у меня можно сдать только тогда, когда знаешь предмет? Деточка, фамилия «Семёнова» в зачетке дорого стоит. И здесь не обойтись тем, что у вас в пакетике. Зайдите снова, когда будете готовы. Учтите, через десять дней я уеду, и вы меня застанете только осенью. Вам ясно?

Студентка поднялась из-за парты, и двинулась у двери.

— Извините, Наталия Ивановна. Я найду вас.

— Ничего. Заходите.

Девушка покинула Наталью, и снова в аудитории воцарилась тишина.

2.

— Ксюха! — дверь в комнату общежития резко распахнулась, — Слышала, приехал новый препод из Москвы!

Девушка, что секунду назад было абсолютно поглощена тенью на своем натюрморте, обратила испачканное краской лицо на вошедшую подругу.

— Вместо Павла Сергеевича?

— Да, молодого! — многозначительно добавила подруга, и, откинув свои роскошные, рыжие кудри, села в кресло.

— На сколько молодого? — изображая интерес, спросила Ксюша, укладывая краски и кисти в специальный чемоданчик. Если появилась Вика, работать дальше будет невозможно.

— Увидишь. Через полчаса он назначил ознакомительную лекцию. Это Наумов, знаешь?

— Наумов? Тот самый Наумов, чьи картины сейчас раскупают как горячие пирожки?! — Ксюша превратилась в абсолютный слух, и обратила все свое внимание на подругу.

— Да, он самый. Так что поторопись, киска, он слишком хорош, чтобы заставлять его ждать.

Ксюша посмотрела на Вику.

— Так значит он молодой? Я думала он старый...

— Ему 30 лет, Ленка из 189 сказала. Она от него без ума.

Ксения молча расстегнула рабочую рубашку, заляпанную краской, и грязные джинсы, и, накинув халатик, двинулась в душ.

Вика терпеливо выждала возвращения подруги.

— Я все хочу предложить тебе сходить в парикмахерскую. Твои волосы нужно привести в порядок.

Ксюша вытащила карандаш из тяжелых, черных прядей, и те упали по спине и плечам до самого пояса.

— Я люблю свои волосы. Они здоровые, и совершенно мне не мешают.

— Но зачем такие длинные?

— Мне нравится. И Вик, это не твое дело, ясно?

Виктория, изобразив обиду, вернулась в кресло. А Ксюша тем временем быстро надела джинсы и футболку, закрутила волосы в жгут на затылке.

— Все, я готова.

— Ну, тогда пошли, — Вика поднялась из кресла и величаво двинулась вон из комнаты.

Ксюша на ходу подхватила свою сумку с конспектами, на всякий случай, и зацепила чемоданчик с красками и кистями. Тот с глухим стуком упал на облупившийся пол. Вика уже ушла, а Ксюха принялась собирать свои инструменты.

Тут зазвонил телефон. Ксюша ускорила движения, заметив, что стрелка часов неумолимо движется к началу лекции. Не хотелось бы начинать отношения с новым преподавателем с опоздания.

Ксюша схватила трубку телефона.

— Да? А, мам, привет! Все нормально... знаешь, я спешу на лекцию... конечно, приеду. Юбилей ведь раз в жизни. Да, мамуль, побегу, а то у нас новый преподаватель. Да, я знаю, опаздывать нельзя, поэтому и хочу идти. Все пока, целую, — девушка швырнула трубку, даже

не попав на рычаги, и бросилась вон из комнаты.

Когда, Ксюша на бегу распахнула дверь, та с глухим треском ударились обо что-то, и попыталась закрыться. Девушка поймала дверь и выглянула из-за нее. Её худшие подозрения оправдались.

За дверью стоял мужчина, сжимая кровоточащий нос, и злобно взирая на Ксюшу.

— О, Господи! — выдохнула она, — Простите, я не хотела. Простите! Я просто очень спешила, простите! Я такая неуклюжая!

— Ничего страшного, — сказал он, закинув голову, — вы просто разбили мне нос.

Ксюша изрядно покрасневшая от стыда, завела мужчину в комнату и усадила в Викино любимое кресло.

— Я сейчас принесу лед.

— Не стоит. Все в порядке.

— Надо остановить кровь. Мне так стыдно...

И Ксюша оставила гостя одного. Тот тихо изучал облезлую комнату, краски разлитые по полу, трубку телефона, лежащую на лысом ковре и издающую жалобные гудки. Да, эта девушка за порядком не следит.

Она вернулась с формочкой для льда, и, выбив пару кубиков в платок, приложила его к носу потерпевшего. Девушка уже и позабыла о лекции, расстроенная своим поступком. Она придерживала лед на лице потерпевшего, и заглядывала в его глаза, пытаясь понять его состояние.

— Очень больно?

Мужчина обратил на Ксюшу свой небесно-голубой взгляд, и та неловко поежилась.

— Не смертельно, — сказал он, и убрал ее руку со льдом со своего лица.

Девушка, почувствовав его горячую ладонь, обхватившую ее запястье, отдернула руку, и снова извиняющееся взглянула на мужчину. На его носу красовалась кровавая трещина. Прямо на переносице.

— Ой, у вас кровь идет.

— Я это заметил, — усмехнулся он, указав на свою рубашку, забрызганную кровью.

Ксюша болезненно скривилась.

— Я принесу пластырь и йод, никуда не уходите.

И девушка снова скрылась из виду. Мужчина обратил свой блуждающий взгляд на картину, незаконченный натюрморт, что стоял в центре комнаты, прямо напротив окна. Он не был закрыт простыней, как это обычно бывает у художников, и словно выставлен на всеобщее обозрение. Эта неряшливая художница заинтриговала мужчину.

Она вернулась с небольшой аптечкой, и на секунду замерла, встретив его взгляд. Ее обдало жаром. Что это с ней? Осталось только заикаться, и она сойдет за настоящего «дауна»!

Мужчина, решив, что испуг, отразившийся на ее лице, вызван исключительно ее проступком, решил немного успокоить девушку.

— Со мной все в порядке, — сказал он.

Его слова вывели ее из оцепенения.

— Господи, мне так неудобно. Я такая неуклюжая! Надеюсь, перелома нет? — раскладывая медикаменты из аптечки, говорила девушка.

Мужчина осторожно ощупал свой нос.

— Кажется, нет...

Ксюша, облегченно вздохнув, подошла к мужчине с йодом и ватными палочками.

— Сейчас я обработаю вашу ранку, — предупредила она, и подошла к мужчине.

Тот снова заглянул в ее глаза своим невероятным пронзительным взглядом. Девушка растянула губы в извиняющейся улыбке, и склонилась над его вскинутым лицом.

— Возможно, будет щипать, — предупредила она.

— Я все равно ничего не чувствую после льда.

Ксюше снова стало стыдно. Она принялась обрабатывать его ранку дрожащими руками, тот внимательно следил за каждым движением ее тонких рук.

Девушка взяла пластырь, и склонилась пониже, чтобы наклеить его на рану.

— Я Кирилл, — послышался мужской голос.

Ксюша отвлеклась от его носа, и взглянула в глаза. Его лицо было так близко! Непозволительно близко. Она ощущала его дыхание, и загипнотизированная взглядом его невероятных глаз, боялась двинуться.

С грохотом распахнулась дверь, и недовольный выкрик Виктории оповестил о ее возвращении.

— Этот гад так и не появился, представляешь?!

Ксюша отскочила от нового знакомого, а Кирилл обратил свой гипнотический взгляд на Вику. Та смутилась, слегка покраснела, и сказала:

— Здравствуйте, Кирилл Семенович, — и, разглядев его лицо, добавила, — а что с вашим носом?

Ксюша недоуменно взглянула на Вику, потом на Кирилла, и догадка озарила ее.

— Эта очаровательная студентка едва не свернула мне нос, — усмехнулся он, кинув на Ксюшу быстрый взгляд, — но ознакомительная лекция все же состоится. Почему бы вам ни сообщить об этом остальным? — вежливо обратился Кирилл к Виктории.

Та, кивнув, покинула комнату, кинув на Ксюшу игривый взгляд, мол: «Все с тобой ясно!».

Ксюша перевела взгляд на Кирилла.

— Вы наш новый преподаватель?

Мужчина оцупал нос и нахмурился.

— Да, но знакомство с моими новыми учениками принесло гораздо больше сюрпризов, чем я ожидал, — сказал Кирилл и окинул Ксюшу многозначительным взглядом, — вы мне очень кого-то напоминаете. Мы не могли видеться прежде?

Ксюша очаровательно улыбнулась.

— Не думаю, Кирилл Семенович. Я бы вас не забыла...

Наумов задержал на Ксюше свой взгляд.

— Идемте. Нас все заждались.

Ксюша взяла конспекты, и смиренно двинулась за своим новым преподавателем.

3.

— Стоп! Стоп кадр! Проклятье! У кого звонит телефон? Я же все сказал отключить телефоны! Твою мать! — громко возопил режиссер в мегафон, и тут же рабочая обстановка на съемочной площадке сменилась гомоном уставших голосов. Из кадра выскочила роскошная женщина в дорогом элегантном платье, оставив партнера на декоративном балконе с гримером, виновато улыбнулась режиссеру, и быстро достала и включила свой сотовый телефон.

— Алло? Конечно, мамуля, буду, как только кончатся съемки. Конечно, до июня

управлюсь. А Макс будет? Я слышала, у него там, в Мадриде, скандал случился... не может быть! Эта моделька вечно висла на нем! Так ей и надо!

— Елена Семенова, — строго начал режиссер, — если вы видите свое будущее в кино, немедленно вернитесь к работе! Слышите?!

— Ой, мам, Рязанов орет тут благим матом...

На съемочной площадке захихикали. Григорий Рязанов гений современности по режиссерской работе, набычился.

Лена захлопнула телефон раскладушку, и снова виновато улыбнулась.

— Ой, Гриша, прости меня. Я такая дура...

Рязанов шагнул к актрисе и привлек ее к себе, его лицо смягчилось. Он почти улыбался.

— Ты позволяешь себе лишнее, Семенова, — жарко прошептал он ей на ухо.

— Прости меня, милый. Но ты ведь знаешь, как я отношусь к своим родителям.

— Я уважаю их не меньше твоего. Ольга Петровна гениальная писательница. Иван Сергеевич — политик с карьерой, которой можно только позавидовать...но ты ведь унизила меня, перед подчиненными, Семенова.

— Уверена, они не посмеют повторить мой проступок...

— Он тебе дорого обойдется сегодня ночью, Семенова.

— Не могу дождаться этого момента, — захихикала Лена, и выскользнула из рук Григория.

— Ладно, надо работать. Я тоже обещал Насте и детям, что этот отпуск мы проведем вместе.

Семенова кинула на Рязанова ледяной взгляд, и тот не стал оканчивать свою ненужную фразу.

Лена вернулась в свет софитов, и прильнула к партнеру. Эта кинолента обещала сделать ее мегазвездой российского кино уже к следующему году. Но Семенова хотела от этого кино только одного — Рязанова. И раз она его захотела, она его получит.

4.

Макс опрокинулся в кресло, и мельком помечтал о пиве. Но сегодня выпивать нельзя. Завтра решающий матч, финальный матч сезона. Возможно, после этой игры футбольный клуб Италии захочет приобрести лучшего футболиста современности — Максима Семенова?

Максим снова подумал о пиве.

И словно глас Господний, зазвонил телефон.

— Алло?

— Привет, братец, — послышался хорошо поставленный голос Елены Семеновой в трубке, — ты собираешься к родителям на юбилей?

Макс протяжно зевнул.

— Пока не решил. Наверняка это будет ОЧЕНЬ скучно.

— Наверняка, — засмеялась Лена в ответ, — но мы то сможем как следует повеселиться, верно? Без тебя я там загнусь одна...

Макс криво усмехнулся.

— Ленка, ты нечто. Как там твой шедевр?

— Я уже измаялась его соблазнять...

— Вообще-то я имел в виду кино.

— А! Кино! Да все нормально. А твой матч?

— Завтра. Что-то мне не спокойно.

— Прекрати. Ты профессионал! Не парься.

— Знаешь, профи чаще терпят крах, чем новички, слышала такое?

— Ой, фигня все это. Мне пора идти. Надеюсь встретить тебя у родителей, слышишь?

Все. Пока. Не кисни.

— Не кисну, — хмыкнул он и снова подумал о пиве.

— Ну, пока!

— Пока, — Макс отложил трубку и снова зевнул.

Все-таки к родителям заехать стоит. Не видел их сотню лет.

Макс взглянул на часы и двинулся в свою роскошную спальню.

5.

— Куда вы, Дарья Ивановна?

Даша округлила глаза, пораженная наглостью секретарши.

— Я пришла к своему мужу! И вы, черт побери, не имеете права меня к нему не пускать!

— Но он занят... важное совещание...

Даша направилась к двери, и со словами: «Я важнее!», распахнула ее.

На секунду девушка замерла, пытаясь понять, что это ее муж делает на работе, со спущенными штанами, и женскими ногами, обвившими его бедра?

— Антон!!!

Мужчина слегка вздрогнул и оглянулся.

— Даша? Что ты тут делаешь? — спокойно спросил он.

Дарья стояла как истукан, не в силах поверить своим глазам. Она медленно оглянулась на притихшую в дверях секретаршу. Та опустила глаза и ретировалась.

Когда Даша нашла в себе силы обратить взор в гнусное место, именуемое кабинетом, любовница ее мужа слезла с офисного стола, и принялась быстро одеваться.

Антон, в отличие от своей подруге сохранял невероятное спокойствие.

— Может, ты все-таки наденешь штаны? — стальным голосом спросила Даша.

Антон, будто вспомнив, быстро надел штаны, и тщательно все застегнул и оправил.

— Дац, я давно собирался...

— Меня не интересуют твои оправдания. Кто она?

Милая девушка лет 20 сильно покраснела, и двинулась, было к двери.

— Правильно, милая. Твои услуги сегодня больше не понадобятся, — кинула Даша ей в след, и мстительно усмехнулась, заметив, как та неуклюже зацепилась за половицу и едва не упала, при звуках голоса Дарьи.

— Не смей с ней так разговаривать, — сказал Антон, — я ее люблю.

Треугольная, черная бровь Даши взметнулась в ледяном удивлении.

— Ах, вот как. Мило. Так кто она?

— Стажер в нашей фирме.

— Очень мило, — вновь протянула Даша.

— Прекрати так себя вести, — сказал Антон.

Даша подняла на мужа взгляд полный такой невыразимой боли, что тот слегка отшатнулся.

— Я требую развод, — сказала она ледяным тоном.

— Ты его получишь, — ответил он.

— Надеюсь, ты явишься в мой дом за своими вещами, когда меня там не будет...

— Не сомневайся.

— Ты мразь...

— Послушай...

Резкая пощечина заставила задержать последующую тираду Антона. Дашу начала бить нервная дрожь.

В ее сумочке зазвонил телефон. Девушка быстро достала миниатюрный слайдер синего цвета, и, смахнув скользнувшую по щеке слезу, подняла трубку.

— Да, мамуля. У меня все замечательно...

Антон хмыкнул, и тут же поймал убийственный взгляд жены.

— Конечно, приеду, — говорила она в телефон, — Нет. Антон не сможет приехать со мной. Какие-то дела в фирме, много стажеров. Плачу? Ну что ты такое говоришь? Ну, конечно. Немного простыла, вот и голос такой, и нос забит. Я могу приехать хоть сегодня. А как я за вами соскучилась! Хорошо, мамуля. Целую, да. Жди, — Даша убрала телефон в сумочку и в последний раз взглянула на мужа.

— Я буду у родителей. До юбилея им ни слова, ясно? Надеюсь, когда я вернусь, твоего духа в моем доме не будет. Ты подготовишь документы? Надеюсь, тебя, и твоих многочисленных стажеров это не затруднит?

Антон поднял на Дашу холодный взгляд.

— Не затруднит.

— Вот и славно. Мне пора. Приятная получилась встреча.

И Даша ушла, не хлопнув за собой дверь. Ах, если бы взгляд мог убивать! От милостливой секретарши ни осталось бы и следа!

Дарья села в свою машину, проехав пару кварталов, притормозила, и дала волю слезам. А вокруг город пылал разноцветьем майских красок. Пели птицы, куда-то спешили люди, мимо носились машины. А в серебристой «Тайоте» рыдала преданная жена. Как он мог? Зачем так поступил с ней? Почему? Что она делала не так?

Тушь смешалась со слезами и растекалась по щекам, смывая румяна и размазывая тональный крем.

Как он мог?

6.

— Не переживай. Я видела его фото в Интернете. Милый старикашка. Мы его обставим в два счета, — самодовольно сказала Мария Семенова своей помощнице — Оле.

Та не разделила уверенности начальницы.

— Милый старикашка? Мария Ивановна, вон он сидит, ждет вас за седьмым столиком.

Маша осторожно выглянула из-за колонны, и быстро нашла глазами седьмой столик. За ним сидел красавец мужчина, жгучий брюнет с густыми бровями в разлет и самодовольной усмешкой.

— Это он? — удивилась Маша и встретив его взгляд, снова спряталась за колонну, — Ты уверена?

— Абсолютно. Существует только один Сергей Петрович Скворцов, гений рекламного бизнеса. И это он сидит там.

— Ох, ничего себе! — Маша сдержала дальнейшие удивленные и разочарованные вздохи, при виде недоуменного лица помощницы, — С подобным типом, думаю, будет сложнее.

— Мария Ивановна, вы же профессионал!

— Безусловно, — успокаивая себя, сказала Маша, — я собаку съела в рекламном

бизнесе, и даже такой красавчик мне по плечу! Иначе я не Мария Семенова! — девушка одернула пиджак, пригладила волосы, — Помады на зубах нет?

— Вы безупречны.

— Спасибо, Оля. Я пошла!

— Желаю удачи. Надеюсь, Голицын выберет вас, — кинула Оля.

— Я в этом уверена, — сообщила Маша напоследок и двинулась к столику, за которым ее ждал Скворцов.

— Здравствуйте, — вежливо начала Маша, — я...

— Я понял кто вы, когда вы разглядывали меня из-за колонны, — перебил он, — присаживайтесь.

Маша кивнула. Что ж, бестактность и отсутствие воспитания. Этого и следовало ожидать.

— Благодарю, — Маша грациозно села, — тогда, полагаю, вы знаете, зачем я здесь?

— Да, — он скривил губы в подобии улыбки и, отпив воды из безупречно чистого стакана, сказал, — вы собираетесь украсть мой проект у Голицына. Должен вам сообщить, Мария Ивановна, у вас ничего не выйдет.

Рекламная знаменитость, Сергей Скворцов, выбрал неверные слова, обращаясь к другой рекламной знаменитости, Марии Семеновой. Обидное «украсть» и «у вас ничего не выйдет» возымели свое действие. Семенова превратилась в железную леди с ледяным сердцем и каменным лицом.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Маша, пронзая взглядом своего оппонента.

Неожиданно в ее сумочке зазвонил телефон.

— Извините, — кинула Маша автоматически, ей совсем не хотелось извиняться перед ним, и достала сотовый.

— Алло? Мам, ты не могла бы перезвонить? Я на важной встрече. Да, конечно буду. Целую, — Маша быстро убрала телефон и взглянула на своего соседа по столику.

Тот не сводил с не глаз. Маша ответила на его взгляд ледяной улыбкой.

— Возвращаясь к нашему разговору, Сергей Петрович, могу сказать, что лишь дождавшись Голицына, мы сможем решить, кто у кого что украл.

Скворцов пронзал ее взглядом, Маша держала оборону.

— Простите за опоздание, — оба рекламщика приветливо заулыбались пришедшему, сухому старцу.

— Николай Николаевич, я очень рада вас видеть, — сказала Маша.

— Еще бы. Ведь вы на мне собираетесь заработать огромные деньги! — усмехнулся Голицын, усаживаясь.

Семенова разозлилась, заметив самодовольный взгляд Скворцова.

— Может, выпьем? — обратился он к старику.

— Да, пожалуй. Но только после того, как я выскажу свое решение.

Маша затаила дыхание. Самодовольная ухмылка соскользнула с лица Скворцова.

— И что вы решили? — спросил он.

— Я принял решение, которое вряд ли придется по душе вам обоим.

Рекламщики скрестили взгляды. Старик, заметив неприкрытую вражду, усмехнулся.

— Сергей, вы невероятно талантливый молодой человек, но ваши амбиции...

Маша недоверчиво вслушивалась в слова Голицына. Неужели она проиграла?

— Мария, вы самая очаровательная «железная леди», каковую мне приходилось

встречать, и у вас изумительная хватка, но тот факт, что вы девушка...

Маша не поверила ушам. Неужели в век эмансипации ее не возьмут на работу, потому что она женщина?

— Жаль, что вы двое, не один человек. Такой бы мне очень пригодился...

Тут уже Маша заприметила, что Скворцов тоже занервничал. Похоже старик решил избавиться от обоих...

— И поэтому я решил...

Маша подобралась, готовая проиграть с достоинством, впрочем, как и выиграть.

— ...дать вам еще один проверочный срок. Но на этот раз вы будете работать вместе. Месяц. А когда он кончится, я скажу, кто из вас будет работать моим PR-агентом.

Маша недоуменно сникла. Такого она никак не ожидала. Месяц работать с этим типом?! Семенова взглянула на своего нового врага и прочла в его взгляде такое же недовольство.

— Николай Николаевич, мы не можем терять столько времени, — начала, было, Маша.

— Вам нужен контракт, Мария Ивановна?

Маша сжала зубы и улыбнулась. Проклятье! Черт! Дьявол! А как же юбилей?!

— Николай Николаевич, пожалуйста...

— В чем дело, Машенька?

— Понимаете, у меня очень давно намечалась поездка, и я уже отказать не могу. В последний момент, понимаете? Так ведь не делается, ... я просто не могу не поехать...

— Езжайте, милая, — вставил Скворцов, — а я пока поработаю на славу!

Маша кинула на него злобный взгляд. Николай Николаевич тяжело вздохнул.

— Ну что ж, Машенька. От вас мне нужна только работа, а не вы лично. В вашей поездке найдется время для работы над бумагами?

Маша неуверенно кивнула, не понимая, куда клонит Голицын.

— Вот и прекрасно. Езжайте. И Сергей поедет с вами. У вас найдется место, где можно будет его разместить? Дело в том, что вам потребуется больше недели, чтобы проштудировать кое-какие документы. Именно этим вы и займетесь, хорошо? Только держите меня в курсе.

— Постойте, — встрепенулся Скворцов, — а как же общение с прессой? Съёмки рекламы? И прочее? Мы должны оставаться в городе!

— Прекратите, Сергей. Я же сказал, в первую очередь, документы.

Семенова и Скворцов скрестили взгляды.

— Хорошо.

— Как скажите, Николай Николаевич.

7.

Ольга Петровна Семенова сидела за широким столом, с черной, лаковой столешней. Перед ней стоял открытый ноутбук, слева белая кружка полная горячего дымящегося кофе.

Но Ольга смотрела поверх стола, ноутбука и чашки. Ее взгляд был устремлен сквозь распахнутые двери балкона. Верхушки деревьев, которые были замечательно видны на уровне второго этажа, колыхал легкий ветерок, яркие лучи солнца пронзали молодые зеленые листочки.

Но Ольга их не видела. Она не замечала колыхания голубоватых занавесок из фатина, которые смотрелись весьма живописно.

Ольгу волновали ее дети. Что с ними стало? Они клянутся, что приедут. Но приедут ли?

Семеновы славились крепостью своей семьи, а теперь дети не хотят ее видеть.

Послышался стук железнодорожных колес. Лесополосу вокруг дома Семеновых пересекала железная дорога. Ольга так привыкла к этим звукам, что не сразу поняла, что к ее дому подъехала машина.

Ольга вышла на балкон. Не смотря на свои 48, Ольга Петровна оставалась в прекрасной форме. Золотистые локоны по-прежнему обрамляли ее лицо, как и 30 лет назад. Голубой брючный костюм подчеркивал идеальные изгибы ее тела. Ольга Петровна напоминала Любовь Орлову, без присутствия ей фанатизма, и пластических операций. Удивительно, что ни одна из дочерей не унаследовала красоту матери, все пять дочерей, и сын, были темноволосыми и темноглазыми, каким когда-то был Ваня. Да, теперь Иван Семенов другой. Грузноватый, вместо шикарной густой черной шевелюры, лишь плешь и седина...

Ольга перегнулась через перила балкона и узнала черный «BMW» Маши. Та вышла из машины, злобно хлопнув дверью, и на ходу снимая пиджак.

— Входи, Маш, там открыто, — крикнула Ольга дочери, и направилась к лестнице на первый этаж, чтобы встретить дочь.

Когда Ольга спустилась, Маша уже раскидала свои вещи по кремовым диванам гостиной, и двинулась к бару.

— Ты не хочешь меня поцеловать? — нахмурилась мама.

Маша чмокнула мать в щеку и вновь вернулась к бару.

— У папы был коньяк, — пробормотала она, и скрылась за барной стойкой.

— Что-то случилось? — осторожно спросила Ольга.

— Помнишь... — раздался приглушенный голос Маши из-за стойки, сопровождаемый перестукиванием бутылок, я рассказывала тебе про Голицына? Что проверял меня последнее время? Черт, мам, где отцова выпивка?!

— Я ее ликвидировала, доченька, для тебя напитков в холодильнике. И что?

Маша выбралась из-за стойки с пустым стаканом.

— Так вот, я с ним сегодня встречалась, — Маша скрылась на кухне и продолжила там, хлопая дверями холодильника, — оказалось, что у этого гнусного старикашки есть еще одна кандидатура на раскрутку новой партии спорттоваров Голицына! — Маша снова хлопнула дверью и вернулась со стаканом, полным молока.

Ольга не перебивала, ожидая продолжения. Всегда сдержанная Мария со своей всегда приглаженной, строгой прической и консервативной одеждой, сейчас была просто на грани срыва. Она металась по комнате, как тигр в клетке, из одного угла в другой, со стаканом молока в руках, жестикулировала и почти кричала.

— Ты не будешь против?

Ольга виновато потупилась.

— Прости, я прослушала. Что ты говорила?

— Очень мило, мама! Спасибо за понимание!

— Да в чем дело?

— Голицын хочет, что бы я работала с этим мерзавцем в паре. Нужно изучить огромное количество документов, как раз на неделе, когда у тебя намечены празднества. Ты не против, если этот гад поживет у нас в это время? Можешь приготовить для него будку Барса. Ему понравится жить в собачей конуре! Козел! И откуда он взялся? Как посмел этот старикашка так поступить со мной? СО МНОЙ?! Все бизнесмены готовы драться за то, чтобы ; раскручивала их продукт! А он... он... — Маша бессильно села на диван, — Что делать?

Ольга спокойно улыбнулась.

— Милая, докажи Голицыну, что ты лучше. Неужели ты позволишь этому дряхлому Скворцову обойти тебя в бизнесе, где тебе нет равных? — Ольга под села к дочери, и погладила ее и без того тщательно приглаженные волосы.

— Мам, он не старик.

— Скворцов?

— Да.

— Но в Интернете...

— Да, я тоже думала, что это он. Но должно быть там фото его отца.

— На сколько он молод?

— Ну, младше Макса может на год, на два.

— Красивый?

Маша непонимающе уставилась на мать.

— Это ты к чему?

— К тому, что тебе скоро 25, а ты все еще не замужем.

— Мам, можно тебе напомнить кое-что? Лена, которой скоро 26, не замужем. И Наташа тоже, а ей уже 28. Макс, судя по всему жениться, не собирается, а ему уже за 30 перевалило! Единственная, кто замужем, это Дашка! Так что не за чем напоминать мне об это постоянно! Я не одна такая!

Ольга снова улыбнулась.

— Не за чем кричать, милая. Я знаю, сколько лет моим детям. А ты разве новость не слышала?

Маша вскинулась на мать.

— Что случилось?

— Наташа на юбилей привезет своего жениха. Какого-то художника.

— Да ты что! А Макс не намерен привезти в твой дом свою проститутку-модель?

— Нет. У них все давно кончено.

— Слава Богу. А то эта стерва его хорошему бы не научила. Совершенно нет времени следить за светской хроникой. Хотя Ленкины похождения достигают даже моих ушей. А что с Ксюхой? Она приедет? Там уже наверное такая дама выросла! Я не видела ее уже три года! С ума сойти! Так она приедет?

— Обещала. Сказала у нее пара зачетов осталась.

Маша надела пиджак.

— Ладно, мам, поеду. Еще до города пока доберусь, уже стемнеет. Значит, со Скворцовым проблем не будет?

— Конечно, нет.

— Ну и хорошо, пока, мамуль.

И Маша ушла, чмокнув маму на прощание.

Ольга снова осталась одна, приняв на себя всю силу гнева дочери. Что ж, на то она и мать.

8.

Иван Сергеевич Семенов уютно расположился в своем СВ купе, и медленно закурил. Несмотря на преклонный возраст, Иван был мужчиной крепким и довольно-таки стройным.

Ольга жалела его роскошные, когда-то черные волосы. Но ассистент утверждал, что Семенову безумно идет седина. Хм, как же! Седина не может идти, седина — признак

старости...

Было время, когда Ванька Семенов был самым желанным женихом в городе. Теперь он самый желанный... в лучшем случае, дедушка. Помнится, была у него очаровательная, зеленоглазая девушка, имени ее уж и не упомнить. Но кроме нее, Ваньке Семенову, пожалуй, ни с кем не было так хорошо, как с ней...

Ах, как давно это было. Девушка та, выскочила замуж и исчезла, оставив Ваню со своей беременной Ольгой. Ах, как жаль, что жизнь сложилась именно так, как жаль...

Нет, Ольга замечательная, милая, умная, добрая, понимающая, идеальная... только он не хочет такую. А ведь всего через неделю юбилей их совместной жизни! Поразительно! Тридцать лет прожить в браке! Не думал он, что способен на такое...

Дверь в купе бесшумно отворилась.

Семенов устремил недоуменный взгляд на гостя, а точнее гостью. В купе вплыла стройная женщина, лет тридцати и воззрилась на мужчину.

— Какого черта вы делаете в моем купе?! — без обиняков спросила она, испепеляя выразительным ярко-зеленым взглядом.

На секунду Семенов потерял дар речи от подобной наглости, потом мило улыбнулся, отметив, какая чаровница посетила его уединенную обитель.

— Не хочется вас расстраивать, красавица, но это мое купе, — благодушно ответил Иван, поднимаясь навстречу гостье.

— Оставьте свои грязные прозвища для потаскушек в кабаках и убирайтесь из моего купе.

Иван нахмурился. И куда смотрит охрана?

— Вы говорили с проводником? — как можно более спокойно спросил Семенов.

Женщина нахмурила длинные брови и подозрительно сощурилась.

— Покажите — ка, мне свой билет! — заявила она и протянула тонкую руку, ожидая, что Семенов ее послушается.

Конечно, она не могла знать, что Иван НИКОГДА НИКОГО не слушается, а делает только так, как хочет сам.

Мужчина, проигнорировав ее руку, двинулся к двери, и позвал проводника.

— У вас проблемы, Иван Сергеевич? — едва не пресмыкаясь, начал молодой человек в синей форме.

— Да, у меня проблемы. Эта женщина утверждает, что у неё билет в это же купе. Это возможно?

Проводник побледнел.

— Могу я... взглянуть? — спросил он.

Иван молча протянул ему билет, как нечто не стоящее его внимания. Женщина, яростно расстегнув крошечную сумочку, сунула смущенному парню свой клочок розовой бумаги.

— Должно быть, это недоразумение... — пробормотал проводник, — сейчас я все выясню.

Женщина вызывающе фыркнула и вернулась в купе, уютно расположившись на мягком диване. Иван, отметив ее вызывающее поведение, усмехнулся.

Настоящая дикарка! Весело, в предвкушении сообщил Ванька Семенов внутри Ивана. Да, она необычная...

Иван сел напротив, и принялся изучать женщину. Эффектная брюнетка в черном платье до колен, белом пиджаке, на шпильках. Она откинула каштановые локоны с лица, и достала

тонкую, длинную сигарету.

— Подкурить не будет? — спросила она, и Семенов тут же отметил почти мужскую грубость ее голоса.

— Конечно, — Иван изъясил из кармана позолоченную зажигалку, и поджег ее сигарету. Женщина затянулась и, выпустив клуб дыма, улыбнулась.

— Я узнала вас, — сказала она, сощуривая красивые глаза, — политика?

Иван повел бровью, в немом удивлении.

— Грязное дело... — мстительно добавила она, — но учти, своим положением тебе вряд ли удастся выселить меня из моего же купе!

Иван усмехнулся.

— Что язык проглотил?

— Могу я узнать, кем вы работаете? — миролюбиво осведомился Иван.

— Какая к черту разница? После стычки с тобой, меня все равно уволят! — она хрипло рассмеялась.

— Не высокого же ты обо мне мнения, — ответил Иван, и тоже закурил.

В купе явился проводник.

— Должно быть, в компьютере прошел сбой, — начал он свой невразумительный лепет.

— А что, других свободных купе нет? Я уступлю даме место, — заявил Иван, окинув ее самодовольным взглядом.

Женщина повела темной бровью, только и всего.

— Боюсь, что нет, Иван Сергеевич. Все СВ заняты...

— А простые?

Проводник стал белым, как стена.

— Но, Иван Сергеевич, вы же...

— Плевать. Мне надо быть ближе к народу, — сказал Семенов, сопроводив свои слова дежурной улыбкой, которую использовал во время предвыборной кампании.

Женщина одобрительно улыбнулась и одарила Ивана заинтересованным взглядом.

Спустя пол часа Семенов расположился в купе у туалета, со всем букетом местных ароматов, полосатым матрасом в желтых пятнах, с простынями в черных печатях, грязными окнами, и заклинившей форточкой. В ту же секунду Иван пожалел себя за благородство. Но, так или иначе, он надеялся на вознаграждение со стороны роскошной грубиянки.

Мерное постукивание колес по рельсам усыпляло Ивана, и он все-таки решил посетить вагон — ресторан. Надев один из своих лучших костюмов, в робкой надежде, что ОНА там будет, Иван покинул свое купе.

Она сидела спиной к двери. Семенов узнал ее, едва вошел. Стройная спина была оголена, роскошные волосы каскадом ниспадали по нежной коже и тонким плечам. На ней было алое платье и черные чулки, края которых выглядывали через разрез платья. Она закинула одну ногу на другую, и потягивала красное вино.

Он ее хотел как никого и никогда.

Иван взял в баре бутылку шампанского, бокал и двинулся к ее столику.

Казалось, она его ждала.

Женщина встретила Семенова соблазнительной улыбкой.

— Я присяду? — спросил Иван.

Та едва заметно кивнула, загадочно глядя на Ваню.

— Шампанское? — вновь спросил он.

Женщина разомкнула ноги, и Иван заприметил ее красные, кружевные трусики. Она заметила это и так посмотрела на Семенова, что тому не потребовалось никаких слов. Она поднялась, прихватив шампанское, и зазывно оглянувшись, направилась прочь из вагона ресторана, к своему купе. Иван последовал за ней.

Она закрыла дверь на щеколду, взглянула на Семенова, и кинула бутылку с шампанским на диван.

Иван наблюдал за ней. Женщина медленно стянула платье с плеч, обнажив высокую грудь. Семенов, тяжело вздохнув, шагнул к ней.

Но она опередила его, обхватив своими не по-женски сильными руками. Они упали прямо на пол. Женщина оседлала Ивана, и принялась целовать его своими роскошными губами, срывать с него одежду. Семенов схватил ее платье, то, треснув, соскользнуло с ее бедер. Женщина восторженно вскрикнула. Семенов быстро перевернулся, подмяв женщину под себя, та не размыкала объятий. Иван дернул тонкие кружевные трусики, и их постигла та же участь, что и платье. Вид обнаженной женщины в чулках и на шпильках, заставил Ивана поторопиться. Она казалась ненасытной. Семенов едва не терял сознание от наслаждения, но она не останавливалась, этот секс казался безумным и невероятным.

Когда она затихла, Семенов достал сигарету, и закурил. Женщина лежала на нем, по-прежнему сжимая ногами его бедра, ее волосы распластались по его груди, он слышал стук ее сердца, прижимая стройную спину свободной рукой.

Иван не мог поверить, что все еще способен на подобные выходки. Раньше, лет в двадцать это казалось забавным, но возможным. Но теперь... ему казалось, что перед ним разверзлась нирвана.

— Как тебя зовут? — спросил он, когда женщина принялась целовать его торс, медленно спускаясь, все ниже, по дорожке из волос на его груди.

Она оторвалась от него, состроив несчастный взгляд. К тому моменту и сам Семенов был не рад, что решил поговорить.

— Сейчас это важно? — спросила она, облизывая губы.

Иван склонил ее голову поближе к своему мужскому естеству, и окунулся в наслаждение. Нет, сейчас ничто не важно...

Часть 2. Портрет.

9.

Ксюша задумчиво смотрела на полотно. Что-то ненужное проскальзывало в этой картине. Что-то, чего там быть не должно.

В комнату, в своей обычной манере ворвалась Вика.

— Семенова! Ты сидишь тут, ничего не знаешь! А весь институт просто гудит, как пчелиное улье! Кирилл Семенович выставку устраивает, — Вика упала в кресло, — он выбрал несколько лучших картин среди нашего курса, и собирается выставить их в своей галерее!

Ксюша отложила кисточку и взяла чумазую тряпку, чтобы оттереть испачканные краской пальцы.

— И что? — спросила она, задумчиво, не вникая в слова подруги.

— А то... кстати, все время хочу спросить, но забываю. Зачем ты взяла эту дурацкую фамилию — Тульская? Чем плоха твоя, настоящая?

— Вик, мы уже три года учимся вместе, а ты только удосужилась спросить.

Девушка пожалала смуглыми плечами, и небрежно откинув с них волосы, повела бровью.

— Вот поэтому я и жду твоего ответа.

— Эта «дурацкая фамилия» — девичья фамилия моей мамы. Мне, как молодому художнику, ни к чему такая громкая фамилия. Мамины книги переведены на 25 языков, отца знает весь город, а то и страна, а брата с сестрой — вообще весь мир. Зачем такая шумиха вокруг имени? Для меня важно творчество, а не амбиции. Я хочу, чтобы ценили мои картины, а не подпись на них.

— Ты меня не убедила, — кинула Вика, изучая ухоженные ногти, — если бы я была Семеновой, я бы писала свою фамилию ВМЕСТО картин. И зарабатывала на этом миллионы. Поверь, то, что у тебя есть, это огромный плюс!

— По твоему мне нужна протекция? Сама я ни на что не способна?

— Отчего же? Наумов отобрал твою картину на выставку.

Ксюша замерла в счастливом оцепенении.

— Нет! Этого не может быть!

— Может, — Вика грациозно поднялась.

И куда делся весь ее задор и запал? Эта девушка меняла маски почище профессиональной актрисы.

Виктория заглянула в лицо Ксюши, и многозначительно произнесла:

— Должно быть семейство Семеновых отмечено богом, — и помолчав, добавила, — или дьяволом. Уж не знаю! Но вам всем чертовски везет!

— Этого просто не может быть, — прошептала Ксюша.

— Почему? Твой «Морской бриз» очень хорош. Просто Кирилл Семенович оценил его по достоинству...

Ксения криво усмехнулась, уличив в словах подруги подвох.

— Эй?! На что это ты намекаешь?

— Не знаю, — с наигранной серьезностью, начала Виктория, — чьи достоинства больше приглянулись Наумову, твои или твоей картины, но очень скоро ты, подруга, станешь знаменитой!

Ксюша нахмурилась, едва сдерживая улыбку.

— Что ты там себе на придумывала уже?

— Да ладно тебе. Нечего стесняться. Он классный... — Вика деловито оправила юбку.

Художница мстительно взглянула на подругу.

— А как же твой Олег? Он что, уже не классный?

Вика разом сникла. Семенова-Тульская, поняла, что дала осечку, и тут же виновато потупилась.

— Что? Что случилось?

Подруга едва не пустила слезу.

— Это гад не звонит уже третий день! Ты помнишь, сколько я его «кадрила»? Три месяца! Нормальному парню нужно несколько минут, чтобы понять, что он мне нравится! А этот непробиваемый, гад какой-то! А когда он подошел, наконец, и пригласил меня на свидание, я как дура, согласилась! Пошла. И что ты думаешь?

— Что?

— Он не пришел!

— Не может быть...

— Никто! Никто никогда не смел меня «динамить»! А этот гад прокинул!

— Ну, а ты что?

— Что? Позвонила ему, спросила, в чем дело.

— А он?

— Он сказал, что очень занят и перезвонит, а сам не перезвонил! Уже три дня жду. Пусть только осмелится набрать мой номер. Я скажу ему все, что я о нем думаю!

— И ты все это время молчала? Не рассказывала мне ничего? Это на тебя не похоже... Викусь, ты что, влюбилась в него?

Вика закрыла лицо руками и опустилась в свое любимое кресло. Ксюша все поняла, она оказалась права. Девушка под села к подруге, и обняла ее.

— Ну что ты, Викуль? Разве можно на таких внимание обращать? Он не достоин тебя. Даже ногтя твоего не достоин. Ты снова сделала маникюр?

— Не надо меня отвлекать, Ксения Ивановна. У вас ничего не выйдет! Это настоящая любовь. Я люблю его и страдаю от этого. Это ужасно! Ты когда нибудь любила безответно? Наш новый препод не в счет!

— Вика, хватит! С чего ты взяла, что Наумов мне понравился? Как ты вообще додумалась до таких глупостей? Нет. Я никогда не любила безответно! И думаю, что типы вроде твоего Олега вряд ли оценят твои душевные терзания.

— Ты права. Он гад! Последний гад, — Вика снова поднялась из кресла, и подобно драматической актрисе произнесла, — я устала! Мне надо расслабиться, развеяться. Поедем в клуб?

— Сегодня? Нет Викусь, я хочу закончить картину сегодня.

— Потом закончишь!

— Когда, потом? Потом экзамены, и юбилей. Кстати, может, ты составишь мне компанию? Уж очень не хочется мне ехать домой одной. Представляю, какой мне прием Ленка устроит...

— Не знаю, Ксюха, твой братец порядком мне действует на нервы.

— Ты с ним знакома?

— Он ведь приезжал к тебе на Новый год, помнишь? Я тогда с ним здорово поцапалась. Более беспринципного типа я не встречала, не обижайся...

— Да, до Олег, ему конечно, далеко...,- ехидно заметила Ксюша.

Вика взглянула на подругу внимательно, пронзая зеленым взглядом.

— Иногда ты бываешь ужасной стервой, — наконец, произнесла она.

— Да, — протянула Ксюха, — это гены. Не забывай, из какой я семьи. Не будь мы такими, никогда бы ничего не добились.

Вика снова улыбнулась.

— Ладно. Я поеду с тобой. Только не заставляй меня быть вежливой с Максом, ладно?

— Как скажешь, Викусь.

— Вот и славно.

10.

Ксюша осторожно ехала по лесной дороге. Так вышло, что ВУЗ Ксении оказался в отдалении от города, да еще и за небольшим леском.

Так, совершив небольшие покупки на оставшуюся неделю, студентка ехала, напевая заунывную мелодию Билана, в тон хриповатого и сбивающего радио. Слухом Ксения была одарена неважным, поэтому радио не перекрикивала, и ехала довольно медленно, наслаждаясь прогулкой.

Как неожиданно, за следующим поворотом увидела черную «Мазду» в кювете, и мужчину, разглядывающего колеса.

Девушка собралась, было затормозить, как громкий хлопок напугал ее, машину повело, перепуганная Ксюша нажал тормоз, когда ее автомобиль с треском уткнулся в придорожное дерево.

Ксения, крихтя и дрожа, выбралась из машины и непонимающе уставилась на смятый и дымящий капот своих стареньких «Жигулей».

— Хулиганы оставили шиповку на дороге, — раздался мужской голос позади.

И только сейчас Ксюша вспомнила об еще одном пострадавшем.

Девушка обернулась, и увидела Наумова.

— Я даже не успел убрать их с дороги, как появились вы, Ксения Тульская, да?

Девушка виновато улыбнулась, при виде его заклеенного пластырем носа, и улыбнулась.

— У вас, случайно нет с собой сотового телефона? А то у моего батарея села, как всегда, в ответственный момент...

— Есть, сейчас, — девушка вернулась в машину и достала свою сумочку, в которой покоилась довольно дорогая модель мобильного телефона, совершенно не гармонирующая с ее облезлым автомобилем и дешевой одеждой.

Ксюша передала мобильник Кириллу, тот заинтересованно взглянул на девушку.

— Классный телефон, — пробормотал он, набирая номер аварийной службы.

— Это подарок брата, — ответила Ксюша.

Наумов приложил телефон к уху и отошел. Девушка вернулась к «Жигулям», в надежде изучить поломки, и сумму, в которую ей все это обойдется. Два передних колеса проколоты, капот смят. Ксения впервые попала в аварию, поэтому прибывала в легком шоке.

Крики Кирилла заставили девушку оглянуться. Меж тем мужчина захлопнул телефон и беззвучно выругался. Заметив, что Ксюша наблюдает за ним, нахмурился и двинулся к ней.

Нет, его нельзя было назвать красавцем. Худоват, немного сутулится, и подбородок такой, безвольный. Но его взгляд, походка и манера поведения не оставляли сомнений в мужественности.

Ксюша шагнула к нему.

— В чем дело? — спросила она.

— Сети нет ни черта! Не знаю, слышали ли они меня. Ох, попали бы мне в руки эти...

Ксюша не стала дослушивать его слова и принялась скидывать с дороги шиповки.

Кирилл пришел ей на помощь.

— Простите меня, — начал он, — Вы, наверное, считаете меня грубияном. Просто мы сталкиваемся в такие моменты, когда я очень зол.

Ксюша откинула последнюю шиповку и обтерев руки об джинсы, улыбнулась Кириллу.

— Это моя вина. Как только я оказываюсь рядом, на вашу голову начинают сыпаться неприятности...

Но Наумов не слушал ее. Его пленил этот простой жест. Девушка так спокойно обтерла руки о штаны, что стало ясно, она делает так всегда. Кириллу это показалось таким невероятным и естественным одновременно, что он не знал, как вести себя дальше.

— Так что делать? Ждать или идти? — спросила она.

Кирилл встрепенулся.

— Честно говоря, не знаю.

Девушка взволнованно взглянула на мужчину, испугавшись, что тот снимет с себя

обязанности лидера в их маленькой компании.

— Ладно, — он вздохнул, — кому-то из нас надо идти в студенческий городок...

— Я не пойду одна через лес, — поспешно сообщила Ксюша, — я трусиха и не горю желанием быть одна в лесу, на пустой дороге. Уж простите...

Наумов снова внимательно изучил девушку.

— Что ж, тогда подождем. Может аварийка все же подъедет, или попутка будет...

Ксюша молча прокляла всех, кто соберется проехать по пустой лесной дороге. Ей очень хотелось побыть с Кириллом наедине.

Воцарилось молчание. Девушка понимала, у неё всего час, что бы понять, чем этот человек так зацепил ее, и почему выбрал именно ее картину...

— Кирилл Семенович?

Мужчина сошел с проезжей части. Выглядывать попутки дело неблагодарное.

— Да?

— Спасибо вам, что отметили мою картину для своей выставки. Для меня это честь.

— Ксюша, вы не против, если я буду называть вас на «ты»?

— Конечно, нет, Кирилл Семенович.

— А ты можешь звать меня Кириллом. Ну, так вот. Я талант чую за версту. А ты действительно талантлива. Твой «Морской бриз» просто мазня по сравнению с тем натюрмортом, что я видел в твоей комнате. Понимаешь? И я намерен его продать за максимально высокую цену. Только умоляю, не уродуй его добавлениями, Тульская. Ты еще станешь знаменитой.

— Спасибо вам, Кирилл. Для меня так важно ваше мнение. Кирилл Наумов похвалил мою работу. Невероятно! Не подумайте, что дура. Мне просто очень хочется понять, ПОЧЕМУ вы это делаете?

Кирилл снова нахмурил свои низкие брови.

— Ты только не подумай чего такого. У меня невеста есть, и я ничего не потребую от тебя взамен. Просто знай, что у тебя действительно талант, и я хотел бы стать тем человеком, который его разовьет. Знаешь, как мало хороших художников?!

Ксюша следила за его пламенной речью, потеряв нить, после слов «у меня есть невеста». Очень жаль. Ах, как жаль!

— Это, правда, что у вас есть какая-то особая серия картин? — без особого энтузиазма поинтересовалась Ксюша, просто, что бы поддержать беседу.

— Да, правда. Эта серия называется «Лесные феи», серия портретов красивых женщин. Шесть уже есть. Я в поиске заключительного типажа. Никак не могу подобрать натурщицу. Ну-ка, покажи профиль.

Ксюша не сразу поняла, что от нее требуется.

— Профиль?

— Да, поверни личико, может, ты мне подойдешь?

Ксения неуверенно повернула голову.

— У тебя идеальный профиль, и родинка на шее... мы точно не встречались прежде?

Девушка непонимающе взглянула на художника. А тот продолжал молчаливо изучать ее лицо.

— Я уже даже место выбрал, а теперь мне и натурщица нашлась, — довольно сообщил он, — отлично. Можно прямо завтра начать работу. Возможно, я успею закончить ее до выставки? Ах, да! Ксения, ты могла бы мне позировать последнюю неделю? Как у тебя, не

очень напряженный график?

— Не особо... но в понедельник уезжаю домой.

— Да-да, как раз в понедельник мне тоже надо будет уехать. Поэтому постараемся успеть за эту неделю. Ты не против?

— Конечно, нет. Что вы.

— Отлично. Осталось только добраться до общежития, — он криво усмехнулся.

Воцарилось молчание.

— Может, вы хотите мороженого? А то, пока я доберусь до холодильника, оно окончательно растает.

Кирилл потер руки.

— Ну, давай, поедим. Все равно время надо как — то убить.

Ксюша достала из машины пластмассовое ведро полное мороженого с розовыми разводами малинового варенья.

— Вы любите малиновое?

— Без разницы. Для меня любое мороженое просто мечта, — сказал он неожиданно весело, сжимая пластиковую ложечку.

Они сели на переднее сидение его машины. На зеркале заднего вида на длинной цепочке висела смешная розовая собачонка с сердцем в зубах.

— Забавный брелок, — улыбнулась девушка, — мне сестра точно такой подарила 14 февраля.

Наумов промолчал. Он решил не уточнять, что эту безделушку ему невеста подарила.

— У тебя большая семья, да?

— Да, даже слишком.

Он улыбнулся, поковыряв мороженное ложечкой.

— Трудно, наверное?

— Еще как.

— Я один в семье. Всегда хотел иметь брата или сестру, — он помолчал, — моя невеста тоже из большой семьи. И тоже не в восторге.

Ксения скрыла свою неприязнь к виртуальной невесте, и произнесла:

— Над семьей надо работать и отстригать все сухие отростки, так мама говорит. И когда она об этом вспоминает, я всегда представляю себе старый, запущенный сад. Вынести из всего этого я могу только одно. Прежде чем выходить замуж, надо изучить корни саженца, и проверить его совместимость с другими обитателями сада.

Кирилл засмеялся.

— Да, так оно и есть... семью создать трудно, а удержать ее еще труднее. Но я и мой саженец идеально подходим друг другу. Более здорового и ухоженного розового куста нет в мире. Теперь она хочет проверить мою совместимость с ее садом, тем, в котором она выросла.

— Встреча с родителями... да, серьезно. Желаю вам удачи. Кажется, вы действительно ее любите.

Кирилл задумчиво выгрел мороженое со стенок ведерка, и не считал нужным отвечать.

Ксюша, потерявшая последнюю надежду, улыбнулась, и потянулась за мороженым.

— А у тебя кто —нибудь есть? — вдруг спросил он.

Девушка взглянула в его глаза, и натянуто улыбнулась вновь.

— Нет, сейчас нет...

— Почему?

— Отношения изматывают меня. Это мешает полностью отдаться творчеству...

— Никогда не замечал.

— Ведь вы уже профессионал.

— Вряд ли только из-за этого. Нет, ты все-таки права. Был у меня один случай. Я тогда так влюбился, что ни есть, ни спать не мог. И уж тем более рисовать. Жуткая депрессия. Ужасное состояние. Странно, но с Наташей все не так. ой, машина!

И прежде чем Ксения осознала что-то, Наумов выскочил из салона, наперерез одинокому автомобилю.

Машина притормозила около голосующего Кирилла. Ксения тоже вышла из его авто, и подошла к попутке.

— Вы довезете ее до института? — хмуро спросил Наумов у круглолицей водительницы.

Та, очаровательно улыбнувшись, кивнула.

— Конечно, можете не беспокоиться.

Кирилл повернулся к Ксюше.

— Тебе пора, — сказал он.

Та едва заметно кивнула, и села в машину. Он остался стоять на дороге. Ксюша обернулась. Он смотрел ей в след.

11.

Ксюша поднялась рано. Требование художника, чтобы картина рисовалась, когда солнце будет только просыпаться.

Девушка тяжело добрела по холодному полу в ванную комнату, и умылась прохладной водой. Та немного освежила не выспавшуюся студентку, но та, проявив не дюжую силу воли, продолжала собираться. Джинсы, футболка, коса, почистить зубы...

Небо было совсем светлым, когда Ксюша пришла к уговоренному месту.

Кирилл сидел на лавочке, вокруг него лежал разные приспособления, чемоданчик с кистями и красками, мольберт, за спиной рюкзак. Он выглядел не менее мятым, чем сама Ксюша.

— Доброе утро, — улыбнулась Ксюша, приблизившись.

— Доброе, — сказал он, поднимаясь и подбирая свои инструменты, — кажется с рассветом я погорячился.

Девушка тихо посмеялась.

— Идем?

— Давайте я помогу вам... — девушка взяла его краски, и пара двинулась в глубь лечебного парка, раскинувшегося вокруг ВУЗа.

Когда они остановились, Ксюша поняла, что место действительно чудесное. Березовая роща, полянка свежих фиалок, лавочка, вырезанная из ствола, птицы...

— Когда встанет солнце, здесь будет еще красивее, — сказал он, и скинул с плеча рюкзак.

— Могу себе представить. Место действительно изумительное...

Кирилл, отложив в сторону мольберт, изъял из рюкзака венки из цветов, и какую-то белую рубаху.

— Надеюсь, ты не красилась?

— Нет, пока.

— Вот и не надо. Я тут взял у студенческого театра тунику. Надень ее, и веноч. Цветы искусственные, но я сделаю их живыми.

Ксения ответила на улыбку Кирилла, и послушно кивнула.

— Наверное, вы волшебник.

— Мне иногда тоже так кажется, — сказал он, и снова посмотрел на неё таким теплым взглядом, от которого студентке просто стало жарко.

Ксюша развернула тунику, Кирилл принялся устанавливать мольберт.

— Волосы желательно распустить, — сказал он, разбавляя краски.

— Ничего, если я останусь в джинсах? А то как-то прохладно...

— Конечно, садись на лавку вполоборота.

Когда девушка уселась, Кирилл еще долго не мог забыть небрежно брошенную на траву, майку. Казалось, более небрежной женщине нет на свете.

— Кирилл Семенович? Я готова.

Наумов перевел взгляд на натурщицу, и кивнул.

— Ксюшенька, а теперь оголи одно плечико, да-да, вот так. Голову слегка склони, нет, не поворачивай, а наклони. Да, и смотри на меня. Руки... обними ими себя, да, и волосы убери с оголенного плеча на спину..., пусть они касаются твоих рук. Да-да, вот, замри! То, что надо! Смотри на меня. Итак, я приступаю.

Ксения затаила дыхание, а художник принялся делать первые наброски.

Робкие лучи солнца, тонкими струйками пробрались сквозь молодые листики деревьев, и отогрели кожу девушки.

Именно поэтому Кирилл и выбрал это место. Солнце изменило все. Из чудесной поляны превратилась в волшебную. Фиалки заиграли ярким фиолетовым, листва — горела зеленым огнем, белая туника ослепляла, черные волосы служили контрастом.

Больше не было неряшливой студентки. Перед Кириллом сидела самая настоящая, лесная фея. Светящаяся на солнце, персиковая кожа, темный, немного диковатый взгляд, смятые волосы и эта родинка на шее... она не давала Кириллу покоя. Она отвлекала его от холста, не давала отобразить композицию. Он хотел только одного. Коснуться этого шелковистого плеча и поцеловать черную точку прямо на пульсирующей жилке ее шеи. Наумову показалось, что что-то отдельное от него думает и творит сейчас. Его истинное «я» скрылось за решительным художником и мужчиной, сломленным вождением.

— На сегодня, думаю, хватит, — выглянув из-за мольберта, хмуро сказал Наумов.

Ксюша быстро поднялась и передернула затекшими плечами.

Вот, и окончился пятый день ее позирования. Девушка приходила на место прямо в костюме, и уже не надевала обуви и штанов под тунику. Ее босые розовые пальчики забавно смотрелись на фоне зеленой травы.

Вика кидала двусмысленные шутки по поводу неожиданного выбора Наумова. Ксюша пропускала все мимо ушей. Ей нравилось позировать ему. Следить за его хмурым лицом, складочкой между бровей, четкими, рассчитанными движениями рук. Он молчал. И довольно сухо прощался с девушкой, каждый день.

— Завтра в это же время? — спросила она.

Кирилл, складывая мольберт, кивнул.

— Отлично. Я тогда, пойду?

Он снова кивнул.

— Простите, Кирилл, что-то не так? Картина не получается? Вы не довольны результатом?

Наумов продолжал молча укладывать свои инструменты, казалось, он ее не слышал.

Ксюша шагнула к мужчине, и тронула его плечо. Тот, вздрогнув, обернулся.

— С вами все в порядке?

— Да, да. Ксюша, все хорошо, — сказал он, и впервые за последнее время его лоб разгладился, — вы можете идти.

— Точно? У вас странный вид.

— Я же сказал, что все хорошо!

Ксюша недоуменно отшатнулась. Она не ожидала такой вспышки.

Кирилл тут же пожалел, что поднял на неё голос.

Девушка медленно развернулась, чтобы уйти. Он довольно крепко сжал ее руку. Ксения вскинула непонимающий взгляд на художника, и вновь взглянула на его руку, сжимающую ее запястье.

Кирилл ее отпустил, девушка подняла на него глаза. Наумов смотрел на неё тем своим жарким взглядом, от которого Ксения впадала в гипнотическое состояние. И тогда она приблизилась к нему, и, приподнявшись на носочках, коснулась его губ своими. Секунду он бездействовал. Но когда она минула, Кирилл обхватил ее своими перепачканными краской руками, и ответил на ее поцелуй с таким напором, какого девушка никак не ожидала.

На секунду она забыла кто она, ощущая только биение его сердца. Он медленно отстранился. Девушка вернулась на грешную землю и открыла свои загадочные глаза.

Кирилл погладил ее щеку, коснулся шеи и родинки.

— Я должен идти, — тихо сказал он.

Ксюша отступила молча, не произнося ни слова.

— Я тоже должна идти, — улыбнулась она, — до-завтра!

Кирилл проводил ее взглядом, и тяжело вздохнув, сел на лавочку.

Напевая веселую мелодию себе под нос, Ксения забежала в свою комнату. Как обычно, в кресле, сидела Вика. Растрепанная, заплаканная, и с остервенением подпиливала пилочкой ногти.

— Вика? Что случилось? Что с тобой? — девушка тут же подбежала к подруге.

Та подняла на Ксюшу красный от слез, взгляд.

— Я сегодня встретила Олега.

— Вот, черт! — Ксюха быстро обняла Вику, — Когда ты успела? Только десять часов!

— Что это у тебя на лице? — нахмурилась подруга, и пальцем стерла с щеки Ксюши что-то, осторожно растерев пальцами и понюхав, Вика вскинула на подругу лицо, — Что это? Краска? Ты что, рисовала? Ты же, казалось, позировала! И на шее тоже, милая! Он трогал твое лицо? Скажи, что он просто искал нужный ракурс...

Ксюша отошла от Вики, и скинула венок.

— Молчишь? Вы целовались?

Девушка счастливо улыбнулась, и стянула тунику.

— Да, — сказала она, накидывая халат, — он меня поцеловал.

— Он?

— А может и я. Не помню, ... но это было так... странно.

Вика нахмурилась и встала из кресла.

— Ты понимаешь, что делаешь? У него невеста, ты его студентка, он твой

преподаватель. Его могут лишить всего из-за тебя.

— Ой, Вик, это просто поцелуй. Он ничего не значит, — не уставая улыбаться, сказала Ксюша, заплетая косу.

Виктория нахмурилась, наблюдая за счастливой подругой.

— Ты что, влюбилась в него?

Ксения оглянулась на подругу, пожала плечами и снова улыбнулась.

— Конечно, это твоё дело, подруга, но я бы не стала так рисковать.

Тульская-Семенова села напротив Вики.

— Какая уже теперь разница? Сделанного не воротишь...

— Это точно, — Вика шмыгнула носом, и, отыскав салфетку, громко высморкалась.

— Ну, так что там, с Олегом? — напомнила счастливая Ксюша.

Вика сделала несчастный вид.

— Он шел с Леркой из 205, кивнул мне так, незаметно. Козел! А потом подошел ко мне, когда я отдыхала после пробежки, там, знаешь, у озера? — дождавшись, когда Ксюша кивнет, Вика продолжила, — он стал извиняться. Сказал, что меня недостойн. Что я слишком идеальна для него. Что постеснялся прийти тогда на свидание, потому что не знает, как себя со мной вести. Он такой хороший, а я такая стерва!!!

Ксюша удивленно взглянула в лицо подруги.

— Эй! Не надо его идеализировать, слышишь? Не такой уж он хороший. Лично мне показалось, что он просто хотел тебя деликатно «отшить».

— А Ритка из 209 группы сказала мне, что он признался Ольге из 201, что влюбился в меня с первого взгляда. Но не знает, как подойти ко мне.

— Они могут и врать.

— Спасибо, подруга, за поддержку.

Ксюша виновато потупилась.

— В общем, я не знаю, что делать.

— Тебе надо уехать со мной, все хорошенько обдумать вдали от этого места.

— Ты все выкрутишь в свою пользу!

Вика утерла слезы, и улыбнулась.

— Я уже собрала чемодан, — сказала она, — а ты чего ждешь?

— У нас же еще два дня зачеты.

— Оба завтра, с утра. Так что тронемся сразу после зачетов, да?

— Ой, мне тогда надо сказать Кириллу... — выдохнула Ксюша, подхватив только скинутую тунику.

Вика снова стала мрачнее тучи.

— Смотри, подруга, по институту давно ходит слухок. Наверняка, стервы-завистницы злятся, за то, что ты ему позируешь, а не они.

— Мне плевать, что они там думают. Я пойду, предупрежу, что меня больше не будет, — сказала она, на ходу натягивая тунику.

— Пойди, пойди, — усмехнулась Вика в след счастливой Ксении.

12.

Ксюша проскользнула не замеченной в студию Наумова. Еще в темном коридоре она услышала звуки радио, а когда вошла, то оно ее просто оглушило.

— Всем привет, с вами я, Ника, пятнадцать минут одиннадцатого по Москве, и это ваше любимое радио...

Дверь отказывалась закрываться.

Ксения внимательно изучила дверную ручку, покрутила так, сяк, замок не желал работать.

— Кирилл Семенович?! — позвала она, в надежде перекричать радио, и снова занялась ручкой.

— Ксюша? Что ты делаешь здесь?

— Я зашла сказать... — девушка бросила ручку и взглянула на Кирилла, который вытирал руки полотенцем, наверное, он только их помыл, — я просто хотела сказать... — дверь вновь приоткрылась, — ваша дверь не закрывается...

— Самая романтическая композиция, по моему мнению, от Моби на нашей волне, — сообщила девушка по радио, и комната наполнилась звуками печальной мелодии.

Ксюша подняла глаза, заметив, как Кирилл ловко справился с дверью, и замок весело перещелкнул.

Наумов перекинул полотенце через плечо.

Говорить что-то было бессмысленно, музыка заглушала слова и мысли.

Кирилл положил руки на ее талию, девушка прильнула к нему. Наумов осторожно отодвинул ее волосы с заветной родинки, и, стянув с плеча тунику, коснулся губами темной точки на ее шее, другой рукой утопая в густых волосах.

Музыка заполнила их сознание, жар, исходящий от их тел, не выпускал холодный рассудок на поверхность.

Он стянул с нее тунику, и принялся целовать ее кожу, Ксюша улыбалась, ощущая его горячие поцелуи на своем теле. Он коснулся ее губ, и девушка ответила на его поцелуй.

— Я люблю тебя, — выдохнул он, и, подхватив девушку на руки, двинулся к узкому дивану, застеленному сиреневым бархатным покрывалом.

Тонкие переливы аккордов музыки уводили далеко от реальности. Динамики радио слегка хрипели, но музыка заглушала страстные вздохи. Длинные тени на полу против солнца сплетались в страстных объятиях.

— И что теперь? — тихо спросила она, лежа на его плече, когда страсть утихла.

— Не знаю, — честно ответил он.

Ксюша скользила тонкими пальцами по волосам на его груди, Кирилл прижимал ее тело, укрытое сиреневым покрывалом к себе.

Вот она, юная, прекрасная девушка, которую он любит. Которую боится потерять. А Наташа? Наталья умная, красивая. С ней легко, удобно. Она сильная, и ждет того же от Кирилла. Но вот любит ли он ее?

Мужчина нахмурился, и достал пачку сигарет из брюк, что валялись на полу, у дивана.

— Не знала, что ты куришь, — протянула девушка, потягиваясь.

Наумов улыбнулся, и поцеловал ее в лоб.

— Я и не курю, — сказал он, и вставил сигаретку в рот.

Ксюша медленно село. Волосы покрывалом окутали ее спину и плечи.

— Вообще-то я пришла сказать, что уезжаю.

Он тоже сел, но сигарету подкуривать не торопился.

— Когда?

— Завтра после обеда. У меня с утра зачеты, так что позировать я не смогу...

— Ничего. Сам дорисую. Я запомнил каждую твою черточку.

Девушка томно улыбнулась, и осторожно вытащив из его рта сигаретку, поцеловала в

губы.

— Я пойду, — через минуту сказала она, и легко соскочив с их ложа любви, направилась к тунике.

Зазвонил сотовый телефон. По мелодии Кирилл понял, что это Наташа.

Ксюша откинула покрывало и быстро оделась.

Кирилл взял трубку.

— Алло?

— Привет, любимый, — раздался ее голос в трубке, — как дела?

— Привет. Хорошо, — спокойно ответил он.

Ксюша деловито отключила радио, и принялась причесываться.

— Чем занимаешься? — спросила Наташа.

— Рисую, — соврал Кирилл.

Ксения удивленно взглянула на Наумова, улучив его во лжи, и догадка пронзила ее сознание. Это звонит ОНА. Его невеста.

Девушка замерла на стуле, вслушиваясь в их разговор.

— Не забыл про юбилей? Я выезжаю завтра. За тобой заехать?

— Боюсь, не получится. Мне нужно закончит картину. Так что я подъеду к твоим родителям позже, хорошо?

— Нет, Кирюша, так не пойдет. Они ждут нас.

— Извини, я должен идти. Потом поговорим, хорошо?

— Конечно, целую, милый.

— Пока.

Кирилл отключил телефон и повернулся к девушке.

Дослушав их диалог, Ксения впервые ощутила то самое гадкое чувство запретной любви. Ей стало так противно и стыдно за себя, за свое упорство и глупую уверенность, что он бросит свою идеальную Наташа ради неё.

— Мне нужно время, — услышала она его голос за спиной.

— Конечно, я понимаю, — слабо отозвалась Ксюша, и быстро заплела волосы.

Кирилл надел брюки, и накинул рубашку. Девушка поднялась со стула и направилась к двери. Он наблюдал за ней тоскливыми глазами, но не в силах был окликнуть. Ксюша остановилась сама, оглянулась у двери, и произнесла:

— Мы увидимся сегодня?

Наумов отметил решимость в ее глазах, они блестели так, словно девушка окончательно решила покончить с собой.

Кирилл кивнул, и шагнул к ней.

— Мне бы очень этого хотелось, — произнес он, обнимая ее за плечи.

Ксюша зарыла лицо в его грудь, и зажмурила глаза, желая, чтобы это ощущения счастья и покоя не покидало ее. Но нужно идти...

Семенова подняла голову, раскрыла глаза, расправила плечи, и пошла прочь из комнаты своего любовника, подарив ему легкий поцелуй на прощанье.

Часть 3. Когда появляется "она"

— Можешь жизнь любить, как хочешь,

И любя, как хочешь жить.

Очень просто быть супругой

И мужу изменить.

Но все так здорово, так весело...

В наши дни...

— Что ты там поешь?

Лена Семенова оторвалась от красочного журнала и устремила взгляд на вошедшего в ее покой молодого человека.

— Макс! — улыбнулась она, и двинулась к брату, чтобы крепко обнять, — я не слышала, как ты вошел.

— Ты ведь знаешь, меня этому учили, — хмыкнул он, оставляя мотоциклетный шлем на красном, бархатном диване, в просторной гостиной сестры.

— А разбивать семьи тебя тоже учили? — лукаво спросила она, показывая ему журнал, — Ты гений!

Максим взял дешевое издание. Там, на развороте, крупно красовалась довольно занятная фотографии Елены в объятиях ее режиссера, Григория Рязанова. Причем фотограф ухватил все самые лучшие ракурсы Елены. Удивительно!

— Ты не плохо получилась, — хмыкнул Макс, отшвырнув желтую прессу.

— Думаешь так легко позировать во время секса? Но я старалась, — Лена снова взяла журнал, и принялась любоваться, — в любом случае, спасибо тебе.

Максим расстегнул джинсовую куртку и достал из холодильника сестры пиво.

— Это не мне спасибо, а моему агенту. Пашка, как всегда сработал идеально! Но без твоего снимка это было бы просто очередной уткой.

Лена оставила журнал и грустно улыбнулась.

— Не переживай, Пашу я отблагодарю, — сказала она.

— А почему ты грустишь? Ты разве не этого хотела?

— Все получилось именно так, как я и задумывала, — выдохнула женщина, и достала тонкую сигарету из пачки, — только он молчит. О разводе я не слышала. Вот бы хоть краем уха услышать, что происходит в его семье...

— Это ты? Я вижу сама, что это ты!

Рязанов недоуменно принял журнал из рук жены. Он видел Настю такой впервые. Она дрожала, лицо мокрое от слез, спутанные волосы. Видно, что она всю ночь не спала, ждала его...

— Настенька, я...

— Мне звонят люди! Говорят... просят прощения, что не говорили! А ты... — она ударила мужа, — ты тварь! Все знали! Знали все, понимаешь?! Все, кроме меня! Ты трахал эту суку, на глазах у всей съемочной площадки, а они молчали! Как ты мог?! Я ненавижу тебя, ненавижу!

— Где дети?

— Убирайся! Пошел вон! Ты их больше не увидишь, понял? Пошел вон из моего дома!

Рязанов попятился, сломленный ее истерикой и своей виной.

Он безвольно подался на ее подталкивания, и оказался на веранде. Дверь с грохотом захлопнулась перед его носом.

Рязанов окинул взглядом белую, дубовую резную дверь с позолоченными ручками, развернулся и пошел прочь с этого двора. Он не знал, что делать теперь, и куда идти.

В руках Гриша по-прежнему сжимал журнал. Его взгляд скользнул по снимку.

Отвратительная сцена! Бедная Настена...

Рязанов сел в машину и притих. Как глупо вышло. Да, Лена была довольно привлекательной женщиной, можно даже сказать желанной. Он всегда ее хотел, как только увидел. Вот только... Настю он любит, и все. К чему ему эта разукрашенная красотка, если есть Настя?

Гриша вышел из автомобиля и решительно двинулся к дому. Едва он достиг ступеней своего крыльца, входная дверь приоткрылась, и на пороге появился его чемодан, забитый вещами, абы как. Дверь вновь, с грохотом захлопнулась.

Из кустов выскочил фотограф и запечатлел этот момент. Рязанова с глупым лицом, чемодан из которого торчал рукав его рубашки за тысячу долларов, и наглухо запертую дверь его дома. ЕГО ДОМА! Проклятье!

Рязанов метнулся и с силой ударил мерзкого журналюгу. Тот упал, фотоаппарат отлетел в сторону и разбился. Бедный парень утер кровоточащий нос и угрюмо проводил взглядом решительную фигуру режиссера.

Тот сел за руль и через секунду скрылся из виду, так и оставив свой чемодан на крыльце СВОЕГО ДОМА.

Лена скрылась в душевой. Макс снова взглянул на фотографию.

— Я до сих пор не могу понять, зачем тебе он нужен? Этот Рязанов?

— Ты не понимаешь, милый, — раздался гулкий голос из душевой, — он единственный человек, который мне нужен, — Лена выглянула, — это не так, как у тебя с Линой? Алиной? Или как там ее звали? — она снова скрылась.

— Ее зовут Лиана. И я хотел жениться на ней. А ты замуж за Рязанова, кажется, не собиралась.

Лена вернулась к Максиму в ослепительном, вишнево — красном халатике, напоминающем японское кимоно, и принялась прихорашиваться перед зеркалом, проигнорировав слова Макса о свадьбе.

Мужчина смотрел на сестру и не понимал, как такое возможно? Глаза у Ленки такие же, как и у Натальи, и у Дашки, и у Машки, как и у него, но... совсем другие! И лицо, и волосы, и характер. Но у Ленки, все казалось лучше и красивее раз в десять.

— Ты что, опять «Ботэкс» вкалывала?

Лена удивленно оглянулась.

— Откуда ты знаешь?! Никто об этом не знает! Кто тебе сказал?!

Макс засмеялся.

— Да ты на себя посмотри! Так и светишься! Наверняка без доктора не обошлось...

— Что-то я раньше не замечала в тебе такой проницательности! Мадрид пошел тебе на пользу. А теперь говори, кто сдал меня?

Максим снова широко улыбнулся, показывая свои белоснежные зубы. Елену посетила догадка.

— Ты ходил к Барановой на прием?! Зубы она чистит здорово, как и кости перемывает! — Лена снова обратила свое внимание на отражение в зеркале. Было ясно, она довольна собой.

— Ты ведь знаешь, муж и жена, одна сатана, — выдохнул Макс.

— Он клялся, что все сохранит в тайне. Ну, ничего! Я ему устрою!

— Прекрати, она сказала мне по секрету, как твоему брату.

— Неужели? Может она «по секрету» объявила о моей силиконовой груди «моему» журналисту, и «моему» интренетчику, что бы тот разместил фотографии моей «новой» груди крупным планом в Интернете?

Максим устало вздохнул.

Лена повернулась к своему отражению, и, пригладив бровь, замурлыкала: «Очень просто быть супругой, и мужу изменить...».

— Что далась тебе эта песня?

— Мне предлагают роль Вэлмы в русской постановке «Чикаго».

— И что ты? Неужели отказалась?

— Мне больше по душе Рокси, — хмыкнула Лена, и села напротив брата.

— Еще бы, она ведь главная героиня, — иронически заметил Макс.

— Нет, я хочу Рокси, потому что она близка мне по духу.

— Все ясно. Ты можешь убивать. Я усвоил. Я просто зашел спросить, когда ты едешь к родителям? Может, вместе?

— Пока не знаю. Видишь, как складываются обстоятельства...

Неожиданно зазвонил телефон.

Дождавшись, когда звонок прозвенит три раза, Лена подняла черную, элегантной формы, трубку, которая сочеталась со всем интерьером ее роскошной квартиры, и произнесла томное: «Алло?»

Тут же, видимо, собеседник взял быка за рога. Елена высокомерно вскинула бровь, потом холодно улыбнулась.

— Ну что вы, дорогуша. Сколько у меня, их было! И все чьи — то мужья! Как говорите, вас зовут? — ее рот начал расползаться в отвратительной улыбке, напоминающей оскал, — Анастасия Рязанова?

— Вы его не получите! — послышался истеричный выкрик из трубки.

Макс догадался, фото достигло адресата.

— Но, дорогая, вы ведь наверняка его уже выгнали, — сказала Елена, широко улыбаясь, — так что заполучить его будет даже проще, чем вы думаете. Всего доброго, — и Семенова положила трубку, почти увидев перед собой искаженное яростью лицо заплаканной Насти Рязановой.

— Прости, Максик, но скоро ко мне пожалуют гости! — счастливо сообщила Лена, и кинулась снова к туалетному столику, чтобы смочить запястья новым ароматом.

Семенов действительно испугался. Ох, как бы ему не хотелось иметь подобную женщину в своих врагах!

Он молча встал, взял шлем и двинулся к двери. Она не слышала, как брат покинул ее квартиру. Мысли Елены были, как никогда далеко.

Женщина металась по квартире, что-то прибирая, освежая, проветривая. Ей хотелось, что бы все было идеально. Вот он войдет, и перед ним она, такая прекрасная, и божественная ЗВЕЗДА. И, наконец, они смогут расслабиться. Он не будет думать о детях и жене, она о фотографиях и общественном мнении. Они будут просто любить друг друга...

Медленно темнело. Лена прилегла на свой алый диван, приняв красивую позу спящей красавицы, и принялась ЖДАТЬ. А его все не было. Сон коварно забрался в ее сознание Семенова уснула.

Пронзительный звонок заставил актрису вздрогнуть. Она резко села. В квартире было совсем темно.

Лена зажгла свет и взглянула на часы. Почти полночь.

Звонок повторился. Женщина двинулась к домофону.

— Да?

— Елена Ивановна, к вам пришел Григорий Рязанов.

— Пропустите, я его давно жду.

— Конечно, Елена Иванова, сию минуту.

Семенова снова вернулась к зеркалу. Снова изучила себя, подправила смазавшийся макияж, освежила духи. Глухой стук в дверь известил о приходе Рязанова. Вот глупый, у него ведь есть ключи!

Улыбаясь, Лена распахнула дверь и, ... позволила ввалиться в свою квартиру пьяному вдрызг Григорию Рязанову.

— Она меня выгнал! Выгнала, — едва ворочая языком, и утирая слезы, сообщил гений современности в режиссуре, и сполз по стене на пол, где его и вырвало.

Потеряв дар речи от шока, Семенова тупо уставилась на отвратительное месиво его испражнений на своем НОВОМ ковре.

— Настенька, Настя, дай воды, а? — пробормотал он, и, свесив голову, уснул.

Семенова захлопнула за ним дверь. Подошла к домофону.

— Петр Валерьевич, ну будьте добры, пригласите, кого ни будь ко мне, а то Рязанова стошнило прямо на мой ковер...

— Уборщика?

Лена раздраженно подавила поток ядовитых ответов.

— Да, пожалуйста.

— Сию минуту, Елена Ивановна.

Семенова зашла в ванную, взяла влажные салфетки и вернулась к Грише. Тот по-прежнему сидел у стены. Слава Богу, что он не испачкал себя!

Женщина с трудом заставила его подняться на ноги. Рязанов, как заговоренный, повторял: «Настя, Настя», от чего Семенову так и подмывало скинуть его со своих плеч, обратно, в лужу его рвоты.

Но она бережно донесла мужчину своей мечты до своего алого дивана, положила, обтерла лицо влажными салфетками, сняла с него галстук и ботинки. Мужчина крепко спал.

Тихая уборщица быстро и качественно ликвидировала все то, что Рязанов употреблял сегодня в пищу с ковра, за что Семенова ее щедро вознаградила, и они, наконец, остались одни.

Но, нет. Она конечно и божественная звезда, а вот он не вошел, а ввалился...

Лена взглянула на чудо, которого так долго добивалась, и ей показалось, что все это зря...

Тогда, когда ей было всего двенадцать, девочка решила окончательно определиться с выбором своей будущей профессии, что бы «не так как все». И именно в этот период она увидела на обложке глянцевого журнала свадебный снимок Григория и Анастасии Рязановых. Елена тогда влюбилась в него с первого взгляда, с детским максимализмом и уверенностью в своей победе. Стала посещать школу танцев, курсы актерского мастерства, в старших классах снялась в низко бюджетном сериале. Но для времен перестройки это очень даже прекрасно. К двадцати Лена и думать забыла о Рязанове, поглощенная своей карьерой, которая медленно, но верно набирала обороты. Отца избрали в думу, у мамы вышла первая книга, Макса пригласили играть за Высшую Лигу, Наташа поступила в аспирантуру, Маша

начала стажировку на лето в огромной фармацевтической компании, полу подпольной, правда, но именно она сделала Машу знаменитой сейчас рекламщицей. Даша как раз оканчивала школу, одиннадцатый класс, а Ксюша распрощалась с девятым.

Именно Ксюха принесла тогда ей свой любимый журнал, где Лена и обнаружила заметку о Рязанове. Мол, «непотопляемый режиссер снова в деле». Семенова пришла к нему на пробы, и не прошла. Но мысленно была всегда с ним, потом, через год, после успеха трагикомедии, где она изображала ненормальную наркоманку, Рязанов пообещал взять ее в свое кино. Тогда — то Лена его соблазнила. Ей 23, ему 38. Потом начался изнурительный роман без будущего. Он написал сценарий, специально для Елены. И обещал, что эта картина сделает ее звездой. Может и сделает, но ей хотелось, что бы он сделал ее, своей женой.

Лена пригладила челку на его лице, покрытом испариной. И глубоко задумалась. Вот он, такой желанный ею, лежит на ее диване, весь такой беспомощный и полностью в ее власти. И что с ним теперь делать? Так ли он ей нужен?

Семенова накрыла мужчину пледом и легла в свою роскошную постель с шелковыми простынями.

Спустя, казалось, несколько минут жуткий вопль нарушил ее сладкий сон.

Ее мужчина требовал воды. Потом еще и еще. Стонал, жаловался на боль в желудке, голове и еще черт знает, где. В конце концов, Лена перестала приходить на его зов. Проклятье! А завтра у них пресс — конференция! Последняя, перед выходом фильма! Дьявол!

Наконец, наступило утро. Запел будильник. Семенова злобно зашвырнула его за шкаф, но все же поднялась. Через десять минут явятся косметолог, парикмахер, стилист, агент и еще целая куча людей, которые из простого человека звезду.

Растрепанная, в мятой ночнушке, женщина побрела в ванную комнату, и там наткнулась на бодрого Рязанова. Он брился, хмурясь от головной боли. Взглянул на хозяйку квартиры, и удивленно замер.

— Господи, Лена, я тебя не узнал!

Семенова взглянула на свое отражение. Кто бы сомневался! Она выглядела УЖАСНО!!!

— Теперь я понимаю, почему замужние женщины неважно выглядят, — сквозь зубы сказала она, и потянулась за зубной щеткой.

— Но ты мне такой больше нравишься, — сообщил он, и, отключив электробритву, притянул женщину к себе за талию.

— Зато ты мне таким не нравишься! — сообщила Лена, и довольно грубо вырвалась из его объятий, — Тебя вырвало на мой ковер! Ты называл меня именем своей жены! Ты орал всю ночь, как бегемот в брачный период! И не дал мне выспаться! Что, у тебя уже ничего не болит?!

Гриша в ужасе напрягся, и покраснел. От ее воплей у него так затрещала голова, что все перед глазами потемнело. Семенова тут же заметила его состояние, и виновато смолкла.

— Ой, прости, прости. Таблетку дать? — Семенова бережно коснулась небритой стороны его подбородка.

— Я что, правда, называл тебя Настей?

Лена злобно насупилась, и вытолкнула гостя из своей ванной.

— Аптечка в белой тумбочке у моей кровати! — сообщила она, и специально громко захлопнула дверь в ванную.

Рязанову предстоял трудный день.

15.

аша утерла слезы, и снова села за руль. А перед ее глазами по-прежнему пробегала картина. Ее муж, Антоша, и эта рыжеволосая стажерка, на его рабочем столе... ее ноги на его бедрах, и это ледяное: «Что ты тут делаешь?». Что она делает на фирме собственного мужа?!

Неожиданно на дорогу выскочил молодой человек с кровоточащим носом и разбитым фотоаппаратом. Он схватил камень и запустил им в след грязной, белой «Митсубиси». Все это произошло в какие-то доли секунд. Даша ударила по тормозам, но слишком поздно. Парень оглянулся, отскочил. Но капот Дашкиной «Тайоты» поддел незадачливого репортера, тот оттолкнулся от машины, и упал на обочину.

Семенова выскочила из-за руля и подбежала к пострадавшему. Тот уже медленно садился.

— Господи, как вы? Я вас не зашибла? Нет?

Парень встал на ноги, и посмотрел сквозь Дашу. Та оглянулась, проследив за его взглядом.

Из дома, от которого отъехала белая грязная «Митсубиси», вышла заплаканная женщина в белом халате, спустилась на несколько ступенек с крыльца, проводил взглядом автомобиль, который только что уехал, поднялась по ступенькам обратно, и, прихватив неаккуратно набитый вещами чемодан, скрылась за белой дверью красивого, двух этажного дома.

Парень шмыгнул носом.

— Может к врачу?

Он, наконец, обратил на Дашу свое внимание. Симпатичный, подумалось ей. Голубоглазый, светленький. Вот только кровоподтеки под носом эффект портят.

Парень тоже ее рассматривал. И тут Даша вспомнила о своей трагедии, и туши на щеках и размазанной помаде.

— Перестаньте пялиться и скажите, как вы себя чувствуете? Я не могу стоять на улице в таком виде ТАК долго!

Парень криво усмехнулся.

— Мне будет лучше, если вы подбросите меня до редакции.

— Значит, жизненно важные органы не задеты, — сказала Даша, и оба двинулись к ее машине, — Что вы пытаетесь здесь вынюхать? Здесь, кажется, не знаменитость живет.

— Купите наш журнал, и узнаете много интересного! — дежурным тоном высказал парень.

— Очень мило, — хмыкнула Даша, и села за руль, — Где находится ваша редакция?

Парень сказал место.

— Хорошо, мне как раз по пути.

Даша завела автомобиль. Парень принялся осторожно копаться в своем фотоаппарате. Умудрился таки, нашел какую-то кнопку, и заветная крышка, с устрашающими звуками распахнулась. Журналист изъясил заветную флэш — карту, из своего фотоаппарата, и довольно улыбнулся.

— Аккуратнее ведите, а то водитель вы не важный, — заявил он.

Казалось, у незнакомца поднялось настроение.

— До нашей встречи, я считала себя хорошим водителем, — хмуро заявила Даша.

— Ой, ну что вы такое говорите, дорогуша! Женщина на дороге, все равно, что обезьяна с гранатой!

— Так вы шовинист?!

Парень нахмурился, и открыл рот, в надежде что-то сказать.

— Да, и, пожалуйста, не зовите меня «дорогуша». От этого пахнет пошлостью. Кто эти люди, которых вы так жестоко выслеживаете?

— Не надейтесь, не скажу. Это моя работа.

— Что ж, ваше дело.

— Меня зовут Андрей, а тебя?

Даша кинула на Андрея красноречивый взгляд.

— Боюсь, я не успею представиться, вот ваша редакция. Счастливо!

Парень заинтересованно изучил ее лицо.

— Ты мне кого-то очень напоминаешь. Может, скажешь, как тебя зовут?

— Именно поэтому, не скажу. Я спешу.

Андрей нехотя выбрался из Дашиной машины, та, не долго думая, сорвалась с места.

Радио напоминало о реальности.

«Обмани, но останься...» — умоляли девушки, из знаменитой группы, со странным названием.

Может кого-то, это и устроит, подумалось Дашке, но только не ее.

Мужчина либо с ней, либо нет. Третьего не дано.

За поворотом показался Дашкин дом.

Небольшой, уютный, двухэтажный домик из красного кирпича, стоял в стороне от всего спального района, и как-то немного в леске. Даша любила этот дом, но ей придется его покинуть.

Девушка вошла в красивую дверь с яркими витражами, едва прикрыв ее за собой, и двинулась к лестнице, как вдруг у нее закружилась голова. Уже третий раз за одну неделю. Перед глазами потемнело, ком сжал горло. Мурашки пробежали по коже. Сейчас ее стошнит!

Едва удерживая равновесие, Даша добежала до туалета. Опустошив желудок, она села на пол.

Наверняка тест на беременность, что она сделала перед отъездом, проявился. Какая она дура, хотела, чтобы они ответ с Антоном вместе посмотрели! Посмотрели и ответ, и вопрос! Все! Все решено! Какой бы не был тест, положительный, либо отрицательный, Антон не должен знать...

Слезы снова хлынули из глаз. Ей было так холодно сидеть здесь одной, на холодном кафельном полу, возможно беременной и оплакивать, возможно, развод.

Когда слезы иссякли, Даша нашла в себе силы дотянуться до сумочки, и достать узкий клочок бумаги с полосками лакмуса.

Тест оказался положительным.

Она молча пялилась на бумажку, и не верила глазам. Наконец, она беременна! Счастлива ли она?

Увы и ах! От счастья остались жалкие обрывки и осколки.

Хлопнула входная дверь.

Даша вздрогнула. Он пришел. Он приехал за ней следом. А может за вещами?

Девушка быстро поднялась с пола, подняла сумочку, спрятала тест, умылась.

— Даша?

В девичестве Семенова, а теперь уже Титова, утерла лицо большим белым полотенцем и взглянула на отражение мужа в зеркале.

— С тобой все в порядке? — учтиво спросил Антон.

Даша спокойно вернула полотенце на место, и обернулась и посмотрела на мужа, как на сумасшедшего.

— Что тебя интересует конкретно? Ты предал меня, унизил в глазах своих работников, и моей семьи, разбил мои надежды, растоптал наши мечты, уничтожил, то, что было дорого мне и тебе. НАМ, понимаешь? Теперь нас НЕТ. И семьи нет. Я не хочу видеть тебя какое-то время. И прошу тебя, не звони, не ищи встреч, не говори со мной. Мне очень больно.

Дарья сделала глубокий вдох, чтобы не разреветься и прошла мимо него, в ИХ спальню. Декоратор здесь поработал на славу. Белые занавески, розовое, кружевное покрывало, золотая тесьма. На стене свадебные фото в позолоченных рамочках, кружевные молочные панели, кремовый туалетный столик, розовый пуф, и огромный букет красивых, кремовых роз, на столике у кровати.

Этот букет Антон принес только вчера. Открытка покоилась у переливающейся вазочки: «Я все еще люблю тебя. Антон». К чему эта ложь? А сегодня уже не любит?

Даша подошла к белому шкафу с зеркальными дверями, и медленно открыла. Антон наблюдал за ней, стоя в дверном проеме в ванную комнату. Он выглядел растоптанным, униженным, побежденным, ... но Даша старалась не смотреть на него. Если она сейчас все простит, он никогда не поймет той боли, что причинил ей. Нет, виноватой физиономией ее не проймешь!

— Я прошу тебя уехать, — расстегивая голубую шелковую рубашку, произнесла Дарья, — Сейчас.

Она откинула рубашку на пол, туда же последовала юбка. Антон не двигался с места.

Девушка достала темно-фиолетовый сарафан, и белую водолазку.

Антон шагнул к ней.

Даша застегивала пуговицы. Одну, еще одну, и еще одну...

— Даша... — раздалось над самым ее ухом.

Титова оглянулась, встретившись с глазами мужа. Злоба, так долго томившаяся в ее сознании, наконец, вырвалась наружу.

Дарья схватила розы, что он принес вчера, и швырнула их прямо ему в лицо. Цветы, поелозив шипами по коже Антона, градом рассыпались по ковру.

Его глаза приобрели стальной блеск.

— Убирайся!!! — завопила она, и прежде чем ее голос стих, он ушел, закрыв за собой дверь.

Даша упала на ковер и завывала, обхватив себя руками. Никак нельзя назвать те звуки, что она издавала, рыданиями. Ей было так плохо, так тошно, так противно. От него воняло ее духами...

16.

Приемное отделения Дашиного гинеколога почти пустовало. Девушка только что вышла из кабинета врача и опустилась в кресло на подкосившихся ногах. И так, она беременна. Сомнений быть не может. Шесть недель.

Шесть недель она носит в себе ребенка, а узнала точно только сейчас. Ведь сколько раз было, что казалось, беременна, ан нет. И вот теперь малыш готов прийти в этот мир. Но его

мама пока не готова принять его, ведь у него не будет отца. Даша не могла представить своего детства без папы.

Иван Семенов был любящим отцом, всегда уделял внимание детям, пока те не вырастали. Казалось после пятнадцати, дети переставали быть ЕГО. Когда папа звонил ей в последний раз? Уж и не вспомнить.

Даша достала сотовый, и нашла в списке слово из четырех букв: «Папа», нажала кнопку с зеленой трубкой, и на экране отобразилось: «Соединение». Как все просто. Отец, кажется в Казани, они не виделись уже год, а не говорили и того больше. А ведь стоит только нажать кнопку...

— Алло? — послышался родной голос.

— Пап, привет.

— Дашик, что-то случилось?

— Случилась, па, ты дедушкой скоро станешь! — сглотнув ком, сообщила Даша, — ты рад?

Молчание на том конце «провода» оставила вопрос спорным.

— Ты беременна? — прочистив горло, спросил Иван.

— Да, пап.

— Поздравляю, детка! Господи, неужели мы дождались внуков? Маме сказала? Что говорит Антон? Когда приедете? Ах, черт, я в Казани! Но буду через пару дней! Ты где? Прислать, кого ни, будь, что бы тебя забрали? Антон, наверное, как всегда занят!

Даша улыбнулась.

— Нет, пап, все в порядке, доберусь сама. Никто пока не знает, ты первый. Я приеду к вам на юбилей. Хорошо? Может раньше получится...

— Дашик, господи... — он помолчал, и голос его дрогнул, он что, плачет? — Спасибо, что позвонила мне сама.

— Но, ты ведь мой папочка...

— Да, — он засмеялся, — прости, что не звонил, сама понимаешь, работы по горло.

— Конечно, понимаю, — выдохнула девушка.

— Я слышал, Антон подписал выгодную сделку...

Словно серпом...

— Да, ему крупно повезло.

— Почему?

— Знаешь, когда много стажеров, очень легко что-то проворонить.

— Он, что, стал набирать учеников?

— Да, — протянула Дарья в ответ, зевнув, — ну что пап, я поехала домой, если что, звони.

— Конечно, Дашик, — отозвался он, но оба понимали, что он не позвонит, — Пока.

— Целую, пап.

Дисплей на телефоне погас. Образ отца с телефонной трубкой исчез из ее сознание, Даша снова оказалась в приемной своего гинеколога, одинокая, беременная, и... голодная!

Не долго думая, Даша двинулась до ближайшего кафе, что бы, как следует подкрепиться вкусной едой.

17.

Настя утерла слезы. Как раз в этот момент, по телевизору показывали, короткий

репортаж с пресс-конференции нового фильма Рязанова.

Он сидел, довольный, улыбочивый, вежливый. Всем кивал, шутил, поглядывая на свою спутницу.

ОНА была красива, как никогда. В платье, цвета молодой вишни, от знаменитого кутюрье, и с черной гривой роскошных волос, хищным взглядом и соблазнительной улыбкой, светящийся кожей и умными речами. Настя уже ненавидела Елену Семенову, завидовала, и проклинала ее.

Анастасия Рязанова поднялась и подошла к зеркалу. Что стало с ней? Дряблая кожа, неухоженные волосы, жировые складки. За последние лет пять она прибавила в весе на двадцать килограмм. Двадцать! Катастрофическая цифра, для женщины с ростом метр шестьдесят! Было время, когда Настя весила едва пятьдесят килограмм, обладала пышной и упругой грудью, красивыми бедрами и тонкой талией. Она кружила голову не только Рязанову, но еще и несколькими десяткам мужчин.

А что стало с ней теперь? Грудь обвисла, кормить двоих не так то просто. Талия..., а что это? Кажется, ее и не было никогда. Бедра..., те самые места, которые называют «галифе» в женских, глянцевого журналах, разнесло так, что ей было стыдно брюки носить. И, тем не менее, она продолжала лакомиться собственной выпечкой, забросила спорт-класс. Как следствие, муж променял ее на эту...

Настя отвернулась от зеркала, и набрала телефон своего тренера.

— Петр Сергеевич? Я тоже рада вас слышать!

Иван отключил телефон, и устремил задумчивый взгляд в окно. У него все еще голова шла кругом, после той ночи, в СВ купе. Когда он проснулся, женщина исчезла. Проводник сказал, что она сошла с поезда в пять утра.

Семенов прибыл в Казань в восемь утра, его ожидал автомобиль.

Мужчина намеривался проверить все свои агитационные команды, настроить людей на драку. На настоящую драку. Он собирался задержаться в политике. Действительно надолго.

Но, когда он загрузился в черный «Митсубиси Пэджерро», он не мог думать ни о чем, кроме темноволосой ведьмы, что лишила его сил этой ночью.

Помощник разместил Ивана в пятизвездочном отеле, в лучшем номере, с великолепным видом на город, казалось, все достопримечательности как на ладони.

Но Семенов даже не вышел взглянуть. Он устало упал в кресло, ощущая легкую боль в мышцах, и жжение в расцарапанных плечах, как вдруг позвонила Даша. Да-да, та самая Дарья, Дашик, Дуся, его дочь.

Когда ее имя отобразилось на дисплее сотового телефона, Семенов словно со всего маху грохнулся с небес на землю. Что стряслось? Он не разговаривал с Дарьей уже год. Иван действительно испугался. Может, что-то случилось?

Даша поздоровалась с отцом спокойно, а не в истерике, как он ожидал, и все же Семенов спросил. Ответ дочери поразил его в самое сердце.

«Случилась, па, ты дедушкой скоро станешь!».

Дедушкой. Стать дедушкой в пятьдесят лет естественно, даже необходимо, но не после бурной ночи с женщиной, чьего имени не знаешь, и не во время своей предвыборной кампании.

Когда связь разъединилась, и Дарья вновь скрылась в потоке его сознания, как худющая девчушка с тонкими косичками, Иван сжал лицо руками.

Ему было просто страшно. Страшно, оттого, что жизнь идет, не смотря ни на что. Она не останавливается, не оглядывается, и поворачивает вспять. Как и время, что движется неумолимо. Именно перед двумя этими факторами Семенов чувствовал себя беспомощным и слабым. Он совершенно ничего не мог противопоставить, ему оставалось только плыть по течению.

Семенов отложил телефон, и вышел на балкон.

Город жил своей жизнью, посторонней от его проблем, словно окутанный иной силой, иными проблемами. Люди спешили куда-то, бежали машины, плыли облака, метался ветер, гоня редкий мусор по широким улицам. Казалось, только Иван находится в покое в этом эпицентре движения. Эпицентре ЖИЗНИ.

Что если он не хотел становиться дедушкой? Он не хотел становиться примерным отцом семейства. Он все утро ловил себя на серьезной мысли. Мысли оставить Ольгу, и снова стать холостяком.

Семенов бездумно скользил взглядом по крышам домов, по машинам муравьиного размера, где-то там, внизу, по пушистым кронам деревьев, и не видел ничего.

Образ беременной Даши, на фоне соблазнительницы из поезда, преследовал его. Ольга, с которой он прожил тридцать лет, смотрела на него укоризненно, она словно знала его мысли, и испепеляла взглядом.

Семенов дрогнул. Странное отвращение, стыд, и ненависть к самому себе накрыли его с головой. Иван пожалел о своем необдуманном поступке.

Но было поздно. Он это уже сделал. Жизнь взяла свое.

Наташа крепко обняла Кирилла. Тот смотрел в потолок пустым взглядом.

Женщине стало не по себе. Она весь вечер отгоняла это странное ощущение отчуждения, что скользило в его взгляде. Отчуждения и холода. Кирилл казался совсем чужим.

Сейчас, после секса, скучного секса, от которого он, кажется не получил никакого удовольствия, Кирилл закурил. Наташа никогда не видела, что бы он курил.

Красный огонек в темноте, словно вершина айсберга, возвышался над его лицом, едва освещая родной профиль. Наташа наблюдала за ним, уютно устроившись на мужском плече.

Его прохладная рука, едва придерживала ее за плечи. Наумов обнимал ее, но был далеко. Он был чужим.

Наташа коснулась рукой его подбородка, в надежде, что он посмотрит на неё, но Кирилл, кажется, не заметил.

— Кирилл?

Наумов вытащил сигарету изо рта, выпустил клуб беловатого дыма, и посмотрел на Наташу, как ей показалось. Подушка под ним тихо зашуршала.

— Что ни будь, случилось? — спросила Семенова, ощупывая его чисто выбритый подбородок в темноте.

— Нет, — ответил он, так, словно и не он вовсе.

— Ты стал какой-то другой...

Кирилл тяжело вздохнул, и отвернулся, вернув сигарету на прежнее место.

— Ты не говорила, что преподавать адский труд, — помолчав, сказал он.

Наташа засмеялась в темноте.

— Помни о том, что они просто дети...

— Милая, эти дети попадаются повыше меня, и «потоваристей» тебя. Это не для меня. Я художник, а не педагог.

Наташа снова хихикнула. Кирилл почти раздраженно затушил сигарету.

— Фу, где ты набрался этих жаргонных словечек? — продолжая улыбаться, спросила она.

Кирилл освободил руку, которой обнимал ее и поднялся с узкой кровати в комнате, в которой жил по приезду в ВУЗ. Комната была совмещена с его студией.

Для студии Наумов обустроил большую комнату, для своей спальни узкое помещение, едва ли больше, чем у Раскольниковова.

— Ты куда?

Кирилл ступил на холодный пол, и пошел прочь из своей спальни.

— Я в туалет, — сдержанно сообщил он, и двинулся через свою студию, в отхожую комнату, в чем мать родила.

Наташа проводила его взглядом. Беспокойство, поселившееся в ней с первой минуты их разговора здесь, не давало ей покоя. Кирилл сильно изменился. Казался нервным, нетерпимым, раздражительным.

На улице, с глухим шелестом ветер трепанул деревья.

Фонарь, голубой свет которого падал через окно, в студию Наумова, исказил листву деревьев, превратив их в жутких, двигающихся, криворуких чудовищ.

Наташа, подтянув повыше одеяло, проследила за скольжением темных теней от щупальцев-ветвей, и ее взгляд зацепился за недописанное полотно, накрытое белой, заляпанной краской простыней.

Там была изображена ОНА. Лесная фея, в образе ее младшей сестры.

Что имел в виду Кирилл, произнося это странное слово «потоваристей»? Намекал на огромное количество соблазнов? Неужели он переспал со студенткой?

Наташа испуганно сжалась.

В этот момент послышались хлопающие шаги босых ног по паркетному полу студии. Кирилл возвращался. Он минул картину, даже не гляну на неё, вошел в спальню, закрыл дверь. Голубой свет фонаря больше не освещал Наумова, и Наташа потеряла любимого в темноте.

— Кирилл?

Мужчина тяжело опустился в постель.

— Да, милая.

— Если ты бросишь меня, я не переживу.

Он молчал.

Наташа прижалась к любимому всем телом.

— Почему ты молчишь? Я люблю тебя.

Она поцеловала его в щеку. Кирилл невнятно отозвался на ее ласку. Женщина похолодела где-то в глубине души. Что-то подсказывало ей, что «я люблю тебя» в ответ, ей уже не услышать.

— Давай спать, — сказал он, — завтра трудный день.

Наташа промолчала, окунувшись в свои невеселые мысли.

Он отвернулся. Его спина возвышалась перед ее лицом, стущая и без того, сумрачную темноту.

Семенова закрыла глаза, в надежде не видеть этой темноты. Но там, по ту сторону ее

сознания, было еще беспокойней и сумрачней, чем в его спальне.

Часть 4. Мужская История

18.

Максим вошел в свою квартиру, оставив ключи от своего мотоцикла на тумбочке у входа. Поместил шлем там же, небрежно скинул кроссовки, расстегнул мотоциклетную куртку и увидел свое отражение.

После встречи с Ленкой он чувствовал себя настоящим мудаком. Зачем он только взялся ей помогать в этих грязных интригах? Максиму на секунду даже показалось, что его сестру подменили.

Когда она успела превратиться из прекрасной девушки в хладнокровную стерву? Она разрушила жизнь человека в руины, даже не оглянувшись.

Макс смотрел на себя чужими глазами. Его лицо, глядящее с отражения, казалось не знакомым. Черные волосы, почти до скул, были стянуты сзади в крошечный хвостик, который мама просто ненавидела. Надо будет постричься, подумал он, и побриться, черная щетина придавала ему вид настоящего дикаря.

Семенов криво усмехнулся, перед его хищной улыбкой, которую переняла Елена, женщины просто сходили с ума, да вот толку от этого мало.

Макс направился в свою «гостиную», продолжая развивать свою мысль о доступности женщин. Сейчас у него есть все, что он хотел лет в двадцать. Только сейчас, все это ему не нужно. Доступные женщины потеряли свою привлекательность. Семенову хотелось чего-то такого — эдакого!

Мужчина скинул куртку, и стянул белую футболку через голову. Чудовищный шрам на его боку увидел свет, как и рельефные мышцы. Максим расстегнул джинсы, и, вытащив из их заднего кармана сотовый телефон, направился на кухню. Там достал пару яиц, побольше лука и масло. Водрузив сковороду на плиту, и тщательно смазав ее маслом, мужчина принялся снимать джинсы.

Когда с ними было покончено, Семенов зашвырнул их в «гостиную», выполняющую по совместительству функции столовой, прачечной, склада макулатуры, галереи спортивных наград, и газетных вырезок с упоминанием его имени, и многого другого хлама. Это логово настоящего холостяка редко посещали женщины. Даже родная мать не знала о том, что Макс живет именно в этой квартире. Для отвода глаз у него есть роскошная двух уровневая квартира в центре города. Но там Макс чувствовал себя неуютно, от всего этого мрамора и четких линий его мутило, было как-то холодно, кроме того, там постоянно толпились поклонницы. А о квартире в средне — статической хрущевке с обшарпанным подъездом никто не знает. Здесь Максиму было хорошо. Именно поэтому он здесь, а не там.

Яйца с отвратительным шлепком упали в горячие масло на сковороде, и кухня наполнилась специфическими звуками «шкворчания». Особенного «шкворчания» яичницы.

Тщательно присолив, и измельчив лук, Макс все смешал, продолжая обжаривать.

А мысли его все возвращались к Елене. Как она переменялась, до не узнаваемости. Интересно, кого он увидит, когда встретится с остальными сестрами?

Главное, Ксюха не менялась. Во всяком случае, когда он приезжал к ней на Новый год, (так как ему просто не к кому было поехать), Ксения казалась прежней.

Яичница была готова, Макс погасил огонь, и вернулся в «гостиную» за своим телефоном. Неожиданно ему захотелось поговорить с сестрой. У них такая огромная

разница в возрасте. Когда он уходил в армию, ей было четырнадцать, когда они увиделись в следующий раз, Ксюша превращалась в очаровательную девушку. Причем умную девушку. Как Ленка ревновала его к младшей сестре!

Разные интересы, разные стили жизни, разный круг общения, они с Ксюхой были разными людьми. Объединяла их лишь любовь друг к другу.

Максим набрал ее номер сотового телефона, и сел есть, одновременно вслушиваясь в длинные гудки, который издавал аппарат.

Наконец раздалось тихое: «Алло».

— Ксюха, как жизнь?

— Максик! Я так за тобой соскучилась! — раздался ее немного приглушенный, но все же довольный голос в ответ, — Ты приедешь?

— Куда? — изобразив непонимание, спросил Макс.

Ксюша захихикала.

— Мама сказала, что ты будешь.

— Ах, ну если мама сказала, буду непременно! — он улыбнулся, услышав ее тихий смех на его шуточный тон, — А ты?

— Приеду...

На заднем фоне послышался какой-то шум, и гулкой мужской голос.

— Что там у тебя происходит? — не удержался Максим.

— Да, сдала последний экзамен, жду Вику. Она уже сдает. А сантехник гоняет по коридору первокурсника за то, что тот накидал дрожжей в туалет. И пытается орать на него, но ничего не выходит, везде висят таблички: «Тихо! Идет экзамен!». Вот так вот, а ты что делаешь?

— Я? Ем.

— Дай, угадаю, небось, яичницу?

— Точно! Слушай, так как ты сдала, то?

— Нормально. Вписали в зачетку «хорошо». Не важно, что я знаю на «отлично». Этот препод ко мне равнодушен!

— Тебя там не обижают?

Ксюша хихикнула. Если бы Макс видел ее в этот момент, заметил бы странную горечь в этом нервном смешке.

— Нет, что ты! Мою картину отобрали на выставку, представляешь?

Снова шум на заднем плане, и теперь женский голос:

— Кто там?

— Макс, — ответила Ксюша голосу тихо.

— Завязывай трепаться с этим мерзким типом, пошли, у нас много дел...

Конец этой реплики Макс не расслышал, Ксюша прикрыла трубку рукой.

— Думай, что говоришь, — строго сделала замечание подруге, Ксюша, и снова обратила внимание на брата, — Извини.

— Это была Вика, да?

— Угу.

— Только она зовет меня «этот мерзкий тип», даже странно. Забавно, что я ей так не нравлюсь. Мне даже немного не по себе...

— Не обижайся, но если бы чужой мужчина наговорил мне подобных вещей, я бы жестоко отомстила. А она ушла с миром, и, заметь, благодаря мне. Виктория — страшная

женщина, когда в гневе.

— Могу себе представить, — хмыкнул Макс, мысленно представив Ксюшину подругу, — Ладно, сестренка. Увидимся завтра, добро?

— Жду с нетерпением! — пропела Ксюша в ответ, — Пока!

— Пока, — выдохнул Максим, и, отложив телефон, прикончил яичницу.

Странно, Вика его так не выносит. Ведь он тогда сказал чистую правду. Просто высказал свое мнение о журналюгах всех вместе взятых и о каждом в отдельности. Кто бы мог подумать, что статья, написанная о допинге, которая произвела на него сильное негативное впечатление, написана ей? Она ведь просто студентка. Кто печатает журналистов с неоконченным образованием? Оказалось, что довольно знаменитый журнал. И не один. Виктория Воробьева печаталась под псевдонимом Тори Алекс. Так вот, Максудалось найти десять статей только Тори Алекс. А что если у нее несколько псевдонимов?

Семенов хмыкнул. Умная девчонка, пишет только о политике и только под псевдонимом. Знает, что может быть, когда ее авторство установят! Да, Воробьева знала, как побольнее уколоть. После их с Максимом стычки на тему подкупа в спорте, в знаменитом журнале появилась огромная, разгромная статья, подкрепленная доказательствами, о подкупе, денежных махинациях, и даже криминале. Подпись, снова Тори Алекс. Кто-то решил, и вполне разумно, что под этим именем кроется Виктория Александрова, начинающая спортсменка. Ходил слухок, что она пишет для газет. Через месяц женщина попала в аварию, получила травму, и больше не смогла вернуться на лед. Виктория Александрова была фигуристкой.

Может, конечно, Воробьева и содрогнулась, но Макс очень в этом сомневался. Эта девчонка была не из робкого десятка, и по-мужски твердого характера.

Все это он вынес после коротких, двух дней общения с ней. Но Семенов понимал, что девушки, вроде Вики нуждаются в более детальном изучении...

Максим сел на свой любимый диван в «гостиной». Продавленный, раритет, изъятый с чердака его прабабушки, с ржавыми пружинами, и пуховой периной. Диван был накрыт красивым, темно-красным покрывалом, которое он купил в Каире, и смотрелся довольно уютно в этом бардаке.

Семенов откинулся на спинку, и включил телевизор. Яичница теплом спускалась по пищеводу, расслабляя, утяжеляя веки. Проклятые часовые пояса, Макс никак не мог выспаться...

На секунду его окутала темнота. Потом желтый свет, похожий на солнечный, заколыхался, превращаясь в огонь. Максиму показалось, что он задыхается. Мужчина тяжело дышал. Он взглянул на свои ноги, обутые в кирзовые ботинки, на «Калашников» в своих руках, на камуфляж, вместо джинсов и мотоциклетной куртки.

— Рядовой Семенов!

Макс вздрогнул и оглянулся.

Зелень обступала его, горы и холмы, холмы, горы и зелень. Максим чувствовал себя инородным телом в этом логове природы.

— Рядовой Семенов!

Перед Максом возник его командир, Сергей Хохлов.

— Почему покинул пост без разрешения?! Десять нарядов вне очереди!!! Что встал?! Быстро...

Жуткий взрыв сотряс земли. Максим сжал зубы, заметив испуганный блеск в глазах

Хохлова.

— Быстро, в гарнизон, — кинул он, и побежал, снимая на ходу автомат.

Семенов дышал ему в спину. После взрыва залпы выстрелов не умолкали.

Наконец, они достигли заставы. Столбы пыли и земли поднимались в небо, выстрелы не прекращались. Гром и молния. Семенов, через несколько секунд перестал различать звуки. Хохлов и Макс упали в траву, и с автоматами наперевес принялись ползти поближе к атакованной чеченцами заставе.

Среди темно-зеленых касок атакованных, лиц почти не было видно. Но, заметив более крупную, чем остальные, фигуру, Макс вздохнул с облегчением. Женька жив!

Очередной взрыв заставил солдат пригнуться. Земля обсыпала и Семенова с Хохловым.

Максим дернулся во сне.

— Зуев! — заорал он, стараясь перекричать шум артиллерии, — Ты живой? Зуев?! Женька?!

Несколько человек показались из-за скромного укрепления из мешков с песком на заставе, но знакомой фигуры среди них не было.

Максим пополз на брюхе туда, к укреплению, со стороны наступающих. Он перестрелял в спину несколько человек, пока чеченцы, наконец, не осознали, что опасность им угрожает и со спины.

Хохлов в кустах прикрывал Максима. Сам Семенов не подпустил к себе ни одного из повстанцев.

Он был уже в нескольких метрах от укрепления, как к его ногам упала граната.

Макс поднялся и со всех ног бросился в сторону. Грянул взрыв. Семенов упал, утонув лицом в траве и грязи.

Он тяжело перевернулся, и увидел, как низкорослый чеченец вскинул огромный кинжал над ним. И, неожиданно, осел.

Хохлов, подумал контуженный Максим, и нащупав автомат, направился дальше, в надежде спасти Зуева, спасти Женьку, его друга со двора, одноклассника, просто нужного человека...

Взрывные волны, словно морские, толкали его. Семенов падал, и снова поднимался. Сжимая кулаки и скрепя зубами от собственного бессилия.

Максим перевалился через укрепление, и увидел Женьку. Белокурый сверстник Семенова лежал в грязи, глядя в небо большими глазами. Неужели, погиб?

Максим схватил парня за плечи, и с ужасом осознал, что у него нет рук.

Семенов ощутил дыхание своего друга, по-прежнему оставаясь в тишине. Не долго думая, Максим взвалил его себе на плечи. Он огляделся. Вокруг Хохлова столпились чеченцы. Один из охранников заставы, который лишился одной ноги, дотянулся до автомата Зуева, и принялся палить без разбора, скошив несколько противников.

Максим осторожно отнес Женьку в глубь леса, и, привалив бессознательное тело к дереву, вернулся на поле боя. Казалось, чеченцев становилось все больше и больше. Семенов стрелял и стрелял, кидал гранаты, вход пошел и его костяной нож.

Когда, казалось все, стихло, Максим поднялся, и крадучись, двинулся к Женьке. Он уже видел поникшую, знакомую фигуру, как вдруг, острая боль пронзила его бок.

Земля и небо смешались. Максим оглянулся. Чеченец, что швырнул в него нож, упал на землю, подстреленный кем-то из его сослуживцев.

Максим издал булькающий звук, вместо крика, ищущая, как кровь наполняет его рот, и

осел на землю, оставаясь по-прежнему в тишине. Семенов сжал слабые кулаки, снова попытался закричать и потерял сознание.

Яркий свет просочился сквозь его сомкнутые веки. Семенов открыл глаза и увидел милое лицо Кати, его Катеньки, что ждала Макса в Москве, пока он воевал в Чечне. Она была одета в белый халатик медсестры, и улыбалась. Он попытался ей что-то сказать, но Катя отошла, взяла шприц, и наполнила его какой-то жидкостью. Когда сестра вернулась, это была уже не Катя. Роскошные рыжие кудрявые волосы, собранные в тугую косу напомнили Семенову о Ксюшиной подруге. Вика улыбнулась ему, и сделал укол.

— Вика, — прохрипел он, заметив какое-то движение за ее спиной.

Сестра удивленно оглянулась, и тут же огромный нож вонзился в ее горло. Кровь фонтаном хлынула из ее тела. Максим закричал... и проснулся.

Сел. Осмотрелся. Он по-прежнему сидел на своем раритетном диване с пуховой периной и африканским покрывалом.

Максим свесил ноги, и сжал ладонями лицо. Неожиданно шрам на его спине болезненно сжался, словно вспомнив холодную сталь кинжала, что побывала там.

— Проклятый сон, — злобно выдохнул Максим вслух, словно стараясь успокоить самого себя.

А залп артиллерийского огня все еще отзывался в его ушах.

Мужчина встал с дивана и двинулся к раковине, умылся.

Солнце по-прежнему ярко освещало его захлавленную квартиру. Он проспал всего два часа, и увидел этот сон. Странно, но он Макс не снился лет пять, точно. Первое время, когда вернулся из Чечни, было трудно. Катька бросила, и никак не мог пристроиться на работу. Хорошо, отец напомнил Семенову о футболе. Максим играл в футбол с одиннадцати лет, три года «косил» от армии, а когда собрался... словно кто-то поиздевался! Когда собрался, начался ввод войск в Чечню. Так и пошел, отступать некуда, кругом... война.

Максим утер лицо мохнатым полотенцем, и задумчиво повесил его обратно на крючок.

Сон совсем выбил его из колеи. Он немного нервничал из-за предстоящей встречи с родителями, и тут еще Катька приснилась! Как она себя тогда повела, показала истинное лицо. После нее Макс не особо женщин уважал, даже немного остерегался их, этих отношений, которые называют «серьезными». Знал он обо всех отцовых похождениях, помнил слезы матери, нянчил сестер. Теперь все далеко позади, но он, как старший ребенок, как единственный сын, помнил все, словно архив, словно электронный накопитель, сохранил все самые отвратительные сцены семейной жизни.

Ту сестру, что колола ему лекарство в лагерной больничке, действительно убили у него на глазах. И почему она превратилась в Катю, понятно. А почему в Вику? Ксюхина подруга прошла в его жизни незамеченной, странно, что он ее вспомнил. Наверное, потому, что поговорил с Ксюшей и услышал ее голос.

Максим задержал свой взгляд на своем отражении и вспомнил о необходимости посетить парикмахера, потому что мама ненавидит этот его хвостик...

Мужчина быстро оделся, стараясь не думать о прошлом, не вспоминать сон, а сконцентрироваться на посещении парикмахерской. Остричь волосы, побриться, как следует...

Как просто, если было бы так просто остричь прошлое, и снова стать юным, не выдавшем смерти, парнем, чьи мечты, дальше кругосветного тура не уходили...

Максим спустился по пустынной, темной лестнице своей многоэтажки, и сел на

мотоцикл. Одно нажатие педали, и рык наполнил пустынный двор, голуби, мирно ползающие вокруг, испуганно взмыли в голубое небо. Максим проводил их взглядом, и двинулся с места.

Часть 5. Ожидание.

19.

Ольга ждала. Казалось, всю свою жизнь она занималась только этим. Сначала ждала Ивана из плаваний, потом из Афгана. Потом ждала его с работы, потом ждала детей из школы, и начала своей настоящей работы. Сколько лет она просидела дома, оставаясь, простой белошвейкой? Десять? Пятнадцать? Роскошные наряды, редкие в те нелегкие для народа годы, находили своих хозяек.

Мало кто знал, что помимо выкроек и нашивок, Ольга думала о чем-то еще. Но было именно так. Ее первый, и самый знаменитый роман «Тактика моей жизни», писался почти девятнадцать лет. Когда он, наконец, появился на книжных полках в лучших магазинах города, Оля поняла, что ждала не зря. Разве наша жизнь не огромный зал ожидания? Стоит только дожждаться своего вылета, но когда он наступит, и ты полетишь..., казалось, нет ничего прекраснее голубого неба, зеленых деревьев, легкого ветерка...

Ольга сидела в гостиной, в новом, элегантном брючном костюме кремового цвета. Не смотря на ранний час, часы пробили половину шестого утра, Олина прическа была безупречна, макияж идеальным. Она потягивала насыщенный виноградный сок, и отдыхала телом и духом. Ее новая книга, наконец, была закончена всего час назад. Ложиться спать было уже бессмысленно, Иван сообщил, что будет с минуты на минуту. Поэтому женщина привела себя в порядок, и приготовила его любимый завтрак — булочки с изюмом, глазунью, и салат.

Сегодня приедут дети. Олю это радовало даже больше, чем окончание очередной книги. Женщина не могла дожждаться, когда, наконец, увидит их всех под одной крышей. Услышит их голоса, смех. Ей казалось, что они никогда и не были так, все вместе. Максим ушел, как раз, когда Ксюша перешла в наиболее осознанный возраст.

Как быстро летит время, и как много приходится ждать...

Что ж, зато она дождалась. И пьянящий успех затуманил ее чувствительность. Больше ждать она не могла. Ольга хотела все, сразу, и главное, **НЕМЕДЛЕННО**.

Шум колес за дверью оповестил о прибытии Ивана. Ольга счастливо улыбнулась. Наконец — то!

Женщина бодро поднялась и двинулась навстречу мужу. Тот выбрался из машины хмурый и недовольный. Семенова улыбнулась, и нежно коснулась его губ своими, в приветственном поцелуе. Тот недоуменно взглянул на жену. Иван не помнил, что бы жена его встречала последние лет пять с объятиями и поцелуями.

— Что-то случилось? — спросил он и тут же вспомнил про Дашину беременность. Должно быть, она сказала.

— Да, нет, — загадочно сообщила Ольга, и скрылась в столовой, — Завтракать будешь? — спросила она оттуда.

Иван оставил чемоданы у двери и двинулся за женой, слегка улыбаясь и позабыв обо всех своих приключениях вне своего дома, и такой родной, уютной и красивой Ольги.

Женщина указала ему на стул, у красиво сервированного стола.

— Я что, забыл о какой-то нашей дате? — спросил он, не в силах перестать улыбаться.

Честно говоря, ему очень польстило, что Оля встретила его, а не легла спать.

— Нет, кажется, — отозвалась Оля, и положила ему на тарелку глазуньи, — я приготовила ее немного иначе, попробуй.

Иван осторожно наколол яичницу на вилку, и съел кусочек. Особого отличия он не заметил, но в кулинарии Ольга всегда была хороша.

— Она прекрасна, как никогда, — сказал он, и Оля, как и тридцать лет назад порозовела от удовольствия.

Иван обожал смотреть, как она краснеет, от его комплиментов, еще тогда, когда они познакомились. Ей было шестнадцать. Она была миниатюрной блондинкой, в нежно-голубом платье с белым кантом по подолу и воротничку. Он — молодой солдатик, призванный с острова Сахалин служить во флот, в Новороссийск. Понравилась она ему с первого взгляда. Была в ней какая-то трогательная незащищенность, и необходимость в защите.

Иван, выращенный в бесконечной опеке и заботе, просто нуждался в том, что бы заботиться о ком-то. Ольга была невинной девчонкой, почти ребенком. Он ее легко соблазнил, а когда девушка забеременела, удивился. Дама не желала его отпускать, да и он особо не рвался уйти. Так они и поженились.

Рождения Максима Ваня не застал, был в плавании. Оля терпеливо ждала возвращения мужа, оставаясь с матерью, и крошечным сыном. Когда Семенов приходил на несколько дней, она была невероятно счастливой, не задумываясь, о том, с кем коротает ночи ее муж в далеких странах, и больших городах.

Он уплывал, а Ольга с ужасом поняла, что снова беременна. Наташа появилась раньше прибытия с плавания своего отца на несколько дней.

Когда родилась Лена, Иван ушел в Афганистан. Ольга до сих пор не могла оправдать его за тот поступок. Бросил ее и троих детей, на шею своих родителей (они высылали им деньги раз в месяц), и престарелой матери Оли.

А сколько юная Семенова перенесла, когда перебинтованного Ивана привезли через несколько месяцев домой! Бедная мамочка, она, казалось, не спала. Маленькие дети, больной, обожженный мужчина в доме, и Оля, едва достигшая двадцатилетнего возраста. Работала по пятнадцать часов в сутки, официанткой в портовом кафе, уборщицей и посудомойкой там же.

Иногда ей снилось, что она моет, убирает, убирает и моет, приходит домой, моет детей, меняет бинты мужу, и виновато глядит на мать, которая за год постарела лет на десять...

Потом, когда Иван выздоровел после ранений (на подъезде в Афган его вертолет со всеми новобранцами, сбили, выжил он один), он решил, что не гоже его семье и вновь беременной жене жить в этой нищете, и уехал в Москву.

Так, постепенно вся семья перебралась в столицу. Бились Семеновы не на жизнь, что бы обустроить свой быт. Он работал на стройке, она шила, и писала. Он стал бригадиром, а она по-прежнему шила и писала. Он стал большим начальником, а Ольга рожала. Страна перевернулась, а Иван разбогател. Как он это сделал, Оля знать не желала, позже ходили слухи, что Семенов связался с одним криминальным типом. Но теперь все это позади.

Ольга сидела напротив мужа в дорогом костюме от известного модельера, знаменитая, и приятно пахнущая. Он сидел на расстоянии вытянутой руки, ожогов почти не осталось ни на теле, ни на лице. Криминально «типа» убили почти восемь лет, так что ничто им теперь не угрожает. Карьера Ивана по-прежнему растет. В доме тихо, нет пеленок. И казалось, это

все было так давно! А ведь Ксюша уехала всего три года назад.

Кстати сказать, только на рождении Ксении Иван и присутствовал. Он и назвал пятую девочку в их семье. Фантазия Ольги просто иссякла. Она вспомнила всех родственников, кроме своей матери. Александра Тульская умерла в 1985 году, когда Оля и Иван едва освоились в столице, и в ее честь не был назван ни один ребенок в их семье.

— Ты сегодня странно загадочная, с чего бы это? — ворвался в мысли жены Семенов.

Ольга вскинула на него затуманенный воспоминаниями взгляд.

— Загадочная? Да нет. Просто вспомнила наше начало...

Иван нахмурился. Это было действительно ужасно. Но насколько это было ужасно, стало ясно только сейчас.

— Думай о том, что у нас есть сейчас, Лелик, прошлое никуда не денутся... — выдохнул Семенов, и на секунду, всего, на секунду вспомнил боль, жгучую боль от ожогов, и слезы Александры Семеновны, над его бессильным телом, и крики детей, и изможденное лицо Ольги.

Семенов тряхнул головой, словно строптивый мерин, не желая вспоминать ТО время.

Он посмотрел на Ольгу, старательно скрывая вину за ту безумную ночь в поезде, за преступные мысли о разводе, за то, что он не хочет быть дедом.

— Оля, — начал он.

Ольга вскинула небесно голубой, не блекнувший взгляд своих прекрасных глаз на мужа.

— Да, милый.

— Я по тебе скучал, — соврал он, и, отодвинув глазунью, поднялся.

Семенова недоуменно следила за мужем, который подходил к ней особенной походкой, той самой, что подходил лет двадцать назад, в надежде получить свою порцию супружеского долго. Ольга была приятно удивлена и неожиданно занервничала.

Ваня коснулся ее закрытого блузкой плеча, и поднял за руку. Оля прильнула к мужу, вновь почувствовав себя молодой, незащищенной шестнадцатилетней девчонкой, а его красивым моряком, в белой форме.

Он, словно незнакомец, коснулся ее такой родной груди, сквозь тонкий шелк кремовой блузки, и жена неожиданно ощутила дрожь в коленях. Как странно, как странно после тридцати лет брака дрожать от прикосновений мужа...

Иван нашел ее губы, медленно расстегивая тонкую кофточку и освобождая грудь. Ольга прижималась к его груди, ощущая родной аромат его кожи, с примесью одеколona и геля после бритья. Он был такой родной, и такой нужный ей...

Супружеская пара опустилась на кремовые диваны в гостиной, сжимая друг друга в объятиях, словно безумные любовники, что ловят друг друга где-то на перипетиях жизни, выхватывают час, а потом расстаются навсегда...

Голубой рассвет уже освещал окна, и отливало на их телах голубым светом. Они любили друг друга так, как тогда, когда были молодыми и влюбленными, и не могли понять, где все это было этих долгих двадцать девять лет? Иван обнимал ее тонкое тело, чувствуя ее мягкую кожу, и ощущая ее запах, и понимал, как глупо было отказываться оттого, что у него уже есть.

Ольга прижалась к мужу и взлетела до небес, он тоже безжизненно обмяк над ней. Семеновы лежали на своих кремовых диванах в своей роскошной гостиной, и показалось, что они снова молодожены.

Иван подарил жене горячий поцелуй.

— Я хочу пить, тебе что ни, будь принести?

Оля разомкнула веки и сладко потянулась.

— Я буду ждать тебя в ванной, — промурлыкала она, и оставив блузку полу расстегнутой, двинулась вверх по лестнице в их джакузи.

Иван криво усмехнулся, семеновской улыбочкой, и проводил жену взглядом.

— Ты что это задумала, Ольга Петровна Семенова? — кинул он, вслед своей жене.

Та, игриво оглянувшись из-за плеча, ответила на его улыбку.

— Захвати шампанское, — сказала она, и скрылась в освещенном солнцем втором этаже.

Иван достал из холодильника шампанское, и двинулся за женой.

20.

— Ты давно знаешь Кирилла?

Ксюша посмотрела на сестру, что сидела за рулем своей машины, и кинула быстрый взгляд на Вику, что притихла на заднем сидении.

Дорога юлила вдоль лесополосы, и это говорило, что с минуты на минуту, покажется дом родителей. Солнце слабо освещало кромки деревьев и почти не просачивалось на трассу.

Наташа и Ксюша по перемененно вели машину всю ночь. Вика уютно дрыхла на заднем сидении. И вот, едва продрав глаза, и усевшись за руль, Наталья спросила о Кирилле. Странно, но Ксюше следовало ожидать подозрений. Все-таки именно она позировала для «Лесной феи», а потом еще и переспала с женихом сестры.

— Я познакомилась с ним у нас в ВУЗе, — отозвалась Ксюша, разворачивая журнал.

Наташа кинула на неё косой, недоверчивый взгляд.

— Думаю, вам я могу сказать, — произнесла она, изучив Вику в зеркало заднего вида.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовалась Ксюша.

— Он стал другим. Не знаю, чем это вызвано. Ты не видела, может, у него появилась другая женщина?

Ксюша заморозила взгляд на красотке в глянце, словно изучая первоклассный макияж, а сама сжалась, и надавала себе пощечин, где-то в подсознании. Как она ненавидела ложь!

Вика приблизилась к Наташе, и в полголоса начала:

— Знаешь, вокруг него вечно кто-то крутился. Так что о конкретной девушке сказать трудно, но вообще ходил слух о том, что он встречается со своей натурщицей...

Ксюша оторвала пораженный взгляд от журнала, и взглянула на Вику. Но вместо агрессии, Наташа рассмеялась.

— С Ксюхой?! Господи, что за глупости! — сказала она, сквозь хихиканья.

— Вот и я так думаю, — сказал Вика, кинув на Ксюшу твердый взгляд, — Наша тихоня ни за что в жизни не станет встречаться со своим преподавателем. Уж поверь мне, Наташ.

Наталия снова окинула Вику быстрым взглядом в зеркало заднего вида.

— Вот и я думаю, что это чушь. Кирилл никогда не будет встречаться со своей студенткой. Не такой он человек. Наверняка, все просто позавидовали тебе, да, Ксюш?

Сказать по правде, Наташа никогда не воспринимала Ксению за соперницу. Ведь сопливая девчушка никак не могла стать взрослой в одночасье..., не думала Ната, что Ксюша давно миновала рубеж совершеннолетия, также не подумала она о том, что в Ксюшином возрасте, у их матери было уже двое детей.

— Он стал совсем другим. Каким — то чужим, понимаете? Если он меня бросит, я не

переживу. Только, пожалуйста, — по Наташиной щеке скользнула слеза, — не говорите ни кому о моих сомнениях. Не хочу, что бы кто-то подумал, что у меня все плохо. Все замечательно, правда. Просто мне нужно было с кем-то поделиться...

Вика вслушивалась в слова Натальи и не сводила глаз с Ксюшиного затылка. Та, казалось, превратилась в соляной столп. Лишь бы не проболталась!

— Наташа... — выдохнула Ксюша.

— Ой, что это? — Перебила Вика, — Это он? Дом ваших родителей? Ничего себе!

— Да, мы приехали, — сказала старшая Семенова и тщательно оправила макияж.

Пока Наташа отвлеклась, Вика и Ксюша вышли из машины, доставать из багажника чемоданы.

— Ты едва не проболталась! — прошипела Вика, подавленной Ксении.

Та молча открыла багажник, и достала чемодан.

— Ты лезешь не в свое дело, — прошипела она.

— Я забочусь только о твоём благе, глупая! — драматично выдохнула Вика, и двинулась к двери.

— Пойдите, у меня есть ключ! — сказала Наташа, догоняя подруг со своим чемоданом, — Вдруг они ещё спят?

Вика и Ксюша закивали, и отошли в сторону.

Наташа молча отперла дверь, и тихо вошла. За ней следом девушки, и все трое недоуменно замерли в дверях. В гостиной, у бежевого дивана были раскиданы вещи и нижнее бельё в довольно фривольных позах, в распахнутых дверях можно было рассмотреть накрытый стол, с догоревшими свечами, в доме вообще царил странный аромат...

— Господи, кто вселился в тела наших родителей? — хихикнув, прошептала Наташа.

— Наверное, они вспомнили свой медовый месяц, — сообщила Вика, и затащила в гостиную свой чемодан.

— А скорее предсвадебное время, — добавила Ксюша, — оно у них, кажется, было бурным, раз Макс родился через пять месяцев после свадьбы.

Девушки снова захихикали.

— Я сейчас вернусь! — раздался сверху счастливый голос Ольги, и легкие быстрые шаги.

— Мама, мы приехали! — предупредила Наташа, из чистого чувства такта, не хотелось ей ставить мать в неловкое положение. Ведь наверняка, Ольга не одета...

Вновь послышались быстрые шаги, но уже удаляющиеся. Хлопнула дверь, снова открылась, и опять послышались шаги. Через секунду на ступеньках показалась Ольга Петровна Семенова. С мокрыми волосами, босая, в длинном махровом халате.

— Ой, девочки! Вы уже приехали, который час?

Ольга скользнула взглядом по гостиной, и заметив свои трусики, покраснела.

— Прощу меня простить, — наконец, произнесла она, в основном обращаясь к Виктории, — мы тут с папой ... решили... молодость вспомнить. А ваши комнаты готовы, идите, отдыхайте. Ксюшенька, твоя, как ты и просила, на двоих. Наташенька, а твоя, та самая, в которой ты жила с детства.

— Да, ладно, мам. Мы все взрослые, нет ничего стыдного, в том, что вы с папой любите, друг друга, — сказала Наташа, и крепко обняла мать, — я пойду спать. Очень устала.

— Конечно, милая, — улыбнулась Ольга, — может тебе помочь?

— Да все в порядке, ты хоть спала сегодня?

Ольга снова покраснела.

Ксюша улыбнулась, глядя на мать.

— Мам, ты просто чудо, — сказала она, и тоже крепко обняла, — я так за тобой соскучилась!

— Ты так выросла, — выдохнула Ольга в волосы дочери, и, отодвинувшись, добавила, — идите. А то вы выглядите уставшими. Поспите, хоть пару часов. К обеду я вас всех разбуджу.

— Спасибо, мам.

— Спасибо, Ольга Петровна. У вас красивый дом, — сказала Вика, поднимаясь по ступеням.

— Спасибо, Вика. Отдыхайте.

Когда шаги на лестнице стихли, Ольга, крадучись, словно вор, спустилась в гостиную, стыдливо собрала все вещи, и скрылась в своей спальне, где мирно посапывал Иван.

Часть 6. Художник.

21.

Кирилл проводил взглядом Наташин автомобиль, который осторожно свернул в студенческий городок, где ее ждали с чемоданами Ксюша и Вика, и облегченно вздохнул.

Девушки быстро погрузили чемоданы в багажник, Наталья села за руль, Вика на заднее сидение.

Ксюша подошла к левой двери «Митсубиси» сестры, и на секунду оглянулась. Кирилл почувствовал ее взгляд, хотел что-то сказать, сделать, позвать, ...но она села в автомобиль, и тот, шелестя шинами по асфальту, скрылся из виду, пару раз посигналив ему напоследок.

Кирилл вернулся в свою студию, и замер у занавешенного портрета Ксении. Его рука коснулась простыни, и та безвольно упала к его ногам. На мужчину обратилась пара черных, как ночь глаз. Прекрасных и таинственных.

Наумов улыбнулся. Горько и болезненно.

Ночью он не спал. Он вспоминал сестру своей невесты, и от этой мысли мурашки скользили по его коже. Тогда Кирилл осторожно поднялся, натянул спортивное трико, и двинулся к не законченному портрету Семеновой-младшей.

Он скинул с портрета грязную простыню.

Девушка по-прежнему был там, в белой тунике, и с таинственным взглядом. В свете ночи Ксюша казалась ведьмой, а не феей.

Наумов непроизвольно потянулся за красками, желая только одного, сохранить черты ее лица на этом холсте до рассвета.

Когда солнце скользнуло в его студию, сквозь высокие окна, Наталья проснулась. Она сладко потянулась, и позвала Кирилла. Он не ответил. Когда женщина вышла из спальни и увидела Наумова спящим на диване у оконченного портрета сестры, ей стало не по себе.

Семенова подошла к картине, и внимательно изучила нежные черты лица, волосы... Наташа могла угадать в этой работе характер своей сестры, было видно, что рисовал человек довольно хорошо понимающий ее. Глаза Ксении действительно светились чем-то.

— Ты уже проснулась?

Кирилл устремил заспанный взгляд в стройную спину своей невесты, окутанной простыней, и выругался про себя. Ей не следовало знать, что он все же закончил картину.

Наташа оглянулась, улыбаясь.

— У тебя действительно здорово получилось! — неожиданно сказала она, — Ты

можешь мне ее подарить?

Кирилл замер. Подарить? Он прежде не думал об этом. Возможно, это все, что осталось у него от Ксении.

— Зачем она тебе? — спросил он, когда вернулся голос.

— Ты не забыл, она моя сестра.

— Ну...

Наташа засмеялась и села ему на колени.

— Боже мой, ты не хочешь ее отдавать? Милый, я начинаю ревновать. Сначала ты выбираешь из толпы смазливых студенток мою сестру, потом всю ночь втихую рисуешь ее по памяти, а теперь, вот, отказываешься подарить ее портрет!

Кирилл засмеялся вместе с ней.

— Ну что ты молчишь? — не унималась Наташа.

— Я обещал, что все семь фей будут на моей выставке. Покупатели хотят их видеть вместе. Именно поэтому, я рисовал ее, как ты выразилась «втихую». Если ты не забыла, выставка именно завтра.

Видимо, Наталью удовлетворил подобный ответ. Она слезла с колен Кирилла, подарив ему быстрый, легкий поцелуй, и двинулась в душевую.

Наумов осторожно завесил портрет.

— Так значит, ты с нами не поедешь сегодня?! — спохватилась она, выглянув из-за двери.

— Я ведь, предупреждал, что не смогу...

Наташа сделала расстроенное лицо.

— А я так надеялась, что мы поедем все вместе...

— Нет, милая. Ничего не выйдет.

Наташа надула губки, и снова скрылась за дверью.

Кириллу показалось, что тема закрыта. Наташа больше не вспоминала ни портрет, ни поездку. Только уходя, оставила ему адрес дома своих родителей, с указаниями быть побыстрее.

И вот, она, наконец, уехала. Кирилл остался с ней вдвоем. Фея смотрела на него с портрета обвиняющим взглядом, и Наумову казалось, что сейчас она рассмеется ему в лицо, таким жалким он себя ощущал.

Постояв еще несколько минут, Кирилл поднял простыню, и бережно завесил картину.

Ждать было некогда. Вряд ли без него дизайнеры справятся с декором его выставочного зала.

Мужчина тщательно запаковал картину, оделся, побрился, и двинулся к своей машине. Новые колёса оказались чистыми, и гладкими. Шиповка почти не мешала им блеснуть на солнце. А ведь совсем недавно на месте передних колес болтались резиновые, мешковатые предметы.

Кирилл уложил картину на заднее сидение автомобиля, и сел за руль. Ему предстояла долгая поездка, долгий день. А завтра... завтра будет завтра.

Наумов достиг города через час, отвлеченный тяжкими думами. Когда впереди показалось белое готическое здание выставочного центра, мужчина припарковал автомобиль, взял картину, и двинулся к своему залу.

Здесь работа шла полным ходом. Туда-сюда сновали рабочие, метались декораторы со различными приспособлениями в руках, напоминаящие гербарий. На стенах, точно

монтажники-высотники, удерживаясь на деревянной лестнице, стояли люди, которые пытались зацепить тяжелые шторы к карнизам. Невысокая женщина, лет тридцати, в темном брючном костюме и очках, осторожно распаковывала картины, и полюбовавшись ими несколько секунд, тщательно изучала выставочную галерею, потом подавала картину помощнице, и указывала на понравившуюся ей стену. Пока та размещала работу Наумова, женщина принималась за следующую.

— Рита, — позвал Кирилл.

Женщина тут же обратила свой внимательный взгляд на Наумова и расплылась в улыбке.

— Кирилл! Наконец-то, я боялась, что ты не приедешь.

Наумов осторожно поцеловал женщину в щеку, в фривольном приветствии.

— Я привез последнюю картину, — сказал он с энтузиазмом подростка.

Заметив блеск в его глазах, Рита мягко улыбнулась.

— Судя по твоему настроению, она удалась, — сказала женщина, принимая сверток из его рук.

Вернулась помощница. Юная студентка местного ВУЗа помогла Рите распаковать портрет.

На секунду, Маргарита потеряла дар речи.

— Господи, Кирилл, — наконец, произнесла она, — это лучшее, что ты рисовал когда-либо! Я не помню подобных работ со студенческих времен. После той истории, ты стал рисовать иначе...

Рита подняла на Наумова виноватый взгляд, осознав, что сказала лишнее. Каждое упоминание о «той истории» причиняло ему невероятную боль. До сих пор. Прошло аж десять лет! Но на этот раз, Кирилл даже бровью не повел. Маргарита отметила это изменение в нем, и снова задумчиво изучила друга.

— Я стал рисовать хуже, — сказал он, — Когда погибла Валя, я стал рисовать хуже, верно? Но я вернулся в седло. Интересно, понравится ли это моим покупателям?

Рита внимательно смотрела на Кирилла. Он стал другим. Казалось, он ведет себя словно человек, решивший жить последний день.

— Что-то случилось? — осторожно спросила она.

— Нет, с чего ты взяла?

Рита смутилась под его пронзительным взглядом, и снова обратила свой взор на портрет.

— Постой-ка, эта девушка мне очень кого-то напоминает...

— Ты любишь футбол?

Рита недоуменно посмотрела на Кирилла, пытаясь сообразить, к чему он это спросил.

— Не особо, — сказала она, осторожно.

— Может, кино смотришь?

— Конечно, смотрю, кто его не смотрит!

— «По ту сторону фронта» видела? Или «Они тоже люди»?

Рита недоуменно вскинула бровь.

— К чему ты клонишь?

— А за кого ты будешь голосовать на выборах? Может, ты, изучив «Тактику моей жизни», или «Кровавую помаду», наконец, поймешь, о ком я говорю?

Рита округлила и без того крупные глаза.

— Это Семенова? — выдохнула она шепотом, — Которая?

— Младшая, — ответил Кирилл, — Но никто об этом знать не должен. Похожа и похожа. Просто совпадение, поняла?

Рита неуверенно кивнула.

— Помнишь «Морской бриз»?

— Конечно, я повесила его на входе. Очень светлая, и добрая композиция, ты ведь знаешь...

— Это она его нарисовала, — указав на портрет, сказал Наумов.

Рита недоверчиво взглянула на портрет.

— Но там же было написано «Ксения Тульская»?

— Это девичья фамилия ее матери.

— Черт... складывается впечатление, что это семейка впитала в себя энергию, и таланты всего мира.

— Так и есть, — криво усмехнулся Кирилл.

— Если пресса прознает о том, что у тебя есть ее портрет, на придумывают бог знает чего.

— Но ты ведь не скажешь?

— Конечно, нет.

— Вот и прекрасно. Пусть фея номер семь займет свое место в ряду «Лесных фей», хорошо?

— А как подписать?

— Напиши: «Фея счастья».

— Я имела в виду имя.

— Ксения Тульская.

Рита помолчала, закусив губу.

— Может, стоит продать портрет в комплекте с «Бризом»? Так, наверняка, дадут больше.

— А кто сказал, что я хочу продать ее портрет? Висит, пусть висит. Но не продавай.

Рита непонимающе уставилась на студенческого друга.

— Я понимаю тебя все меньше...

— Я обещал этот портрет Наталье, — соврал Кирилл.

Но это была ложь во спасение. Только после подобного объяснения, Марго согласилась не предоставлять информации о портрете, всем интересующимся.

Картина перекочевала из рук Риты в руки помощницы, потом на стену. В ряд, где с белой стены, словно с небес на грешную землю смотрели семь красивых своеобразных женщин.

Рита замерла рядом с Кириллом, внимательно изучая общую картину.

— Вышло довольно... — она замолчала, подыскивая слова, — интересно. Вполне возможно, что кто ни-будь изъявит желание приобрести всю коллекцию...

— Я же сказал, Ксюшу не продам.

Рита нахмурилась.

— Ты ведешь себя, как ребенок. Ты знаешь, сколько можно выручить за семь картин?

— Я похож на человека, которому нужны деньги?

— Если ты так себя будешь вести, окажешься в луже. Тогда твои драгоценные Семеновы выкинут тебя, как ненужную шавку.

Наумов кинул на Риту предупреждающий взгляд.

— Как я сказал, так и будет, ясно?

Маргарита взглянула на Наумова исподлобья.

— А ты изменился, — сказала она.

— Ничего подобного. Меня просто раздражает, когда ты становишься жуткой скупердьякой. Деньги — не смысл жизни. Они всего лишь то, что прилагается к ней.

Маргарита молча смотрела на Кирилла, оставаясь при своем мнении.

— Одним словом, Наумов, ты просто лирически настроенный дурак. Я повторяю, дело твое. Но потом, что бы ни приходил ко мне плакаться в жилетку, ясно? — передразнив его тон, ответила Рита.

— Ясно, — смиренно ответил мужчина, и Марго вновь узнала в нем того Кирилла, в которого была влюблена в студенческие годы. И снова стала его на веки.

Женщина сдержанно улыбнулась Кириллу в ответ и двинулась от него прочь. Наумов ее по настоящему беспокоил. Он стал странным, другим.

Рита снова оглянулась на Кирилла. Мужчина стоял в центре своей галереи, и внимательно осматривал уже начавшую вырисовываться картину его выставочной галереи. Здесь он был на своем месте. Наумов был увлечен процессом, пока глаз его не зацепился за семь портретов. Коллекция фей.

Марго обратила свой взор на юную Семенову, и позавидовала ей. Казалось, она завладела его вниманием на довольно продолжительный срок. Если Ксения позировала для Кирилла, значит, они знакомы. Неужели Кирилл изменил своей драгоценной Наташе?

— Кир! — позвала она.

Наумов удивленно оглянулся. Так его давно никто не звал.

— Что это за фривольное обращение, Петрова?

Казалось, шутливых перепалок Риты и Кирилла, никто не замечал.

— Иди-ка сюда, мне надо спросить кое-что важное у тебя, — Рита двинулась в свой застекленный кабинет.

Это место Марго обожала. Она держала свою галерею давно, многие знаменитые художники выставлялись здесь, и ее галерея пользовалась довольно не плохим спросом. Но личный кабинет Риты был ее любимым местом во всей галерее. Небольшое помещение, отгороженное от основной галереи толстым стеклом, внутри которого постоянно переливалась голубоватая вода. Дверь была простой, стеклянной, но ее никто не замечал, за всем этим великолепием. В центре кабинета, словно огромная таблетка, на маленьких белых круглых ножках стоял диван, на полу валялась шкура белого медведя, стены украшали элегантные светильники, на окнах, вместо штор, от высокого потолка до пола, висели занавеси из ракушек. Вместо обоев, или покраски на стенах висели длинные ряды, обтрепанных декоративных циновок. У окна с ракушечной занавеской, стоял большой стол, на белых плетеных ножках, со столешней, такой же, как стены. В ней все время проходила циркуляция воды. На краю стола стояла кипельно белая ваза из матового фарфора с плавными изгибами. В ней нашли свое прибежище те самые странные растения, которые показались Кириллу похожими на гербарий. Ни картин, ни бумаг. Куда все это спрятано?

— Ритка, дай мне телефон твоего дизайнера, — сказал Кирилл, изучив комнату.

— Ты знаешь, мой телефон, — сказала женщина, и поправив очки, села за стол.

— Талантливый человек, талантлив во всем.

— Не переводи тему разговора...

— А где все твои бумаги?

Рита сжала губы, стараясь не рассмеяться и выглядеть строго. Она поднялась из-за своего стола, и отодвинула одну из циновок. Под ними, встроенными в стену, оказались полки для бумаг. И только сейчас Кирилл заметил сбоку шнурки, именно они поднимали циновку, как жалюзи, при необходимости.

— Умно, — выдохнул он, и распластался на диване.

Рита снова села за свой стол в своем белом кабинете, выделяясь темным пятном.

Странно, но она жутко напоминала Кириллу, Наташу.

— Кир? Я хочу спросить у тебя кое-что. Ты можешь мне, конечно, не отвечать, это только твоя жизнь. Но мне ты можешь доверять...

Улыбка медленно сползла с его лица. Он принял более напряженную позу, вглядываясь в лицо старой подруги. Честно говоря, Ритка ему нравилась всегда. Жесткая, упертая, с железной хваткой, и всегда рядом.

— Что тебе надо? — спросил он, понимая, что его грубость вряд ли ее проймет.

— Кирилл, ты собираешься жениться на Наталье, верно?

Наумов кивнул несколько неуверенно. Собирается, ли?

— А ее сестру, ты, я так понимаю, встретил в институте?

Может ей все рассказать? Все равно догадается сама...

Кирилл снова кивнул.

— Она была твоей студенткой?

— Именно, — ответил он, вымучив усмешку, — к чему ты клонишь?

— У тебя с ней что-то было?

Кирилл поднялся, и взглянул на подругу.

— Разве это имеет значение?

Рита тоже поднялась. Его ответ ей уже не был нужен. Он юлит. Значит было...

— Кирилл, она сестра твоей невесты. Она Семенова. Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь?

Наумов посмотрел на Маргариту тем своим чужим взглядом, и ей стало не по себе.

— Я ничего не делаю, — прошипел он, — не будь душой.

— Своей грубостью ты ничего не добьешься. Я единственный близкий человек тебе здесь. Я знаю тебя довольно давно. И понимаю твои настроения. Ты просто скажи мне, что ты понимаешь, что делаешь.

— Я понимаю...

Он не понимал.

Рита смотрела на него, а перед ее мысленным взором всплыл образ милой девушки с портрета. Ах, как нечестно! Она появилась, и за неделю сделала то, на что Рита не решалась уже десять лет.

Он стоял к ней спиной. Засунув руки в карманы, отодвинув полы пиджака, спина ровная, ноги расставлены, солнце освещало его фигуру.

— Кир? — жалобно позвала Рита.

— Я захотел ее с первого взгляда, — неожиданно сказал он, — она разбила мне нос дверью. Когда боль поутихла, и я смог смотреть на неё, не щурясь... это, были самые счастливые моменты в моей жизни...

Рита едва сдерживалась, чтобы не заткнуть уши руками. Нет! Этого она слышать не хотела.

— Потом, когда она неожиданно появилась на трассе, я подумал, что девчонка просто преследует меня, как в тех страшных историях о маниакальных страстях учениц к своим учителям. Оказалось, нет. Она показалась мне такой необычной... это похоже на безумие. Я пригласил ее позировать для «Феи».

Рита не отводила глаз от его профиля, освещенного солнцем. Почему она не могла сделать его счастливым? Зачем ему эти Семеновы?

— Она позировала мне. Я не видел холста, не различал красок,... я видел только ее. А потом она меня поцеловала, прямо там, у холста. Я понимал, что моя оборона рушится. Я не могу противостоять своим чувствам, я слабак.

— Кирилл

— Она пришла, чтобы сказать, что уезжает. И никак не могла захлопнуть ту чертову дверь,... я ей помог, она оказалась в моих объятиях. Пришел в себя, когда все было кончено. Она спросила: «Что теперь?». И знаешь, что я ей ответил?

Кирилл обратил безумный взгляд на Риту. Та сидела на своем белоснежном диване, сцепив руки, и выпрямив спину. Она казалась напряженной, и внимательной.

— Я ей ответил «не знаю». Господи, как я жалок!

Рита поднялась, и шагнула к Кириллу, в надежде обнять.

— Ну что ты...

Наумов отступил, не желая принимать ее объятия.

— Я обещал, что не буду плакать в твоих объятиях.

Марго закусил губу.

— Ты ее любишь? — помолчав, спросила она.

— Да.

— А Наташу?

Кирилл снова отвернулся к окну, и помолчал.

— Если я ее брошу, я себе этого не прощу.

Рита нахмурилась, откинув в сторону все свои чувства и симпатии, оставив ситуацию в ее реальном виде, старалась рассуждать здраво.

— И что ты предлагаешь? Жениться на старшей сестре, и всю жизнь врать ей, делая тем самым несчастной? Ты не думал, что если женишься на Наталье, сделаешь несчастными обоих? Сколько этой девочке, студентке, лет? Наверное, в районе двадцати? О ней ты подумал?

Наумов прислушался к Рите. Именно за это он ее и любил. Маргарита никогда не говорила зря.

— Ты просто обязан выбрать. Слышишь? Не мучай хотя бы одну из них. И не тяни. Потому что, как только твой обман раскроется, Семеновы сотрут тебя в порошок. Один папаня их чего стоит. Слышал ведь ту старую историю, про этого мафиози, Боброва? Так Семенов, говорят, его и убрал. Будь осторожен с ними, хорошо? Пообещай мне.

Заметив настоящее беспокойство в ее глазах, Кирилл неуверенно кивнул.

— Обещаешь? Скажи, что обещаешь, — не унималась Рита.

— Обещаю.

— Вот и славно...

22.

Успокаивающая музыка разливалась по галерее. Давно остыл след строителей, и

дизайнеров. Теперь просторы картинной галереи заполнили представительного вида мужчины и женщины. Здесь собрались сливки общества, весь бомонд, и денежные мешки. В отличие от крутых тусовок, к искусству приобщиться хотели все. Мужчины в элегантных костюмах ходили, рассматривая картины, и придерживая своих спутниц в роскошных нарядах, увешанных бриллиантами, за ухоженные ручки.

Кирилл стоял в стороне, принимая восторженные отзывы, от потенциальных покупателей. Почти все его картины были куплены. За всю серию «Фей», как и предсказывала Рита, спрашивали более десятка клиентов. Но Кирилл был по-прежнему непоколебим. Фей разобрали поштучно. Одна Ксюша была нетронутой, под неусыпным оком Наумова.

Картины дебютантов, отобранных в ВУЗе, тоже разошлись довольно бодро. В том числе и «Морской бриз» феи номер семь. Именно поэтому его и купил молодой парень, который требовал седьмую фею громче всех. Сынок нефтяного магната пользовался в обществе не очень хорошим авторитетом. Поговаривали, что он бандит. Но Кириллу на все это было плевать. Он преследовал свою цель, и добился ее. Когда, казалось, выставка подходила к концу, неожиданно к Наумову подошел седой низкорослый мужчина в сопровождении юной девушки. Он поздоровался с Кириллом на немецком языке. Тот, не будучи полиглотом, ответил с трудом. Именно тогда на выручку пришла та самая девушка.

— Господин Хенэ, представитель Германского музей, — говорила она, — который набирает группу молодых и талантливых художников, для продолжения обучения в Берлине, с последующим трудоустройством. Господин Хенэ узнал, что у вас будут выставляться студенты, и заглянул на вашу выставку, господин Наумов.

— Это для меня честь, — вежливо вставил Кирилл.

— Для господина Хенэ тоже. Он ознакомился с вашими работами, и понял, насколько прекрасна современная русская живопись. Поэтому, человек вроде вас не мог выставить в своей галерее бездарностей. Господину Хенэ больше всего приглянулась картина «Морской бриз», художницы Тульской. Господину Хенэ очень бы хотелось связаться с госпожой Тульской. Вы посодействуете?

Медленно, до сознания Кирилла стал доходить смысл его слов. Немцу понравилась Ксюшина работа, и он хочет забрать ее в Берлин. Забрать от него в Европу, туда, где она будет для него недосыгаемой. И она уедет, если Кирилл не порвет с Натальей немедленно.

— Господин Наумов?

— Конечно, я помогу вам связаться. Но, боюсь, ее номера телефона у меня нет на руках. Если бы вы мне оставили свои координаты, я бы выяснил в Вузовской картотеке ее адрес и телефон, и все непременно бы передал.

Девушка быстро прошептала все сказанное на ухо немцу. Тот закивал. Похоже, угостроил такое расположение дел. Он достал свою визитку из карманчика пиджака.

— Господин Хенэ будет ждать звонка, — сказала девушка, озвучив невнятные бормотания немца, — Всего доброго.

— До свидания. Был очень рад знакомству.

— Господин Хенэ тоже.

Немец и девушка удалились. Кирилл взглянул на визитку на русском языке. Теперь у него был повод позвонить Ксюше.

Мужчина огляделся. Рита была занята общением с гостями. Не долго думая, Наумов скрылся в ее кабинете, достал свой сотовый, и на память набрал ее номер. Казалось, эти

цифры вгрызлись в его мозг.

После двух длинных гудков, раздалось сонное: «Алло».

— Ксюша?

— Алло? — сказала она хрипло, и неожиданно притихла, наконец, проснувшись, и осознав, кто это ей звонит.

— Я тебя не разбудил?

— Нет. Что случилось? — она явно врала, ее голос был хриплым, как Кирилл забыл о времени? Наверняка уже давно за полночь!

— Ксюша, я решил. Я брошу Наташу.

— Ты ради этого позвонил? Если да, то зря. Я ни за что в жизни не буду строить свое счастье на чужом несчастье, ты меня слышишь?

— Ксюша, я просто хотел...

— Она плакала всю дорогу, Кирилл. Она обо всем догадалась, просто не знает что это я, и жалуется мне на меня. И что? Как мне, по-твоему? Я не хочу так, и так не будет.

— Тебе не кажется, что уже поздно что-то менять? Ты была со мной. Ты меня любишь. А я люблю тебя. Нам третий не нужен.

— Я не люблю тебя, — раздался ее ледяной голос.

Кирилла словно ударили в лицо.

— Ты говоришь неправду.

— Кирилл, это просто секс. Если бы я знала, что твоя невеста, это моя сестра, я бы ни за что...

— Хватит! Ты права, я позвонил не за этим. Твоя картина продана. Немецкий институт заинтересовался твоим творчеством. Тебе есть куда записать его телефон?

— Сейчас, — секунду помолчав, словно переваривая, произнесла Ксюша, — Говори.

Кирилл продиктовал все, что было написано на визитке. На секунду повисла тишина.

— Это все, — сказал он, в надежде, что она остановит его, прокричит в трубку, нет, не все. Я сказала неправду. Это ложь! Я люблю тебя, люблю...

Но она лишь сказала: «Все», и положила трубку.

Кирилл отключил телефон, и посмотрел на него, как на отвратительную, гадкую дрянь, которую ему приходится сжимать в руке. Он посмотрел на стеклянные стены, по которым струилась вода, «смывая» и размазывая желтый свет льющийся из галереи в кабинет. И с силой швырнул трубку об пол. Та, раскололась на две части и погасла.

«Абонент временно недоступен» — сообщил компьютерный голос, когда Наташа в этот момент набрала номер телефона Кирилла.

Семенова поняла, этот абонент совсем скоро станет для нее недоступным навсегда.

Часть 7. Любовный марафон.

23.

Маша неслась на полной скорости, недовольно поглядывая в зеркало заднего вида. Этот ненавистный Скворцов, которого ей пришлось тащить с собой на юбилей родителей, только ради того, что бы угодить Голицыну, как назло, не отставал. Его красная «Бэнтли», держалась рядом, а иногда даже вырывалась вперед.

Но, вот, наконец, показался дом родителей. Маша бодро за рулила во двор, злобно ударив по тормозам. Скворцов, не смотря на большую скорость, притормозил плавно. Он выбрался из автомобиля, полный уверенности в собственном обаянии и подошел к Марии,

которая тоже, едва сдерживаясь, что бы ни хлопнуть, как следует дверью, вышла из автомобиля.

Сергей Скворцов снял темные очки, и посмотрел на Машу соблазнительным гипнотическим взглядом.

— Ты водишь машину, как сумасшедшая, — сказал он, криво улыбаясь.

— Не знала, что мы уже на «ты», — ответила Маша, вытягивая чемодан из багажника. Он не торопился ей помогать.

Семенова про себя поливала его такими ругательствами, что ей казалось, сам земной шар сошел со своей оси.

— Прости, но ты мне напоминаешь маленького, недовольного ребенка...

Ольга Петровна, стояла у окна, снова одетая и прекрасная. Но к холодной красоте в ней появилось еще и чистое женское довольство. Когда в их дворе послышался визг шин. Женщина прильнула к окну.

Сначала она заметила Машин автомобиль, потом красный джип. Из которого выбрался довольно симпатичный молодой человек. Он подошел к Маше, та одарила его таким взглядом. Этот взгляд девочки унаследовали от матери. Ах, если бы он мог убивать. Ольга сразу поняла, что этот красавец и есть Скворцов, Машин конкурент, которого она приняла за старика в Интернете.

Мужчина говорил с дочерью Ольги, довольно интимно склоняясь к ее лицу. Та же излучала такое недовольство и неприязнь, что матери стало не по себе. Но на мужчину, это казалось, никак не действовало.

Снова на подъездной дорожке послышался визг шин. Во двор зарулил огромный «Хаммер» с хромированным кенгурятником. На крыше автомобиля был привязан мотоцикл. Автомобиль замер, и из него выбрался Макс. Чисто выбритый, стильно стриженный. Какая радость, что он все же состриг этот уродливый хвостик! Подумала Ольга. Макс одет был в черную футболку и джинсы. Он подошел к Маше и крепко ее обнял, приветливо поздоровался за руку со Скворцовым. Потом вернулся к своей машине, и достал огромную спортивную сумку с вещами. Едва он захлопнул дверь, как во двор въехала еще одна машина. И только сейчас Ольга поняла, что возможно, места в их дворе для других гостей просто не хватит.

Это был роскошный, черный «Феррари». Ольга поняла, что это Лена приехала еще до того, как она выбралась из автомобиля. Актриса была, как всегда прекрасна. Одета была в насыщенно-синее платье с короткими рукавами из легкой ткани. Ее волосы заслуживали отдельной истории. Черные, густые, блестящие, они спадали волнами по ее плечам и спине, и на секунду Ольге вспомнилась актриса времен холодной войны, на которую ей так хотелось походить. Казалось, она переродилась в теле ее дочери, и была не менее прекрасна, чем тогда.

Но Елена была не одна. Из-за руля выбрался высокий суховатый, но довольно жилистый мужчина. Его белокурые волосы были тщательно зачесаны назад, в надежде пригладить легкие волны. Чисто выбритый, в белоснежной шелковой рубашке и черных брюках. Его глаза скрывали солнечные стильные очки.

Максим первым отреагировал на появление знаменитостей. Он поцеловал Лену в щеку, пожал руку Рязанову. Скворцов, видимо, медленно осознав, что перед ним стоят довольно известные люди, скривил губы в приветственной улыбке. Лена тоже обратила на него свой

хищный взгляд. Маша нехотя его представила.

Когда с приветствиями было покончено, Макс взвалил на себя свой чемодан, и чемодан Маши, которая шла рядом с ним, она что-то рассказывала смеясь. Позади них шел Скворцов, сжимая своей чемодан, и невнимательно слушал рассказ Елены, которая то и дела оглядывалась на Рязанова, что с заметным усилием тянул неподъемные чемоданы своей актрисы.

Когда голоса приезжих наполнили дом, Ольга хотела, было уже спуститься, как во двор въехал автомобиль Дарьи. Машина ехала довольно медленно, словно похоронный кортеж. Женщина задержалась у окна.

Из-за руля выбралась Даша, в белом цветастом сарафане. Короткое «Карэ» раздувал ветер, но белая повязка на голове мешала волосам опрокинуться на лицо. Девушка достала из багажника свой кремовый чемодан на колесиках, бездумно приложила руку к животу, словно он у нее болел, и потеряла его. И только потом двинулась к дому.

Странно, почему Антон не приехала вместе с ней?

Краем глаза Ольга заметила странное движение в кустах, но не предала этому значения. Поднялся ветер, возможно, это он.

Ольга двинулась в гостиную.

Когда она спустилась, все как раз приветствовали Дашу. Та казалась, странно одухотворенной и спокойной, словно позабыв о Семеновском нраве.

Из столовой показался Иван.

— Ну что все в сборе? — громко спросил он, и все обратили на него свои взгляды.

В гостиной царил удивительно теплая, и счастливая обстановка.

— Мама! — воскликнула Даша, и крепко ее обняла.

— А где Ксюха? — подарив свою порцию внимания матери, расцеловав ее в обе щеки, спросил Макс.

— Они отдыхают с дороги, вместе с Наташей.

— Мама, познакомьтесь, этой Григорий Рязанов, — начала Лена, указывая на спутника, — тот самый человек, что сделал меня знаменитой.

— Ты сама виновата, — наигранно обиженно кинул он.

Все засмеялись.

— Я чувствую себя как в Диснейлэнде, — кинул Скворцов Маше.

Эта реплика, конечно же, предназначалась только Машиным ушам, но Ольга услышала ее.

— Тебя здесь никто не держит, — сказала Маша в ответ, и двинулась к матери.

— Знакомься, мама, это тот самый Сергей Скворцов, — небрежно махнув рукой в его сторону, сказала Маша, — мужчина, который скрывается за фотографией плешивого старика.

Сергей лишь криво усмехнулся, и неожиданно поцеловал руку Ольги.

— Я был пленен вашей «Тактикой моей жизни», вы получили премию не зря.

Ольга смущенно улыбнулась.

— Ну, раз ты одобрил, думаю, Нобель еще раз зачислит себе плюсики, за удачу, — ехидно сказала Маша.

— Мы уже на «ты»? — парировал он.

Маша надулась, и пошла к отцу.

Иван, как раз разливал шампанское по бокалам.

— Выпьем зато, что мы, все же собрались, не смотря ни на что! — сказал он, поднимая высокий стакан.

Его дети, со своими спутниками подняли бокалы в ответ. И тогда Ольга впервые почувствовала себя счастливой матерью, счастливой женой, и счастливой женщиной. Действительно счастливой.

Ксюша и Вика проснулись от визга тормозов. Девушки сонно прильнули к окну.

Ксения плохо знала своего брата и сестер. Будучи самой младшей, она не понимала их, и даже иногда побаивалась. Только Макс проявлял к ней интерес. Чем она живет, чем дышит, так сказать. Понятно, что наверняка, все дети были не рады ее появлению в их семье. Но как бы то ни было Ксюша тоже Семенова, и имеет право на толику их любви.

Девушка улыбнулась при виде залихватского вида Максима, со спортивной сумкой наперевес.

На каждую из Ксюшиных сестер жизнь наложила свой отпечаток.

Так, Маша, например, что, довольно неосторожно приехала, казалась злой и недовольно. Лена — холодной и неприступной.

— О господи, это твоя сестра, верно? — послышался подрагивающий от восторга голос Виктории, не смотря на имидж дамы, которая прошла Крым и Рим, Воробьева была действительно возбуждена приездом звезд первой величины.

— Да, это Ленка. А с ней, кажется, если не ошибаюсь, Рязанов? Я его обожаю!

Ксюша улыбнулась, и взглянула на подругу.

— Он бросил свою жену, из-за Ленки. Поверь, он не такой классный...

Вика вскинула брови, и Семенова тут же осеклась. Господи, она ведь сама на грани того, что бы разбить пару.

— Мама родная, а это что за красавчик? — прильнув вновь к стеклу, спросила Вика.

Ксюша обратил свое внимание обратно, во двор. Вероятно, Виктория указывала на спутника Маши.

— Не знаю. Наверное, Маша решила тоже жениха привезти...

— Какая жалость! Он классный. Ты просто взгляни на него, господи, какие мускулы!

— Прекрати, — засмеялась Ксюша, оттолкнув подругу от окна.

— Нет, дай я насмотрюсь на него вдоволь!

Ксюша пожала плечами, и направилась в душ.

— Ой, они уже все ушли, — услышала она из комнаты, — Смотри, кто-то еще приехал!

Семенова вернулась, и взглянула в окно. Это была Даша. Невероятно грустная, понурая, и светлая одновременно.

— Это Даша.

— Ты, что замужем?

— Угу.

— Вид у неё не очень довольный. Наверное, поцапалась с мужем.

— Может.

В холле дома послышались голоса, и восторженные приветствия.

— Ты не спустишься? — удивилась Вика, наблюдая за тем, как Ксюша выдавливает зубную пасту на щетку.

— Может позже...

— Ты с ума сошла. Сколько ты их всех не видела?

— По разному, — сказала она, не вытаскивая щетку изо рта, где уже образовалась порядочная пена.

— Если бы это была моя семья, я бы их всех встречала.

Ксюша сполоснула рот.

— Я пойду туда только вместе с тобой.

— Я пока не готова столкнуться в битве с твоим братцем, — сообщила Вика, и упала в мягкую кровать.

— Либо мы идем вместе, либо нет.

— Дело твое, — закутываясь в одеяло, сообщила Вика.

Ксюша, отложив расческу, которую только взяла воинственно двинулась на подругу.

— Вставай!

— Нет, — уютно промурлыкала Воробьева.

— Вставай, говорю.

— Не-ет, — упрямо протянула подруга.

— Сейчас я применю силу, слышишь?

— А, плевать, — накрыв голову подушкой, пробубнила Вика.

Не долго думая, Ксюша схватила край одеяла, и резко дернула. Ткань легко соскользнула, оставив Викторию без прикрытия.

— Эй! Ты что себе позволяешь?! — смеясь, возмутилась Вика, стараясь дотянуться до одеяла.

— Мы идем к остальным, слышишь?

— Семенова, ты глупая и упрямая женщина, — лениво поднимаясь, сообщила Виктория.

Так или иначе, Ксюша победила.

Когда девушки спустились, все приезжие и родители, расположились на кремовых диванах в гостиной.

Мама и папа сидели в креслах, что стояли рядом, и держались за руки. Они никогда прежде не держались за руки. Елена и Рязанов сидели рядом. Григорий слегка придерживал женщину за плечи, бездумно скользя глазами по комнате, и пропуская мимо ушей тихий разговор. Лена, что впервые в жизни чувствовала себя комфортно, потягивала шампанское из высокого бокала, и слушала успокаивающий голос мамы, которая рассказывала какую-то историю. Напротив них сидели Даша и Маша. Две сестры были гораздо ближе друг другу чем с остальными. Они то и дело переглядывались, и хихикали, снова десятилетние девчонки, поведавшие друг другу свои секреты. Макс и спутник Маши, тот самый мускулистый красавец, стояли в стороне, они пили что-то покрепче, чем шампанское, в немой мужской солидарности держаться друг друга.

Заслышав шаги на лестнице, лица всех присутствующих обратились к двум новым гостям. Мужчины приосанились, заметив, что это две очаровательные девушки.

— О, ну вот и Ксюшенька, со своей подругой Викторией, — сообщила Ольга Петровна, поднимаясь, — как отдохнули?

Вика заметила, что мама Ксюши все еще испытывает неловкость по поводу утреннего инцидента.

— Не беспокойтесь, — ответила Виктория, — все замечательно.

Макс хмыкнул.

Вика кинула на него быстрый взгляд, тот самодовольно ей кивнул.

— Девушки, у нас новые гости, — сообщила Ольга Петровна, — с Еленой приехал Григории Рязанов, знаменитый в нашей стране режиссер. А у окна, рядом с Максом, Сергей Скворцов, коллега по бизнесу, нашей Дарьи.

От этих слов Даша поморщилась, а Скворцов, наоборот расцвел и двинулся к девушкам. Вика кожей ощутила интерес, и улыбнулась красавчику.

— Очень рад, — сообщил он.

— Я тоже, — томно добавила Виктория.

— Будь осторожнее, дружище, — послышался насмешливый голос Макса, — эта девушка разорвет тебя в клочья, в своей очередной статье. Тебе еще дорога твоя репутация?

Сергей недоуменно вскинул брови.

— Максим! — шепнула возмущенная Ольга, и Ксюша вторила ей.

Вика слегка порозовела от злости, но, в общем, и целом это было не заметно, из-за тщательно загара, полученного ею в солярии.

— Вижу, вы интересуетесь моим творчеством? — сдержанно произнесла Вика, и приняла из рук Ивана Сергеевича бокал шампанского.

Максим усмехнулся.

— Всегда ненавидела журналюг, — раздался ледяной голос Елены.

Ольга готова была сгореть со стыда.

— Ой, какая странная история со мной приключилась! — вдруг вмешалась Даша в разговор, отодвинувшись, что бы освободить место Вике на диване, что она делила с Машей.

Все присутствующие обратили на неё Семеновские взоры.

— Еду я из фирмы Антона. И как раз проезжала по спальному району, как вижу такую сцену. Роскошный белый дом. На пороге стоит огромный чемодан, набитый мужскими шмотками. Не думайте, я не проверяла. Это просто, рукав рубашки торчал... — Даша внимательно изучала лица родственников и гостей, и продолжила, — с лестницы спускается мужик, и начинает лупить фотографа, что снял чемодан. Потом этот муж, видимо, которого выставила жена, садится в машину, и уезжает. Избитый фотограф пытается швырнуть что-то ему в след. И как раз в этот момент я его едва не сбила! Представляете?! Бедный малый едва не угодил под мои колеса!

— Какой ужас! — выдохнула Ольга.

— Какая жалость, что не угодил, — холодно хмыкнул Рязанов.

Недоуменные взгляды обратились на него.

Даша секунду помолчав, вдруг догадалась.

— Это у вас белая «Митсубиси», верно?

Рязанов невнятно кивнул.

— Этот гаденыш гонялся за мной потом еще неделю, после этого случая. Надоели они мне. Они разбили мой брак, и хотят, что бы мы относились к ним нормально.

— Редко, когда настоящий журналист скажет неправду. А уж фотография тем более не умеет врать, — заявила Вика, и пригубила шампанское.

Рязанов кинул на неё мутный взгляд, но отвечать не стал. Только Лена испепеляла Вику взглядом весь вечер.

— Это верно, — неожиданно поддержал ее Макс, — на фото видно все.

Лена оглянулась на брата, уловив его скрытый намек.

— Ксюша, расскажи-ка нам, — обратилась актриса к младшей сестре, — я слышала ты довольно талантливый художник. И твою работу отобрали на выставку Наумова.

— Наумова? — вскинула Сергей, наконец, оторвав взгляд от Виктории, — Этого самого крутого художника?

— Именно, — словно объясняя младенцу, кивнула Лена.

— Да, — начала Ксюша, — Мой «Морской бриз» выставлен в галерее Маргариты Петровой сегодня. Вместе с картинами Кирилла Семеновича. Возможно, его тоже купят.

— Поздравляю, дорогие родители, — добродушно сообщил Максим, — вы вырастили еще одного гения!

Все засмеялись. В этот момент в гостиной появилась безупречная Наталья в строгом костюме, не смотря на довольно расслабленную обстановку. После представлений и знакомств, на котором снова отличился Машин спутник, Скворцов, все снова расселись, добавив шампанского в бокалы.

— Наташа, а когда подъедет Кирилл? — спросила Ольга у старшей дочери.

— Обещал завтра к обеду. А там не знаю...

— Он невероятно талантливый художник, — задумчиво сказала Даша, — одна из его картин висит в нашей... — девушка осеклась, а затем, придя в себя, добавила, — в нашей с Антоном спальне.

— Да, он хорош, — выдохнула Маша, вспоминая небольшой натюрморт в своем кабинете.

— Но я влюблена в его коллекцию «Лесные феи», — сообщила Наташа.

— Надо же, какое интересное название, — расслабленно заметил режиссер, — и кто же на них изображен? Неужели феи?

Лена захихикала.

— Да, именно так, — спокойно сказала Наташа, — там изображены шесть очень красивых женщин, а седьмой наша Ксюха.

Все обратили свои взгляды на девушку.

— Это правда?

— Неужели?

— Трудно было?

— Странно, мало кто рисует портрет с натуры. Разве что по заказу.

Ксюша лишь пожала плечами.

— Кирилл Семенович мне предложил, я согласилась. Вот и все.

— Ой, знаете, это был такой занимательный процесс! — подхватила Вика, пользуясь всеобщим вниманием, — Ксюша позировала в такой белой тунике...

Медленно разговор переключался из искусства в кино, потом литературу и политику. Первой ушла спать Даша. Потом Маша и Ксюша с Викторией. Ольга с мужем, извинились, и скрылись в своей спальне, о чем-то шушукаясь. Сергей вышел во двор, и сел в кресло на веранде. Там, покачиваясь, он курил, и смотрел в звездное небо.

В гостиной остались Лена, Григорий и Макс.

— У вас действительно большая семья, — выдохнул он, — я всегда мечтал о такой.

— Чтобы ее получить, — сказала Ленка, — достаточно жениться на мне, и поцеловала Рязанова в губы.

Макс, который стал свидетелем этой сцены, понял, что именно замужество станет следующим пунктом программы Елены, от плана которого Рязанов просто не сможет отступить.

— Вы слышали, как вела себя эта подружка Ксюхи? Сразу видно, затычка! Наверняка

склепает статейку о нас с тобой!

Гриша молча поднялся с дивана, оставив Лену обиженно надув губки.

— Я пойду. Действительно устал, — сказал он.

— Ничего, если я останусь? — кинула она в след мужчине.

— Конечно, мы ведь на отдыхе, детка.

Когда шаги Рязанова стихли, Макс сел рядом с сестрой.

— Господи, Семенова, я не знал, что ты такая вероломная, — сказал он, — Он ведь совершенно не в себе!

— Он придет в себя. Со мной.

— Насколько я понял, та история с избиением журналиста, то был Рязанов?

Лена нехотя кивнула.

— Знаешь, сколько я дала по морде?

— Мне бы очень хотелось тоже, но это не выход...

— У тебя просто нет опыта. Вон, попрактикуйся на ярком представителе прессы, госпоже Виктории.

— Прекрати.

— Вспомни, как она измарала твое имя на пятнадцати листах своего очерка «О Спорт! Ты мертв!». Я его сохранила, специально для тебя.

— К чему эти жертвы? — усмехнулся Макс.

Лена поднялась и наполнила свой бокал, на этот раз мартини.

— К тому дорогой, что когда тебя бьют, надо давать сдачи.

— Я не могу дать сдачи женщине.

— Я фигурально. Женщине даже проще дать понять, что она ничтожество, чем мужчине.

— На что ты намекаешь?

— Господи, Максим, это ты должен меня учить всему! Ну, смотри, она сейчас такая независимая, гордая, самонадеянная. Ты у нас красавец мужчина. Покрути с ней роман. Пусть она в ножки тебе падает, при твоём появлении. Вот и победа.

Максим уставился на сестру и рассмеялся.

— Ты шутишь?

Лена устремила на Макса пронзительный взгляд.

— А надо? — она под села к брату, и откусила кусок от оливки, что плавала в напитке, насаженной на палочке, — Подумай сам. Она нужный тебе человек. Лови момент. Другой такой удачи не будет.

— Неужели ты, правда, думаешь, что я способен на такое? Ты, наверное, сошла с ума.

У Елены появился тот пугающий, хищный взгляд.

— Ты взрослый мужчина. Почему ты должен уступать?

— С чего ты взяла, что я вообще имею с ней какие-то дела?

— Ну, я же видела, как ты смотрел на нее сегодня. Только никак не могла угадать, чем это вызвано. Чисто мужским интересом, или профессиональным?

Макс нахмурился. Вика действительно интересовала его, зачем скрывать? Но вот только в каком плане?

Максим молча смотрел на сестру, не желая участвовать в этом разговоре.

— Ну что ты молчишь? Не хочешь со мной говорить? Жаль. Я считала тебя своим другом.

— Я и есть твой друг, ты знаешь. Но не подельник, в твоих нечистоплотных интригах.

Лена взметнула обиженный взгляд на брата. Максим молча поднялся с дивана, оставив стакан, и двинулся к лестнице. Елена не сводила с него своих черных глаз. Семенов ощущал ее убийственный взгляд спиной.

— Спокойной ночи, сестренка, — сказал он, оглянувшись, и двинулся к своей старой комнате.

Когда Макс достиг лестничной площадки, и узкого коридорчика, вдоль которого располагались двери в комнаты сестер и их гостей, в дверях своей спальни появилась мама, в белом шелковом халатике.

— Макс?

— Да, мам.

— Идем со мной.

Ольга Петровна вывела сына на небольшой балкон в своем кабинете, и, вдохнув ночной воздух, обратила свой ясный взор на сына.

— Ты расскажешь мне, что у тебя случилось с Лианой Мартинез?

— Господи, мама. Сейчас не время...

— В последний раз, когда ты звонил, ты сказал, что собираешься сделать ей предложение, верно?

Максим тяжело вздохнул, осознав, что мама не оставит его, пока не вытянет всю информацию.

— Да, так и сесть.

— Ну и что случилось?

— Лиана не та женщина, которая мне нужна, только и всего.

— Незачем юлить, милый. Я ведь знаю, что это не так. Ты был от неё без ума. Она тоже казалась очень влюбленной. Вы ведь уже полтора года вместе...

— Мама, она модель. У нее контракт. Сегодня здесь, завтра Мадрид, послезавтра — Египет. У меня другие планы.

— Ты бросил ее, из-за того, что она не захотела бросать карьеру?!

— И поэтому тоже.

— Но, Макс! Это подло!

— Я знаю.

— «Я знаю»?! И ты так спокойно об этом говоришь, Макс...

— Мама...

Ольга смолкла, уловив в интонации сына предупреждение. Именно так говорил Иван в преддверии яростной вспышке.

— Не надо на меня давить, ладно?

Ольга смутилась. Она совсем позабыла, что ее сын не ребенок.

— Прости. Просто... я очень хочу внуков...

— Если ты их хочешь, — улыбнулся он, — ты их получишь, — и поцеловал маму в гладкий лоб.

Ольга засмеялась.

— Не надо понимать мои слова буквально, дорогой. Я хочу знать, что у вас все будет хорошо...

— Так оно и будет.

— Дай бог.

Максим обнял маму. Ей уже сорок восемь лет. А ему уже тридцать. Он хотел семью. Он мечтал о своей семье, он лелеял надежды о семье с Лианой. Но амбициозная модель не изъявила желания оставлять после себя потомство, хранить верность любимому, и переехать в Россию.

Лиана повела себя жестоко, отказав ему в свадьбе, и тут же окунувшись в разврат со своим знакомым фотографом. Как подло! Он застал ее в вагончике, где она обычно гримировалась, обычный переездной вагончик, со всем необходимым. В том числе и диваном, где Лиана и ублажала своего фотографа. Когда Макс появился, она сказала, что не желает его видеть. Что никогда его не любила. И жила с ним только ради того, что бы ее имя чаще повторяли в прессе.

Максим просто ушел. Совсем как тогда, с Катей. Он летел к ней, в Москву на крыльях любви. Боевые раны еще не зажили, тело ломило, но он был счастлив, что они, наконец, встретятся. Он пришел в Катину квартиру, девушка завела его в бедную, облезлую кухоньку с заляпанной печкой, усадила за стол, налила чаю, и сообщила, что вышла замуж за другого мужчину. Как подло!

Казалось, вся женская братия объединилась, что бы делать ему подлости...

Макс пообещал не впускать женщин в свое сердце. Но как построить семью, без любви? Как?

Макс проводил маму до комнаты, а сам двинулся в свою. Закрыл дверь, включил свет. Старые футбольные награды все еще стояли здесь, на невысоких полках его детской комнаты. Плакаты «Led Zeppelin» и «Rolling Stone», выгорели, и обтрепались по краям, но по-прежнему были на своих местах.

Максим сел на свою узкую кровать, и задумчиво потер подбородок. Может Лена все же права. И именно Вика ему нужна? Во всех отношениях?

Ночную тишину нарушил перезвон сотового телефона. Ксюша продрала глаза, и схватила трубку. На дисплее высветился не знакомый телефон.

— Алло? — хрипло, спросонья ответила она, и неожиданно притихла, наконец, проснувшись, и осознав, кто это ей звонит.

— Я тебя не разбудил? — послышался знакомый голос Кирилла.

— Нет. Что случилось? — девушка не могла понять, в чем дело. Почему он звонит за полночь?

— Ксюша, я решил. Я брошу Наташу, — сказал он, как отрезал.

Девушка поморщилась в темноте. Нет, нет. Он не должен этого делать из-за нее...

— Ты ради этого позвонил? Если да, то зря. Я ни за что в жизни не буду строить свое счастье на чужом несчастье, ты меня слышишь? — шепотом, что бы ни разбудить Вику, но, тем не менее, повысив голос, сказала она.

— Ксюша, я просто хотел...

— Она плакала всю дорогу, Кирилл, — перебила девушка, прежде чем согласится на его уговоры, — Она обо всем догадалась, просто не знает что это я, и жалуется мне на меня, — на глазах Ксюши навернулись слезы, голос дрожал, — И что? Как мне, по-твоему? Я не хочу так, и так не будет.

— Тебе не кажется, что уже поздно что-то менять? — холодно спросил он, и, помолчав, добавил, — Ты была со мной. Ты меня любишь. А я люблю тебя. Нам третий не нужен.

— Я не люблю тебя, — произнесла она, стиснув зубы.

Кирилл замолчал. На том конце провода воцарилась гробовая тишина.

— Ты говоришь неправду, — наконец, сказал он.

— Кирилл, это просто секс, — утирая слезы со щек, говорила девушка, словно ощущая какой болью ее слова, отзываются в его душе, — Если бы я знала, что твоя невеста, это моя сестра, я бы ни за что...

— Хватит! — заорал он, — Ты права, я позвонил не за этим. Твоя картина продана. Немецкий институт заинтересовался твоим творчеством. Тебе есть куда записать его телефон?

— Сейчас, — Ксюша дотянулась до своей сумочки, достала оттуда блокнот и ручку, — Говори.

Кирилл продиктовал, Ксюша молча писала, глотая слезы.

— Это все, — сказал он.

Семенова проглотила ком в горле, и сказала:

— Все, — после чего почти хладнокровно отключила телефон.

— Это он звонил? — послышался в темноте голос Вики.

Ксюша посмотрела на силуэт полруги на фоне белой кровати.

И ее «Да», затерялось в потоке рыданий. Вика обняла Ксюшу.

— Перестань плакать, Семенова. Тебе фамилия не позволяет раскисать...

— Мне так больно, так плохо...

— Я знаю, милая, знаю...

Ночь стояла тихая, и рыдания юной художницы были слышны по всей поверхности земной. Но кому они нужны в потоке современной жизни?

Кирилл смотрел на осколки своего телефона на полу, и почувствовал ее слезы. Но пообещал себе не приближаться к ней, если она этого не захочет, не придет сама.

24.

Солнечное утро пробралось сквозь тонкие занавески. Маша сладко потянулась в своей мягкой кровати. Ах, какая благодать! Можно спать до обеда.

Девушка села в кровати и взглянула на часы. Те показывали половину восьмого. Только вряд ли получится спать до обеда, организм слишком привык к прежнему графику...

Работа.

Маша застонала, вспомнив своего обаятельного конкурента, вороха бумаг в папке на столе и свои амбиции, которые она просто обязана оправдать.

Девушка выбралась из уютной постели. Она чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Видимо родные стены помогали.

Семенова умылась, почистила зубы, расчесала и собрала в хвост темные, блестящие волосы.

Оставаясь в бледно сиреневых шелковых пижамных брюках, Маша, накинула белый летящий халатик, и, подхватив документы, двинулась на кухню, в полной уверенности, что ей удастся изучить сводки балансов в полном одиночестве и спокойствии, за чашкой кофе.

Семенова никогда не обращала внимания, что больше всего любит работать на кухне. Почему — то именно это место осталось в ее памяти уютным и теплым. Именно на кухне ей было спокойно.

Маша сварила себе кофе, разложила бумаги на полированной поверхности стола, и села, подобрав под себя ноги. Еще Семенова не замечала, что во время чтения, неустанно теревит

волосы. И те, естественно рассыпаются из любой прически. Задумчиво она стянула резинку, освободив свои волосы, и отложила ее в сторону. Ручка, которую Маша сжимала в руках, для того, чтобы делать пометки в своем органайзере, периодически блуждала по ее губам. Если бы Ольга застала свою взрослую, преуспевающую дочь, за жестоким сгрызанием ручки, немедленно бы сделала ей замечание, которое ее губы не уставали произносить за 24 года Машиной жизни. Пока Семенова контролировала себя, она оставляла несчастный предмет в живых, но стоило ей отвлечься...

Одним словом, письменные принадлежности для Маши покупались в два раза чаще, чем остальным.

Такой Марию и застал на кухне злостный конкурент, Сергей Скворцов. Полуодетую, лохматую, грызущую ручку, и босую.

Признаться, Сергей узнал ее не сразу. У него немного трещала голова после выпитого вчера виски, шампанского, коньяка и еще бог знает чего. Он ощутил аромат кофе, и словно сомнамбула, прибыл на его зов. Скворцов одет был тоже довольно посредственно. В клетчатом банном халате, и трико, в котором спал, он уже не казался таким красавчиком. Честно говоря, Сергей понадеялся, что кофе варит та чудесная женщина, добрая фея — Ольга Петровна, что назвалась матерью его стропливой напарницы.

— Доброе утро, — сказал Сергей, еще не толком осознав, что перед ним сидит Маша.

Та удивленно вскинулась, и недовольно сжала губы, пойманная врасплох.

— Вас всегда учили подкрадываться так тихо?

— Я не подкрадывался, я приплыл на аромат кофе. Господи, как пахнет...

Маша кинула на свою кружку косой взгляд, и снова воинственно воззрилась на Скворцова.

— Зерна в том шкафу, — сказала она, кивнув в сторону навесного шкафчика, — варите.

Скворцову не очень польстила эта мысль, и он скоропостижно решил, что такой друг, как Маша ему пригодится хотя бы для того, чтобы варить ему кофе...

— Ну почему вы так не гостеприимны, Мария? — сказал он дружелюбно, усаживаясь напротив, и ненароком поглядывая в ее пометки. Вдруг что ценное заметит?

Маша, заметив его потуги, захлопнула блокнот.

— Вас сюда ни кто не звал, — сказала она, сгребая документы, — и раз уж вы гость не званный, варите себе кофе сами. Я не обязана перед вами любезничать.

Сергей нахмурился, наблюдая, как Маша уложила стопку белых листов в папку, и тщательно ее застегнула. Потом собрала со стола остальное — резинку для волос, ручку, карандаш, блокнот и желанную чашку с кофе.

— Завтракаете? — раздался еще один женский голос.

Маша и Сергей повернулись к входной двери.

В кухню вошла Ольга Петровна. Казалось, эта женщина никогда не спит. Старшая Семенова, была одета в темные широкие джинсы, и розовую цветастую блузку. Голову ее покрывала широкая соломенная шляпа, руки — перчатки, все в сырой земле.

— Решила выпить кофе, — сообщила Маша, и подошла, что бы поцеловать маму, — ты работала в саду?

— Да, — сказала Ольга, скидывая грязные перчатки, и вошла внутрь комнаты, и только сейчас Сергей заметил огромную овчарку, что следовала по пятам за женщиной, — надо Барса покормить. А то он бедняга, переработался.

Маша отложила все свои вещи, что занимали руки, и склонилась к животному. На

правой щеке улыбчивой морды Барса, красовались четыре черные родинки.

Овчарка сидела смиренно, принимая ласки молодой девушки, свесив язык из огромной зубастой пасти. Было видно, что Барс староват, шкура слегка обвислая, глаза мутноватые. Но, в общем, и целом, животное казалось здоровым и бодрым.

Натискав огромную морду вдоволь Маша, достала из миски, которую Ольга приготовила для животного, кость, и сунула ее собаке.

Барс с нескрываемой радостью принял сахарный дар и скрылся из виду.

— Маша, ты перебила ему аппетит, — заметила Ольга.

— Поверь, Барс наверняка вернется. Если он все еще тот пес, которого я помню, — отозвалась девушка, вновь сгребая документы.

Скворцов, немо наблюдающий эту сцену, наконец, подал голос.

— Классная у вас собака.

Ольга и Маша разом оглянулись.

— Почему я не видел ее раньше?

— Мы держим Барса в специальном вольере днем. А ночью выпускаем. Так что не советую вам, на всякий случай, совершать ночные прогулки по моему саду, — сказала Ольга, снова надевая перчатки.

— Не переживайте за меня. Я не любитель прогулок по ночному саду, уж простите, — ответил Скворцов.

Маша, неприязненно фыркнув, ушла. Ольга Петровна, кивну Сергею, тоже покинула кухню, через «заднюю» дверь.

А Скворцов остался без кофе. Ах, как жаль, что ему попалась такая несговорчивая напарница, которая так здорово варит кофе!

Так, не солоно хлебавши, Сергей вернулся в свою комнату, чтобы подготовиться к тяжелому, судя по всему, дню.

25.

Ксюша проснулась рано и, прихватив свой мольберт с красками вышла за дом, на крышу, через окно, откуда открывался чудесный вид. Она чувствовала себя отдохнувшей, и странно умиротворенной. Впервые, за последние три дня девушка чувствовала покой. После ночного разговора с Кириллом она долго плакала, пока, наконец, не пришел покой.

Девушка не могла смотреть в глаза сестре. Она чувствовала себя подлой предательницей.

Почему все так сложно? Почему она не имеет права любить?

И тут же внутренний, нудный голос, упомянул — «Ты разве забыла? Он при каждой встрече говорил о Наташе. О своей единственной розе в саду».

Ксюша потерла лоб тыльной стороной руки, в надежде отогнать плохие мысли, и сосредоточиться на пейзаже.

А утро выдалось действительно чудесным. Голубое безоблачное небо, легкий ветерок, зеленые кроны деревьев морем разливались внизу. Дороги видно не было. Только шум электропоездов напоминал, что реальность гораздо ближе, чем кажется.

У подножья холма, что виднелся на горизонте, в голубоватой дымке раскинулся эпицентр жизни этого района. Там были магазины, кино, клубы — все, что необходимо современному человеку для веселой жизни.

Но Ксению больше привлекала плешь, что оказалась в самом центре лесополосы.

Сквозь ветви деревьев, там угадывалась крыша от домика, да вот только девушка никогда прежде не слышала, что на этой территории кто-то жил. Семеновы являлись единственными живыми людьми на этой стороне железнодорожной ветки.

— Шикарный вид!

Ксюша обернулась, к ней на крышу выбиралась Вика, растрепанная, в халате, неустанно зевая.

— Ты, Семенова, просто знаешь, что требуется рисовать. Удивительно!

— Точно так, как ты знаешь, что будут читать.

Вика хмыкнула, и устремила свой задумчивый взор на пейзаж.

— Какие на сегодня планы? Я слышала, празднество только завтра.

— Ты хотела сказать, черед празднеств. Потом мамин день рождения, и помолвка Наташи с Кириллом.

— Считаешь, она состоится?

Ксюша непонимающе уставилась на подругу.

— Мне казалось, мы этот вопрос решили.

Вика решила смолчать.

— Я надеялась, что ты, Семенова, покажешь мне городок.

Ксюша вытерла кисточку.

— Ладно. Можно съездить, прогуляться. Я знаю одно классное место...

— Мне Олег смс прислал.

Ксения округлила глаза, взглянув на подругу.

— Да ну! И что пишет?

— Хочет встретиться. Сегодня. Я предложила в вашем городке, где конкретно, обещала сказать позже.

— Но ведь сюда добираться почти десять часов...

— Он живет в часе езды от этого захолустья, забавно, да? Словно сама судьба сталкивает нас.

Ксюша молча сняла полотно с мольберта.

— Помоги мне, — попросила она.

Девушки вернулись в комнату, тщательно сложили все Ксюшины принадлежности.

— В любом случае, сегодня приезжает Кирилл, и мне не хотелось бы встречаться с ним, — сказала Ксения, — так что давай собираться потихоньку. Нужно уйти до обеда.

— Как скажешь.

Ольга покинула сад, решив, что пора бы начать готовить завтрак. Скоро соберутся все дети, и захотят есть. Женщина отметила, что Маша и Ксюша уже проснулись. Максим чистит свой мотоцикл, а Иван, когда она покидала спальню, уже совершал утреннюю пробежку на тренажере.

Женщина сняла шляпу, и перчатки, вымыла руки, надела фартук.

Скрипнула входная дверь. Ольга обернулась. На пороге стояла Даша, в легком сиреновом сарафане. Волосы собраны в крошечный хвостик.

— Ты что проснулась так рано? — улыбнулась Ольга дочери.

Образ заспанной Даши по утрам, когда девочка спешила на кухню, что бы помочь маме на кухне, слился с образом взрослой женщины, стоящей перед Ольгой.

— Хотела тебе помочь, — сказала Дарья, и подошла к разделочному столу, где Оля

раскладывала овощи.

Мать внимательно взглянула на дочь.

— У тебя все в порядке?

Даша улыбнулась, и от этой успокаивающей улыбки Ольге стало не по себе. Своим развитым, шестым чувством, женщина поняла, что все не в порядке.

— Что с Антоном?

Даша обмыла овощи.

— Он работает.

— Неужели у него столько дел, что он не мог приехать на неделю к нам?

— Он очень занят.

Ольга приняла из рук дочери, чисто вымытые огурцы и помидоры, и принялась резать их для салата. Даша, меж тем стала очищать молодой картофель от тонкой кожуры, рискуя испачкать ухоженные ручки.

— Я понимаю, что ты уже взрослая, и вправе поступать, как считаешь нужным. И сама решаешь, стоит ли нас ставить в известность...

— Я развожусь с Антоном, мама.

Ольга на секунду замерла, а потом еще интенсивней принялась нарезать овощи на деревянной доске.

— Ты это окончательно решила?

Даша взяла следующую картошину.

— Он изменил мне. Я его застала с ней. В офисе. Прямо на столе...

Ольга не отрывала глаз от доски, вслушиваясь в слова дочери и болезненно вспоминая измены Ивана.

— Никто об этом не должен знать, мама. Я никому пока не говорила.

— Не спеши, Дарья. Все тщательно обдумай...

— Ты считаешь, я еще думать о чем — то должна?

— Если бы я бросала твоего отца после каждой его измены...

Даша спокойно положила нож на стол, оставив картошку не дочищенной.

— Ты прости меня, мама. Но я не хочу, что бы мой ребенок рос в атмосфере бесконечных скандалов. Начало положено. Измена, как наркотик. Антона уже не остановить...

На этот раз Ольга отложила нож, и подняла пораженный взгляд на дочь. При длинной баталии, что продолжала литься из уст дочери, Ольга выхватила главное.

— Ты беременна?

— Да.

— Тогда ты должна понимать, что ребенку нужен отец.

— Я понимаю, мама.

— И поэтому решила развестись? А Антон знает о том, что скоро станет отцом?

— Нет, в тот день я как раз собиралась ему рассказать.

— Уверена, как только он узнает о твоём положении, о разводе не будет и речи, — произнесла Ольга и снова взялась за салат.

— Он не узнает до развода. Я не хочу иметь с этим человеком ничего общего.

Ольга вновь взглянула на дочь.

— Ты хочешь, чтобы твой ребенок рос без отца?

— А, по-твоему, семью стоит сохранять только из-за детей?

— Я всю жизнь делала так. И только сейчас поняла, как счастлива.

— Это не для меня, мама. Думаешь, мы ничего не видели? Ни твоих слез? Ни выходок отца? Прости меня, мама. Но я такой судьбы не хочу.

Ольга смотрела на дочь, где-то в глубине души понимая, что она права.

— На что ты будешь жить? — спросила женщина в последней попытке защититься, — У тебя нет образования. Нет мужа. Наташе, Маше, Лене и Ксюше я позволяю вести себя, так как им вздумается, потому что их будущее устроено. А ты? Ты бросила институт на полпути ради Антона. Теперь бросаешь Антона, перед рождением ребенка. Учти, оставить ребенка я тебе не позволю. Пора брать ответственность на себя, Дарья.

Глаза Даши медленно наполнялись слезами.

— Я надеялась, что ты поймешь меня, — дрогнувшим голосом, сдерживая слезы, произнесла девушка, — Так или иначе, но к Антону я не вернусь. Он меня предал. Я не прощаю предательства...

Дарья взглянула в глаза матери, и медленно вышла из кухни.

Ольга, которая закончила с салатом, принялась за картофель. Слезы тихо, беззвучно скользили по ее щекам. Как глупо. Где знать, куда пойти? Как поступить? Возможно, ей стоило оставить Ивана после первой же измены, и тогда, на руках только с Максом и Наташей, Ольга вряд ли бы вообще добилась успеха со своей книгой.

Женщина промыла очищенный картофель, и поставила его варить.

Скрипнула «задняя» дверь, ведущая в сад.

Ольга обернулась, взглянуть, кто на этот раз решил проведать ее. ТО был Барс. Овчарка взглянула на хозяйку черными угольками глаз, и легла у двери, не издав ни звука.

— Ты слышал, что она говорила? — спросила Ольга у собаки.

В те долгие минуты одиночества, что женщина проводила в этом доме, Барс бывал ее единственным собеседником.

Собака, обратив на Ольгу грустный взгляд, поняла, что хозяйка говорит с ней, и поднялась.

Женщина присела на корточки, и обняла собаку.

Барс лишь тихо поскулил, чувствуя тяжелое дыхание хозяйки и прислушиваясь к ее едва различимым всхлипываниям в тишине.

Вика, накрашенная и одетая в джинсы и майку, стояла у окна, и наблюдала за чудной картиной во дворе.

Там, в лучах утреннего солнца и в блеске хрома своего мотоцикла, копался Максим. Одет он был только в джинсы, и черную майку. Его мускулистые плечи и руки переливались на солнце от пота и машинного масла. Вика поймала себя на мысли, что этот мужчина чертовски сексуален, не смотря на то, что он её злейший враг.

— Что ты там рассматриваешь? — раздался голос Ксюши над самым ее ухом.

Вика отшатнулась от окна, но Ксения уже увидела, то, что заинтересовало ее подругу.

— Ты разглядывала Макса?! — удивлению Семеновой не было предела, она рассмеялась, — А я думала, ты его терпеть не можешь...

— Одно другому не мешает, — хмыкнула Вика в ответ, и села в кресло.

Странно, но с этой секунды Олег, как-то отошел на второй план.

Ксюша, похихикивая, вернулась к зеркалу, и быстро обрызгала себя духами.

— Невероятно, — произнесла она, — но знаешь, вы с Максом идеально бы подошли

друг другу...

— Думай, что говоришь. У меня сегодня свидание с Олегом. И именно за него я намерена выйти замуж.

Ксюша тщательно оправила свой розовый сарафан с летящей юбкой, обула сандалии, и посмотрела на Вику.

— Очень жаль. Если бы ты вышла за Макса, мы бы смогли чаще видеться.

Вика поднялась из кресла, и девушки двинулись к двери.

— Очень смешно, — хмыкнула Виктория, распахивая ее.

— Я не шучу...

Дверь за девушками медленно закрылась.

Семеновы собрались за завтраком в просторной столовой, за большим столом. Вообще, стоит сказать, что Иван не поспешил на дом. Одна столовая чего стоила. Размером со столовую в средней школе, в центре стоял сам обеденный стол. Массивная, полированная громадина, которую никто из обитателей дома не любил. Но стол был необходим, что бы всех разместить. Ольга расстелила в центре стола кружевную салфетку, и поставила букет роз в изящной вазочке. Конечно, цветы смягчили грубость мебели, но совсем чуть — чуть.

У стен стояли различные серванты, наполненные посудой и сувенирами, высокие окна были открыты, и тонкие занавески колыхались на легком ветру. Напортив стола, в стене располагался камин. Около которого были расставлены кресла. В противоположной стене от камина, располагался бар, и дверь на кухню. В углу стоял магнитофон.

Слева располагались двустворчатые двери в гостиную, которые всегда были раскрыты, как и сегодня.

Во главе стола сидел Иван, без пиджака (что было странно и для семьи, и для гостей), мало кто видел Ивана Семенова без пиджака (Ольга не в счет). По правую руку от Ивана сидела Ольга, свежая. Она успела переодеться перед завтраком. Слева от Ивана, напротив Ольги сидел Макс, тоже переодетый, и посвежевший после утреннего душа. Рядом с Максом, как всегда расположилась Наталья, в прекрасном расположении духа, она ожидала появления Кирилла. Напротив Наташи сидела Лена хмурая, но Гриша, что сидел рядом то и дело говорил ей что-то, и актриса потихоньку заулыбалась. Напротив Гриши сидели Ксюша и Вика, девушки принарядились к будущей прогулке. Напротив Вики сидела Даша, которая сегодня была странно весела, и что-то рассказывала сидящей рядом Маше взхлеб. Сергей, что сидел по левую руку Марии едва скрывал тоску, и бездумно пялился по сторонам, кидая на Вику заинтересованные взгляды.

— Ну-ка, глянем, что наша мама приготовила нам сегодня, — добродушно произнес Иван, накладывая себе в тарелку вареный молодой картофель и салат.

— Мама всегда хорошо готовит, — сказала Лена, потягивая ананасовый сок, — Жаль, я не унаследовала ее этот талант...

Все засмеялись.

— Это не талант, милая, а опыт, — отозвалась Ольга.

На секунду воцарилось молчание. Все молча ели.

— Мам, мы с Викой съездим в город, ладно? Надо кое-что купить.

Ольга рассеянно кивнула. Казалось, она была не здесь, не за столом.

Ксюша внимательно изучила маму, но спрашивать в чем дело не стала.

— А что вы собираетесь покупать? — вдруг спросила Даша.

У неё был странно болезненный вид сегодня утром, глаза воспаленные, будто плакала.

— Да, так, по мелочи, — медленно отозвалась Ксюша, — честно говоря, хочу Вике город показать.

— Да, — выдохнул Макс, — у нас в городе есть, что показать.

Вика взглянула на спортсмена довольно многозначительно, и снова принялась за завтрак.

— Мы с Гришей, пожалуй, останемся дома. Эта жара меня убивает. А ты как?

Рязанов, который не притронулся к завтраку, потягивал спиртное, и тоже, казалось, обитал не здесь.

Ольга приняла это на свой счет.

— Вам не понравилась еда? Я могу сделать что-то еще...

— Нет, не беспокойтесь, Ольга Петровна, все очень вкусно. Просто я сегодня себя не очень хорошо чувствую.

Гриша не врал, только его недомогание нельзя было назвать физическим. Он скучал по Насте, и детям. Семеновы ему действительно нравились, но он был здесь чужим.

— Извините, — буркнул он, поднялся из-за стола и вышел.

Семеновы недоуменно переглянулись. Лена не двигалась с места. Ольга удивленно взглянула на дочь.

— Ты не пойдешь за ним? — спросила она.

Больше всего на свете Лене хотелось побежать за ним, но что-то подсказывало ей, что он хочет побыть один.

— Нет, не пойду.

— И правильно, — вставил Макс, — иногда мужчине просто необходимо одиночество. Я все поражался, как он терпит твою опеку постоянно?

Макс заметил, что ехидная реплика так и хочет сорваться с языка Виктории, но девушка сдержалась. Видимо ей не хотелось показаться бестактной.

— Наверное, поэтому ты все еще один? — вместо Вики, спросила все-таки Маша.

— Это обидно, сестра, — усмехнулся Максим, — от тебя я такого не ожидал.

— Прости, конечно, но разве я не права? — со свойственной ей прямолинейностью, спросила Мария, — Что стало с Лианой? Я слышала история вышла неприятная, и ты снова один. Мама меня попрекает, что я еще не замужем, но ведь кроме Дашки ни у кого из нас нет законного брака, верно?

— Я работаю над этим, — заявил Макс и снова кинул на Вику многозначительный взгляд.

— Как мило, — отозвалась та, — ты это уже обговорил со своим агентом? А детей, сколько у тебя будет по плану?

Ксюша ткнула Вику под столом ногой, и та тут же смолкла, мысленно выругав себя за невоспитанность.

Ольга сделала вид, что ничего не произошло, Иван скрыл усмешку стаканом с соком, сделав вид, что пьет. Маша, смущенная тем, что она виновата в нападках на брата, покраснела. А поймав изучающий взгляд Скворцова, смутилась еще больше.

— Ладно, нам пора, — Ксюша поднялась из-за стола.

— Вы можете взять мою машину, — сообщила Наташа.

Ксюша оглянулась на сестру.

— Я скверный водитель. Свою разбила только пару недель назад. Нет уж. Лучше мы на

такси.

— Ну, дело твое.

Ксюша направилась к телефону.

Вика вышла на крыльцо.

Гриша поднялся на второй этаж, и быстро, стараясь ни о чем ни думать, достал сотовый телефон, и набрал заученный наизусть номер. «Настя» высветилось на дисплее. И послышались длинные гудки. Она долго не брала трубку. Рязанов уже намеревался отключить телефон, как послышалось:

— Алло?

— Настя?

Она тяжело дышала.

— Я слушаю тебя, муженек, — самодовольно промурлыкала она.

И Гриша неожиданно догадался. Она занималась сексом с кем-то?!

— Чем ты там занимаешься? — не желая скрывать недовольство, спросил Рязанов.

— Ты позвонил узнать, чем я занимаюсь? Петя, ну подожди... — она захихикала.

— Настя, я просто хотел...

— Гриша?

Мужчина оглянулся. В дверном проеме стояла Лена, и непонимающе смотрела на Рязанова. Тот, встретив ее взгляд, молча отключил телефон.

— Ты ей звонил? — спокойно спросила Семенова.

— Да, мне кое-что нужно выяснить...

Лена молча прошествовала мимо, не желая слушать ее жалких оправданий. Неужели ей не удастся их окончательно разбить?

Вика еще более внимательно изучила свой макияж, и осталась довольна.

Когда хлопнула дверь, и на крыльце послышались шаги, девушка решила, что это Ксюша и произнесла:

— Ну, сколько можно ждать! — но Вика осеклась на последнем слове, встретив вместо Ксении на крыльце, ее брата — Максима.

— Ты что, преследуешь меня?! — недовольно осведомилась она, пряча зеркало в косметичку.

— А мне показалось, что ты меня ждала, — сказал он, и облокотился о стену, скрестив руки на груди.

— Ты прекрасно знаешь, что я ждала не тебя.

— Ах, какая жалость! — выдохнул он, скользнув изучающим взглядом по ее ягодицам, обтянутым джинсами.

Вика возмущенно вскинулась.

— И что это за дурацкие намеки все время?! На что ты надеешься?! Могу сразу сообщить, ты не в моем вкусе!

— Неужели? — он отделился от стены, и шагнул к Вике, — Тогда почему ты разглядывала меня все утро в окно?

Виктория беспомощно отступила.

— А ты, значит, заглядываешь в окна?!

Лучшая защита, как известно, нападение.

Максим засмеялся, но продолжал уверенно наступать. Он быстро загнал девушку в угол.

Та уперлась спиной в стену, и тут же поняла, что оказалась в ловушке. Мужчина облокотился о стену руками с обеих сторон от Вики, и жарко произнес:

— Я не мог пропустить такую красоту.

Виктория запаниковала. Его слова отозвались где-то в глубине ее души, неожиданным жаром с такой силой, что задрожали колени. Но девушка сдержала неожиданную бурю эмоций, игнорируя головокружение, она взглянула на Макса.

— Я тоже не могла пропустить твой шикарный мотоцикл. Поэтому и разглядывала его, — довольно твердо заявила девушка, так, что Макс ей почти поверил.

Он вздохнул.

— Ах, какая жалость, так значит, я себе безнадежно льстил?

— Ты занимаешься этим постоянно, — Вика кинула многозначительный взгляд на его руки, которые по — прежнему перегораживали пути к отступлению, — Ты дашь мне выйти?

— Почему ты всегда убегаешь? Бросаешь меня? — не унимался Семенов.

— Прекрати этот цирк! Ты ведешь себя, как...

— Как кто?

Вика грубо оттолкнула его руку, и двинулась прочь, но Макс довольно жестко схватил ее, развернул к себе, и горячо поцеловал.

Возмущению Виктории не было предела. Она что было сил оттолкнула его, и вlepила громкую пощечину.

Максим засмеялся, коснувшись своей полыхающей щеки.

— А ты горячая... — сказал он.

Вика, заметив, что ее ярость только веселит его, пришла в ярость.

— Да что тебе нужно от меня?! — едва не крикнув, спросила она.

— Мне нужна ты, — просто ответил он.

Вика серьезно взглянула в лицо Максима, со следами своей помады на губах, и произнесла:

— Ты меня не получишь. У меня есть молодой человек, и я его люблю.

Максим лишь повел бровью.

— Он так же хорош, как я?

Вика тяжело вздохнула, окончательно осознав, насколько невыносим этот тип.

Макс наблюдал за Викторией, и тогда понял, что не остановится, пока не завоюет эту строптивую журналистку. Воробьева стала даже важнее, чем очередной футбольный трофей.

Он видел, как его проникновенная реплика «Мне нужна ты», смутила ее. Что ж, ее уверенность пошатнулась, а это именно то, чего он ожидал.

— Почему ты молчишь? — Максим нежно коснулся ее волос, — Насколько у вас с ним все серьезно?

На крыльце появилась Ксюша, и Вика облегченно вздохнула. За несколько минут пребывания наедине с Максимом, он дважды загнал ее в угол. Теоретически и практически.

— Ну что, идем? — спросила Ксения, кинув быстрый взгляд на брата.

Вика двинулась прочь от крыльца, к воротам, где медленно подъехало такси.

Ксюша чмокнула брата в щеку, и подала ему носовой платок.

— Эта помада тебе не идет, — сказала она, и стерла следы поцелуя.

— У неё правда есть молодой человек? — тихо спросил Максим, не отрывая глаз от силуэта Виктории.

Ксюша внимательно взглянула на брата, ей не понравился этот блеск в его черных

глазах.

— Да, есть. И более того, именно сейчас, мы идем на свидание с ним. Так что оставь ее в покое, слышишь?

Макс посмотрел на сестру, и безразлично пожал плечами.

26.

Таксист возмущенно посигналил. Вика давно сидела в машине и поправляла макияж. Ксюша быстро забралась на заднее сидение, рядом с Викторией.

Духота в салоне, на секунду смешала мысли девушки, но стоило машине двинуться, как легкий ветерок, развеял спертый воздух.

Ксения обратила внимательный взгляд на подругу.

— Что у вас с ним произошло?

Вика молчала.

— Может, ты все-таки расскажешь?

— Сейчас это не важно. Я думаю только об Олеге.

Ксюша поняла, что ей ничего не добиться от Виктории сейчас. И ей стало немного обидно, ведь той была известна история Наумов — Тульская от начала до конца...

Через двадцать минут таксист притормозил не далеко от названного девушками сквера. Расплатившись, пассажирки, выбрались под палящее солнце, и впервые осознали, какая жара стоит на улице.

— Господи, ну и пекло, — выдохнула Вика, откидывая волосы с лица.

— Во сколько вы договорились встретиться?

Вика взглянула на часы.

— Сейчас. И я даже уже опоздала на пять минут. Здесь где-то есть качели?

— Да, вон там, прямо. А я жду тебя вон в том кафе, хорошо?

Вика кивнула и двинулась к месту, где ее должен был ожидать Олег.

Ксения направилась к кафе, и к своему удивлению обнаружила, что все места там заняты.

В некотором недоумении (это кафе всегда пустовало, и именно поэтому нравилось Ксении), девушка устроилась на лавочке, не далеко от кафе, купила маленькую брошюрку, и, листая ее, принялась ждать, когда же в кафе освободиться место. То и дело кидая взгляды на маленькую беседку, что стояла в тени елей, и казалась невероятно прохладной.

Время тянулось невыносимо медленно. Под палящим солнцем, Ксюше стало не по себе, как вдруг прямо около нее затормозила черная «Мазда». Ксюша сразу узнала машину и недоуменно взглянула на водителя, который как раз выбирался из-за руля.

— Что ты тут делаешь?

Кирилл сделал два шага на встречу к Ксении, и замер, опираясь бедром на машину.

— Я еду к вашим родителям на юбилей. Забыла? — нежно добавил он.

— А каким чудом ты оказался тут? В парке?

— Заехал спросить дорогу у кого —нибудь.

— Вот и езжай.

— Это грубо.

— Я знаю.

Оба замолчали. Ксения вновь взглянула в брошюрку, понимая, что ни одно, из сказанных ею слов не являются правдой.

Кирилл сел рядом с девушкой на лавочку.

— Одно твое слово, и я оставлю Наташу, — тихо произнес он, — мне только нужно знать...

— Это подло, Кирилл. Ты заставляешь меня решать, рушить или нет жизнь сестры. Я и так не могу ей в глаза смотреть, после всего... ради Бога, оставь меня в покое!

— Ксюша...

Девушка резко поднялась.

— Наш разговор окончен, Кирилл Семенович.

Кирилл хотел, было коснуться ее руки, но девушка ее отдернула.

— Уходите.

— Эй, тебе что, не ясно?! Она, кажется, попросила тебя отстать!

Ксюша и Кирилл недоуменно оглянулись. К ним спешил Макс, бросив мотоцикл на противоположной стороне дороги.

Небо над парком медленно темнело. Солнце спряталось, оставив густую духоту.

— У тебя что, проблемы?! Ты по — русски не понимаешь?! — не унимался Макс, злобно нависнув над Наумовым.

— Все в порядке, Макс! — испуганно заступилась Ксюша, — Что ты тут делаешь?!

— Обкатываю свой мотоцикл. Так ты его знаешь? — Семенов снова злобно воззрился на художника.

Почему-то тот ему сразу не понравился.

— Да, это Наташин жених, Кирилл Наумов.

— Ясно. Тот самый, что тебя рисовал? — мужчины не сводили проницательных взглядов друг с друга.

— Да, я действительно рисовал Ксюшу, — произнес Наумов.

— А почему он пристаёт к тебе? — продолжая игнорировать художника, спросила Максим у Ксюши.

— Он не пристаёт, ты все не правильно понял.

Максим взглянул на сестру, неожиданно осознав, что она зачем-то врет.

— Кирилл Семенович просто заблудился, и увидел знакомое лицо. Вы, наверное, решили, что я укажу вам дорогу, верно?

— Именно так, — кивнул Наумов, скрестив руки на груди.

— Так в чем проблема? — не унимался Максим, желая знать, все в мельчайших подробностях.

— Проблема в том, — начала Ксюша, на ходу импровизируя, — что Вика отправилась на свидание, и я обещала ее дожидаться, что бы мы вместе поехали домой. Я так и сказала: «Я не могу оставить ее одну. Наш разговор окончен, Кирилл Семенович!»

Макс недоверчиво взирал на сестру. Неужели она держит его за такого дурака?

— Что ж, — выдохнул он, — езжайте. А я дождусь твою драгоценную Викторину, и доставлю ее домой.

Ксюша кинула на брата косой, недоверчивый взгляд. Тот засмеялся.

— Не беспокойся, все будет хорошо.

— Вериться с трудом...

— Брось. Такую девушку, как Вика, лопатой не убьешь!

— Прекрати! Я не могу так, я должна....

— Ты хочешь, что бы я вернулся домой? Обрати, в эту обстановку?! — шутливо

осведомился он, — Ну, спасибо, сестрица!

— А меня, значит не жалко?! — возмутилась Ксения, медленно понимая, что в битве с братом всегда проигрывала.

Кирилл молча наблюдающий за перепалкой, наконец, догадался, что этот мужчина, вероятно его сверстник, брат Натальи и Ксении.

Ксюша и Макс смолкли, глядя друг на друга.

— Ладно, — нехотя сдалась Ксюша, — Если Вика вернется злой, я тебя убью.

— Ей понравится, поверь мне! — засмеялся Макс, и проводил Ксению взглядом.

Кирилл услужливо открыл ей дверь своей авто. Девушка грациозно погрузилась в машину.

Взгляды мужчин скрестились. И неприкрытая неприязнь скользнула между ними. Максим ощущал нечто, проскальзывающее между его сестрой и этим неприятным типом. Но что их может связывать?

Поднялся ветер и закрутил редкий мусор на прогулочных аллеях. Кроны деревьев тяжело зашелестели.

Максим быстро перешел дорогу, и перекатил мотоцикл к лавочке, где несколько минут назад сидела Ксюша. Он понимал, что свидания, дело продолжительное, поэтому приготовился ждать долго. Он купил в ларьке газировку, не желая пить что-то более крепкое. Он реально надеялся сегодня разобраться с журналисткой, и либо сломать оборону, либо... нет, второго не дано. Она именно такая женщина, которая ему нужна.

После газировки были съеден большой пакет чипсов, и небольшой — сушеных бананов. Да, во время каникул между матчами Семенов предпочитал, есть всякую дрянь. Когда он принялся за пятую сигарету, показалась Виктория. Она медленно шла по аллее на встречу Максиму, в своих обтягивающих джинсах, и белой кофточке в оборках на манер школьниц. Ветер трепал ее рыжие кудри, и в отблесках наступающей грозы она казалась нереальной...

При виде Максима Вика заметно напряглась. Она беспомощно огляделась по сторонам, и, не обнаружив, Ксении, взглянула на Максима. Ее взгляд больше не был столь уверенным, как прежде. Так же пропал этот победный блеск в ее глазах, который явно был виден, едва она появилась в начале аллеи.

Максим неторопливо гонял сигаретку из одного уголка рта в другой, пока Виктория приближалась. Сигарета перекочевала ровно три раза.

— Где Ксюша? — спокойно осведомилась Вика, стараясь выглядеть довольной.

— Как прошло свидание? — не удержался Макс.

— Ты в своем репертуаре, — хмыкнула девушка, и окинула быстрым взглядом мотоцикл Семенова, и склад упаковок на лавочке от съеденных им полуфабрикатов, — Вижу, Ксюша уехала давно, и оставила тебя вместо себя. Ты придумал?

Макс повел плечами.

— Я просто катался на своем мотоцикле. Вижу, стоит Ксюха, а к ней какой-то мужик пристаёт. Я, естественно, подошел. Оказалось, это был Наумов, который вроде как, заблудился. Вот Ксюха и поехала с ним, дорогу показать... только что-то мне не верить, что он подошел к ней, исключительно из-за маршрута. Ты случайно не в курсе, что там у них?

Вика внимательно следила за его обаятельным лицом, и медленно понимала, что вся эта история очень похожа на правду.

— У них нет абсолютно ничего. Он преподает основной предмет на ее факультете,

только и всего.

Максим промолчал. Неужели у него вид такого идиота?

Небо полыхнуло разрядом молнии, несколько секунд спустя, прогремел гром.

— Сейчас будет дождь, — сказал он.

— И мы будем стоять, и ждать, пока он начнется?

Едва Вика это произнесла, хлынул дождь. Он начался резко, и с такой неведомой силой, что все прогуливающиеся в парке в миг промокли с головы до ног. Не миновала эта участь и Вики с Максом.

Девушка, взвизгнув, кинулась к маленькой беседке, той самой, которую облюбовывала Ксюша.

Пока Вика добралась до неё, промокла насквозь, с волос вода текла сплошным потоком. Девушка отложила сумочку, и, скрутив волосы жгутом, выжала из них воду. В этот момент в беседку вошел Макс, вместе со своим мотоциклом. Его одежда тоже промокла. Джинсы потемнели, майка прилипла к телу, на черных, семеновских ресницах повисли прозрачные капельки.

Вика подняла замороженный взгляд, и остатки ее гордости и злости на Макса угрожающе затрещали по швам. Он был чертовски хорош собой, умен, уверен в себе, знаменит, богат, и плюс ко всему этому сказал сегодня утром заветное: «Мне нужна ты». Если бы он сейчас пошел в наступление, он бы наверняка, победил.

Но мужчина стоял рядом, их разделял мотоцикл, и смотрел на серые потоки воды, что лились с неба, стучали по деревянной крыше беседки, и казалось, наигрывали страстный ритм, живую музыку. Голос природы завораживал, аромат дождя кружил голову, промокшая одежда превращала их в простых, почти голых людей, против неожиданной стихии.

— Обожаю дождь, — выдохнула Вика, не сводя глаз с луж, что пузырились прямо у порога беседки.

— Я тоже, — отозвался Макс, — хотя иногда он бывает очень не кстати.

Вика посмотрела на Максима.

Тот улыбнулся ей, и, поставив мотоцикл на ножку, сел узкую на лавочку, что кольцевала беседку.

— Но, не сегодня, конечно.

Вика посмотрела на него взглядом, словно говоря: «Только не надо!».

Максим достал сигареты, которые не промокли в кармане куртки, что была привязана к багажнику мотоцикла на «всякий случай», под двумя яркими шлемами, и закурил.

— Сигарету? — предложил он.

— Я не курю, — отозвалась Вика, и тоже села на лавочку, в метре от Макса.

— Господи, да ты просто женщина моей мечты, — шутливо сказал он.

Вика хотела было возмущаться, но, заметив его улыбку, поняла, что это вовсе не издевка, и засмеялась в ответ.

— Да, ты не переживай, — вдруг начал он, выпустив клуб сизого сигаретного дыма изо рта, — я к занятым девушкам не пристаю. Раз ты любишь своего парня, значит,... кстати, кто он?

— Он студент. Учится на четвертом курсе нашего с Ксюхой ВУЗа.

— На кого?

— «Банковское дело».

— Хм, значит будущий банкир?

— Его отец банкир. Так что, вполне возможно...

— Чудная вырисовывается картина, — усмехнулся Макс, — вы поженитесь, ты забеременеешь, бросишь работу, забросишь карьеру. Он купит тебе роскошный дом на «Рублевке», и будет бегать по любовницам, а ты будешь посещать спортзалы и салоны красоты, а потом, вспомнив о том, что ты дипломированная журналистка, напишешь книгу о своей не легкой судьбе, и о неверном выборе...

— Ты намекаешь на то, что ты верный выбор? — усмехнулась Вика, почти беззлобно, — Помнится, твою модель ожидал подобная участь, да? Я много читаю, журналы, Интернет. Ты требовал от неё детей, а она выбрала карьеру. Почему ты теперь говоришь, что с тобой меня ждет нечто иное? Очень я в этом сомневаюсь...

— Этот разговор всего лишь предположения. Он пустой. Но я готов проверить его на практике. А ты?

Их глаза встретились. Она говорила «Да!», но думала: «Нет! И нет!». Никогда прежде Вика не замечала в себе подобной неоднозначности.

Виктория поднялась и подошла к краю беседки.

— Пока в мои планы не входят серьезные отношения, — соврала она. Когда она решила выйти замуж за Олега? Год? Два назад?

— В мои тоже не входило, до встречи с тобой, — тоже соврал он, ведь все знали, что Макс намерен жениться на Лиане.

Вика обернулась. Семенов уже стоял рядом. И заглянул в ее лицо.

— Ты врешь, — сказала она.

— Ты тоже, — отозвался он, и коснулся пальцами ее подбородка.

Виктория сама подалась навстречу его поцелую. И, наконец, их губы встретились. Их мокрые тела соприкоснулись, и сквозь одежду Макс ощутил теплоту ее тела. Он требовательно целовал ее, желая получить больше, чем она может дать. Максим понял, что не желает делить ее с кем-то еще, Виктория должна принадлежать только ему, целиком и полностью. Он погрузил руки в ее мокрые волосы, ощущая аромат ее духов, смоченный дождем, и сердце его судорожно заколотилось, когда ее руки несмело скользнули по его телу, ощупывая каждую мышцу на спине и груди.

Вика забыла обо всем. Был только дождь и он рядом, его губы, его руки. Больше не было Виктории Воробьевой, она полностью растворилась в этой паре соблазнительей. Она не ощущал своего тела, словно парила над землей и видела себя со стороны, наслаждаясь неведомыми до сих пор чувствами. С Олегом такого не было. А он ее тоже поцеловал сегодня. Тепло, приятно, но не более того, а ведь Вике казалось, что она его любит.

Максим обнял ее, и оторвался на секунду от ее губ. Вика взглянула в его глаза, продолжая прижиматься к нему, не убирая рук с его шеи, не отпуская темных прядей его волос, что теребила в руках. Семенова ощущал ее дыхание на своих губах, видел едва прикрытую страсть в ее глазах, и снова, словно мальчишка, принялся целовать ее, ныряя с головой в неожиданные и приятные чувства, чистые и нежные, и ему не хотелось, что бы этот поцелуй заканчивался, и не хотелось, что бы прекращался этот дождь.

Вика задрожала, то ли от сырой одежды, то ли от внезапно вспыхнувшего желания. И поняла, что все надо немедленно прекратить. Просто немедленно... но сил на это не было.

А Максим... Макс не мог поверить, не мог узнать себя. Он тридцатилетний мужчина, знаменитый спортсмен, и не менее знаменитый ловелас, стоит в какой-то беседке, и просто целуется с девушкой на десять лет его моложе и что самое невероятное, он не хочет

торопиться, не хочет окончить все прямо здесь, в этой сырой беседке. А ведь как просто было бы подтолкнуть ее к той лавочке, и заставить позабыть обо всех принципах, и моральях, и подарить ей такое наслаждение, которое она будет помнить всегда. Отдаться без оглядки, бесстыдно, на виду у этого дождя и прозрачных пузырьков на лужах. Он мог это сделать, но не хотел. Он держал Вику в объятиях, как некое сокровище, готовый держать ее так всю жизнь. Он почувствовал ее дрожь, и медленно отстранился. Она недоуменно закачалась, на секунду потеряв равновесие.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, и подал Вике куртку, ту самую, «на всякий случай».

Девушка приняла куртку, глядя на Макса расширенными, непонимающими глазами. Она хотела его. Сейчас и немедленно! Но Семенов достал сигареты, и, закурив одну, стал на край беседки.

Вика закуталась в его куртку, почувствовав едва уловимый аромат его одеколona, и подошла к Максиму сзади, в надежде его обнять. Но сквозь мокрую майку ее внимание привлекла темная полоска на его спине.

— Макс?

Семенов оглянулся, заметив ее неожиданное недоумение.

— Откуда у тебя эти шрамы?

Максим посмотрел на Вику и тут же вспомнил свой недавний сон.

— Я получил ранение, когда служил.

— А где ты служил?

— В Чечне.

Виктория пораженно смотрела на Максима.

— Но ты ведь спортсмен.

— Одно другому не мешает.

— Ну, как же...

— Давай не будем об этом? С этим промежутком в моей жизни связаны не самые добрые воспоминания...

Вика вспомнила весь тот ужас из новостей. Отрезанные головы, пленники, мертвые семьи, самосуд, разрушенные города, и цинковые гробы...

— А поехали кататься? — вдруг предложил он.

— Но ведь сейчас дождь.

— Ну и что? У меня есть шлемы. Поехали, я покажу тебе наш город, каков он есть.

Он снял шлемы с багажника, и подал один Вике.

— Ты ездила раньше на мотоцикле? — застегивая пряжку под подбородком, спросил Макс.

— Да, правда, очень давно.

— Ну, вот и прекрасно. Сейчас прокатимся на славу.

27.

Черная «Мазда» довольно медленно катилась по мокрому асфальту. Когда хлынул дождь, Ксюша и Кирилл не проехали даже половину пути.

— Ты специально едешь так медленно? — наконец, Ксюша нарушила тишину.

— Возможно, — спокойно отозвался Кирилл.

— Ты от меня ничего не добьешься, — твердо заявила девушка.

Наумов взглянул на нее, и резко ударил по тормозам.

— Что ты творишь?!

Кирилл выбрался из автомобиля, обошел его, и довольно грубо вытащил Ксюшу с пассажирского сидения. Семенова — Тульская впервые видела его таким злым! Наумов встряхнул ее, довольно сильно, и, заметив испуг на ее лице, сам испугался, и крепко сжал ее в объятиях, вдруг решив, что мог сделать ей больно, испугать, и она тогда больше никогда не захочет видеть его снова...

— Я люблю тебя, Тульская. Почему ты не хочешь этого понять?

Ксюша, взглянула в его лицо.

— Я вижу это, — тихо сказала она, — только нам нельзя быть вместе.

— Почему?

— Даже если ты сначала оставишь Наташу, а потом придешь ко мне, моя семья нас не простит. Я люблю свою семью, и не хочу портить отношения с сестрами, братом, и родителями.

Кирилл медленно разжал объятия и отошел от Ксении.

— Другими словами ты выбираешь их?

Девушка подняла на Наумова решительный взгляд.

— Ты ставишь ультиматум? — холодно спросила она.

— Я просто хочу понять, как мне жить дальше. Ты ворвалась в мою жизнь, перевернула ее с ног на голову, а теперь, вот так просто, все бросаешь? Это, по-твоему, не подло?

Ксюша опустила глаза, понимая, что он прав. Он невероятно прав.

Кирилл шагнул к ней, и снова обхватил за плечи.

— Посмотри на меня. Посмотри на меня! Ты твердишь, что я подлец, обманываю твою сестру, но ведь ты не лучше! Ты готова обманывать их до конца. Ты боишься правды и скандалов!

Ксюша судорожно вырвалась. Но Наумов ее крепко держал. Слезы бессилия и обиды хлынули из ее глаз. Он прав! Он, как всегда, прав!!!

— Да! Я просто ужасная сестра! Да, я переспала с женихом сестры! — Ксюша билась в истерике, Кирилл разжал руки, и девушка сама никуда не уходила, лишь рыдала в голос, дрожала и бурно жестикулировала, — Я знала, что у тебя есть невеста, и все равно пошла на это! Просто я влюбилась как дура, в тебя, с первого взгляда! Тогда, когда свернула тебе нос, той проклятой дверью! Да, я тоже подлая, но я не хочу, что бы об этом узнали мои самые близкие люди, понимаешь?! Понимаешь??

Кирилл крепко сжал ее в объятиях. Он подрагивала, и слезы текли градом, их смывал ливень. Оба вымокли, и стояли, обнявшись под нескончаемым потоком воды.

Когда она затихла, Кирилл осторожно подвел ее к машине, и посадил на пассажирское сидение, сам вернулся за руль.

Теплота в сухом салоне отрезвила обоих. Ксюша лишь слабо шмыгала носом, слипшиеся волосы свисали на лицо, и скрывали ее от Наумова.

— А давай уедем? — вдруг сказал он.

Девушка подняла на него непонимающий взгляд.

— Хэнэ. Он пригласил тебя в Берлин, так?

— Да, и?

— Сделаем так. После юбилея я разорву помолвку с Натальей. Ты, как раз к тому времени, уже отправишься в Берлин. Я вернусь на кафедру, и добьюсь перевода в твой ВУЗ в

Германии. Там мы встретимся как — бы случайно. И там мы будем вместе. Никто, никогда не догадается, что мы были вместе до Берлина. Твоя семья, конечно, удивиться, но сомневаюсь, что они решат, что ты отбила жениха у Натальи. Я прав?

Ксюше показалось, что, словно какая-то сила, вдохнула в ее легкие воздух и вернула к жизни ее брэнное тело. Глаза загорелись, и захотелось жить дальше...

— Только, детка, не говори ничего Вике, хорошо? Я хочу, что бы ничто нам не помешало, ты меня понимаешь?

Тульская кивнула. Она готова была на Библии поклясться, что будет молчать, и хранить их тайну до конца.

Кирилл отодвинул мокрые волосы с ее лица, и легко коснулся ее губ своими. Ксюша прильнула к нему всем телом, и поцеловала его так, словно в последний раз. Наумов стянул с нее мокрый сарафан, Ксюша влажными руками расстегнула его рубашку, и скинула всего одежды, обнажив плечи. В этом соитии не было нежности их первого раза, не было неожиданной страсти. Они воспользовались друг другом, как необходимым лекарством.

Когда желание было утолено, и они дрожащие и разгоряченные лежали в объятиях друг друга, на заднем сидении его «Мазды», Ксюша снова заплакала. Но на этот раз от счастья быть рядом с любимым. Обнимать его и целовать, в те редкие минуты, когда это «можно».

— В любую минуту по этой дороге будет возвращаться Макс и Вика, — прошептала она, целуя его плечо, — нам надо уезжать.

— Да, надо, — отозвался он, но сам не сдвинулся с места, рисуя круги на ее животе.

Ксюша засмеялась, и потянулась за своим сарафаном. Потом нашла сиреневое, под цвет платья, белье. Кирилл тоже принялся одеваться. А дождь все не стихал.

Оба тщательно оправились, изучили друг друга. Ксюша причесалась, и освежила макияж. Кирилл тщательно обрызгался одеколоном, и стер все возможные намеки на помаду.

— Что если Вика и Макс уже приехали? — спросила Ксюша, когда автомобиль Наумова плавно заехал во двор Семеновых.

— Скажем, что ехали в объезд, здесь наверняка есть объездная дорога.

Ксюша послушно кивнула, и быстро выбралась из машины.

28.

Максим и Вика неслись на полной скорости по мокрой, серпантинной дороге, что убегала все выше и выше в зеленые горы пригорода. Дождь стал тише, и уже не казался таким болезненным. Но холодные капли по-прежнему бились о шлем, о спину, и руки. Но Виктории казалось, что ничего прекраснее, она в своей жизни не делала.

Когда Макс резко свернул с дороги в лес, Вика прижалась к нему посильнее. Теперь ветки всех кустарников и деревьев считали необходимым зацепить девушку.

Он остановился у самого края обрыва. Когда Виктория сняла шлем, она неожиданно поняла, что дождь прошел так же внезапно, как и начался. Небо по-прежнему оставалось тяжелым и свинцовым. Но с этого обрыва открывался такой невероятный вид!

Весь поселок, как на ладони, вместе с парком и беседкой, с особняком Семеновых и таинственной хижинкой в глуши леса, все было здесь. А на горизонте — зеленые холмы, слегка затянутые кремовой дымкой, словно взбитыми сливками.

— Какая красота! — выдохнула Вика, и инстинктивно сжала руку Макса, — Было бы классно сфотографировать это...

— Запомни этот вид на всю жизнь, раз нет фотоаппарата. Будешь потом рассказывать

внукам, как моталась с дедом на мотоцикле по мокрым трассам, и любовалась холмами.

Вика посмотрела на Максима, и нахмурилась.

— Ты ведешь себя так, словно все уже решил.

— Так и есть. Я расписал это в своих планах, и обсудил с агентом.

— Мне не смешно.

— А я и не шучу.

— Еще сегодня утром я видеть тебя не желала, и считала злейшим врагом, сейчас нет еще и трех дня, как ты едва ли мне не руку и сердце предлагаешь. Нет, так не пойдет.

Максим привлек ее к себе.

— Ну не дуйся, моя принцесса. Просто я хочу, что бы ты знала, все серьезно.

— Это меня и пугает, — Вика высвободилась из его объятий, — ты слишком торопишь события...

— Я просто не хочу тебя терять, только и всего.

— Я все понимаю...

Неожиданно зазвонил Викин сотовый. Девушка быстро подняла трубку.

— Алло? Олег! Да, конечно.

Она смеялась и хихикала в разных тональностях на глазах у Макса, который едва не пускал пар из ноздрей от злости. Он тут, как дурак, предлагает ей совместное будущее, а она? Что это за тон? Она, что, кокетничает с ним?

Наконец, этот ужасный разговор окончился. Они снова договорились встретиться. Максим курил, и молча взирал на неё.

— Что? — Вика изобразила святую невинность, — Я ведь должна ему сказать, что нашла мужчину, с которым буду рожать детей и воспитывать внуков?

Она произнесла это с некой издевкой, это точно!

— Ты не могла сказать это по телефону? Я не могу позволить тебе идти на свидание с этим... сопляком!

Вика начала злиться, ее порядком утомили его выпады. Он слишком много на себя берет! Он проклятый собственник и ревнивец!

Все эти выводы Воробьева сделала молниеносно.

— Если ты решил, что я растаю от одного твоего поцелуя и распрекрасных пейзажей, то ты жестоко ошибся. Мне надо выбрать, что лучше для меня.

Семенов молча смотрел на неё.

— Ты понимаешь меня? Я не могу кинуться в омут с головой, как это, судя по всему, делаешь ты. Мне надо все взвесить, проверить...

— Гороскопы на совместимость, что ли?

— Что?!

— Ты ведешь себя, как школьница, которую разводят, но ты ведь не...

— Ни слова! Иначе я тебя снова возненавижу!

Максим засмеялся, выкинул сигарету с обрыва, и притянул Вику к себе за талию, та яростно вырвалась.

— В чем дело? — удивился Макс.

— Проси прощения, за свое поведение.

— Тебе не кажется, что ты слишком много на себя берешь?

— Не поняла?

— Ты пока не моя девушка, что бы я просил у тебя прощения.

— А ты пока не мой муж, что бы требовать детей. Разницу уяснил? И встречаться я буду с тем, с кем захочу. Я буду выбирать, понял? Ты, я смотрю, свой выбор уже сделал.

Подобный расклад совсем не устраивал Максима. Он скрестил руки на груди, и высокомерно заявил.

— Или ты со мной, или с остальными. Делить тебя я ни с кем не намерен.

— А ты не хочешь сначала попытаться завоевать меня? Ну, что бы мне самой никого не хотелось, кроме тебя?

— Мне показалось, что ты уже на все согласна.

— Ну, ты и сволочь!

— Я просто констатирую факт.

— Пошел ты! — и, произнеся вечную фразу, Вика двинулась прочь с обрыва.

— Ты куда?

— Иду домой. С тобой я не поеду. Ты самовлюбленный козел.

Максим сморщился, но отвечать оскорблением не стал. К чему? Нервные клетки, как известно, не восстанавливаются. Семенов подхватил мотоцикл, и покатил его вслед девушки.

— У тебя босоножки на каблуках. Ты быстро устанешь.

— Плевать, лишь бы не с тобой.

— Прекрати дуться.

— Извинись!

— Но я ведь тебя не обижал.

— А что ты там говорил про школьниц? И, тебе показалось, что я с тобой на все согласна?

— А разве нет?

Вика подняла земляной ком и швырнула его в Макса. Грязь с отвратительным чавканьем растеклась по его майки.

— Это, между прочим, фирменная вещь, — спокойно сказал он.

— А метила не в вещь, а в тебя.

— Очень умно, — хмыкнул он, оставив мотоцикл у дерева.

Вика настороженно следила за ним. Макс медленно склонился к земл, и взял себе густую жменю.

— Что ты делаешь? — испугалась девушка.

— А как ты думаешь? — с этими словами он запустил в неё первый ком грязи.

Вика завопила от злости.

— Я за эту кофту двести долларов отдала, ты доморощенный спортсмен!!! — выкрикнула она, и пустила ответный грязевой «снежок».

Грязь попала ему в плечу, Максим разозлился, и довольно быстро схватил ее руки, прежде, чем Вика вооружилась очередным комом с грязью. И неожиданно Макс понял, и вошел во вкус. Конечно, она будет брыкаться, такие женщины, как Вика, трудно поддаются дрессировке. Семенов крепко сжал ее маленькое тело, не позволяя ее шелохнуться, и мстительно усмехнулся.

— Ну, что, Воробьева, ты готова со мной на все?

— Пошел ты!

Едва она договорила, Макс принялся ее целовать, с новой силой, ощупывая ее тела в самых чувствительных точках. Сначала Вика сопротивлялась, отбивалась. Но чем

настойчивее были его ласки, тем слабее была ее оборона.

Вика открыла глаза, вынырнув из океана блаженства, и встретила самодовольный взгляд Макса под кронами деревьев.

— Отвези меня домой. Я в грязи, и замерзла.

Максим кивнул, стараясь скрыть довольную улыбку. Она все равно сопротивляется. Надо же! А ведь до секса оставался всего шаг, который он снова не решился преступить. Как — то не впечатляла его перспектива барахтаться в холодной грязи.

Двое чумазых уселись на мотоцикл, и двинулись вниз по склону, к поселку, а потом и к дому Семеновых.

29.

Лена сидела в кресле у окна, и смотрела на дождь. Гриша молча смотрел телевизор, и ей казалось, что между ними выросла огромная, не пробиваемая стена.

— Я не держу тебя, — вдруг произнесла она, — иди к ней. Она твоя жена, не я.

Григорий оторвался от голубого экрана, и устремил на Лену внимательный взгляд.

— О чем ты?

Елена резко поднялась из кресла.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Либо ты сейчас же уйдешь, либо останешься со мной навсегда!

— Ты ставишь вопрос ребром, милая. Это рискованно.

— Я просто хочу все решить здесь и сейчас. Если ты наслаждаешься мыслью жить со своей женой, и выводком детей — то вперед, я тебя не держу!

Рязанов подошел к Лене и заглянул в ее лицо, она явно хотела заплакать, но слез не было.

— Что ты такое говоришь?

— Да, я люблю тебя, — уже спокойнее произнесла она, — но я не хочу делить тебя еще с кем-то, тем более с Рязановой. Я боюсь, что изменив раз своей жене, ты сможешь изменять и мне...

Гриша тяжело задумался. Она была права. Ничто не сдержит его, если он действительно захочет.

Рязанов обнял актрису.

— Я тебя люблю, — сказал он, — а Настя... Настя, это просто привычка.

Лена предпочла ему поверить.

Дождь за стих.

Маша разложила бумаги в кабинете отца, и внимательно принялась их изучать, игнорируя присутствие Скворцова. Но и он, казалось, ее не замечал. В кабинете стояла тишина и сумрак, дождь за окном, и серые нависшие тучи, этому поспособствовали.

В дверь постучали. Маша и Сергей оторвались от бумаг, и взглянули на гостя.

На пороге стояла Ольга Петровна, уже в другом наряде, и с подносом, где стояли три чашки кофе.

— Я решила, что вам пора сделать перерыв и выпить кофе, — сказала она, и вошла.

— Вы просто читаете мои мысли, Ольга Петровна! — улыбнулся ей обаятельно

Скворцов, от чего Семенова старшая порозовела от удовольствия.

— Спасибо, мама.

Все трое расположились в креслах, и смолкли, окутанные ароматом кофе, и звуком дождя.

— Как продвигается работа? — нарушила Ольга тишину.

— Продвигается, — отозвалась Маша, не желая вдаваться в подробности.

— Мария желает рекламировать спорттовары при помощи женщин, а я при помощи мужчин. На этом мы и не сошлись.

— Я еще раз повторяю, — сдержанно начала Маша, — женщины — основной потребитель мелких товаров. Так что ставку нужно делать на них, и еще на их детей. Задача мужчины — поставлять деньги.

— Я с этим категорически не согласен. В любом случае, меня подобный расклад не устраивает!

— Кто бы сомневался. За эту работу ты готов глотку перегрызть!

— Это называется «хватка». Я хочу это место, я его получу.

— Это мы еще посмотрим!

— Кофе остывает.

Маша и Сергей кинули яростные взгляды на Ольгу, что вторглась в их яростную перепалку.

— Вы должны прийти к компромиссу. Я, конечно, помню, что в спорах рождается истина. Но так вы ничего не добьетесь, — Ольга сдержанно улыбнулась обоим, — попробуйте ориентировать свою рекламу на всю семью. Мужа, жену и детей. В любом случае, спорт нужен всем, как и спорттовары.

Мария на секунду задумалась, выругав себя за недогадливость. Ведь решение довольно простое, и вместе с тем — гениальное. Примерно такое же недоумение светилось на лице Скворцова. Он поумерил свои амбиции, и задумался.

— Так, мне пора, — Ольга грациозно поднялась из кресла, — меня ждет твой папочка!

И цветущая мать семейства скрылась в дверном проеме. Снова воцарилась тишина, которую нарушал только дождь.

Маша и Сергей посмотрели друг на друга.

— Кажется, твоя мама права.

Семенова лишь кивнула, и снова потянулась за бумагами.

Она сидела в кресле, перекинув одну стройную ногу на другую, не ощущая своей чувственной привлекательности. А Скворцов был просто атакован. Он ощупывал глазами каждый изгиб ее тела, изучал лицо, тонкие пальцы.

Маша злобно вскинулась.

— Может, ты начнешь работать? — холодно спросила она.

Конечно, Семенова ощутила этот голодный, раздевающий взгляд, но в данный момент её это мало интересовало. Больше, казалось важным, почему дизайнеры считают красную кайму на кроссовках лучше, чем синяя?

Сергей устремил свой уверенный взгляд на Марию, и снова, демонстративно принялся разглядывать ее. Семенова вспыхнула от накатившей ярости, но виду не подала, лишь отложила бумаги сторону, и не менее изучающее, оглядела его. Скворцов криво усмехнулся.

— Ты закончил? — вскинув бровь, спросила она.

— А ты ничего.

— Теперь мы можем работать?

Скворцов усмехнулся. Маша демонстративно пропустила мимо ушей его сомнительный комплимент, и двинулась к отцову столу, за графиком продаж, отвернувшись спиной к напарнику.

Когда мужская рука легла на ее ягодицы, Семенова недоуменно обернулась, все еще сжимая график продаж, и столкнулась с улыбчивой физиономией Скворцова. Шум дождя нарушила увесистая пощечина.

— Еще раз ты посмеешь сделать нечто подобное, я сгною тебя в тюрьме, за домогательства, ты меня понял? — спокойно произнесла она.

Скворцов снова усмехнулся.

— Чего — то подобного я ожидал. Но я не боюсь.

А Маша испугалась. Не хватало еще стать зависимой от этого мужчины! Он ее конкурент, и враг. Он должен зависеть от неё, а не наоборот.

— Своими грязными выходками ты вряд ли чего-то добьешься, поверь.

— А ты что, романтик у нас? Нужны цветы, конфеты, все дела, так что ли?

Он сказал это так, что Маше стало просто противно, что они заговорили на эту тему.

— В любом случае, тебе это не по силам. Ты скорее изнасилуешь, чем сыграешь по-честному. У тебя на лбу написано, что ты за тип.

— Ты зря такого мнения обо мне. Я все могу.

— Сомневаюсь.

— Это вызов?

Маша повела бровью. Желание, животное стремление обладать ею может сыграть только на руку самой Семеновой. Он ведь может стать совсем ручным. Сейчас она одним своим словом даст ему, так называемый «зеленый свет», и можно сказать, работа Голицына у неё в кармане! Мужчины ведь так слабы в любви.

— Ты его принимаешь? — спросила она.

Скворцов усмехнулся.

— Ты еще не знаешь всей силы моего обаяния, — предупредил он.

Маша молча улыбнулась.

Посмотрим, кто кого.

Даша сидела на кремовом диване в гостиной, и листала журнал. В ее ногах лежал Барс, и делал вид, что спит. Но когда девушка переворачивала страницу, животное приоткрывало один глаз, и водило ухом, прислушиваясь.

На лестнице послышались шаги.

Даша обратила бледное лицо к пришедшим. Лена и Гриша спускались вниз, держась за руки, оба были в халатах, и еще мокрые.

— Вы душ принимали, или на улицу выходили? — улыбнулась Дарья парочке.

Лена и Рязанов переглянулись.

— Душ принимали, — сообщил тот, и сел напротив Даши, в кресло.

— Я сделаю чаю, — вдруг сообщила Лена, — ты хочешь?

Дарья настороженно посмотрела на сестру.

— А ты меня не отравишь? Знаешь, чем сахар отличается от цианистого калия?

— Иди ты!

Даша и Рязанов засмеялись, Лена, казалось тоже, хихикнула.

Неожиданно Барс поднялся и загавкал. Через секунду в дверь позвонили.

Даша недоуменно переглянулась с Рязановым.

— Странно, у Ксюши и Макса есть ключи, — сказала девушка, поднимаясь.

— Может это Наташкин жених?! — послышалось из кухни.

Даша пожала плечами, и трепанув Барса по холке, в надежде успокоить его лай, двинулась к двери.

Семенова отперла замок, и распахнула белую резную дверь, и недоуменно уставилась на смутно знакомого молодого человека, что стоял в дверях.

Он тоже, казалось, ее узнал, но никак не мог вспомнить, где видел.

— Извините, вам кого? — вежливо спросила она.

— Так значит, ты из Семеновых! — сказал парень, и тут же, из неоткуда появился фотоаппарат и запечатлел ее недоуменное лицо, и мокрого Рязанова на заднем плане, который несся к журналисту.

Гриша его сразу узнал. Он всегда запоминал тех, кому бил морду. Рязанов не очень вежливо оттолкнул Дашу в сторону, и замахнулся. Журналист увернулся, и на крыльце завязалась драка.

И только тогда Семенова вспомнила парня с цифровым фотоаппаратом, которого сбила совсем недавно. Именно его тогда ударил Рязанов, поэтому под глазом у журналиста еще цветет синяк.

На злобные крики мужчин выскочила Лена, с чаем в руках, и взвизгнув, опрокинула кипяток на дерущихся.

Те, тут же пришли в себя, оставили друг друга в покое, и взвыли от боли.

— Ой, Гришенька, Гриша, прости! — принялась Лена утешать Рязанова, обнимать и целовать.

Валяющийся на полу журналист Андрей потянулся к своему фотоаппарату. Но Дашу, едва заметно столкнула причину всех бед с лестницы. Многострадальный аппарат покатился вниз, издавая жалобные трески. Видимо новому фотоаппарату журналиста пришел конец.

Парень посмотрел на Дашу своими светлыми глазами, и той стало его жалко. Она осторожно склонилась к нему, и попыталась поднять. Нос его кровоточил, медленно, под вторым глазом тоже проявилось воспаление. Даша подняла журналиста на ноги, и завела в дом.

Лена и Рязанов уже были внутри. Режиссер тоже оказался приукрашенным. Разбиты обе губы, кровоточил нос, вздулась скула.

Актриса принесла лед, и подала половину Дашке, которая усаживала журналиста в кресло напротив Рязанова.

Мужчины испепеляли друг друга гневными взглядами, пока женщины лечили их боевые раны.

— Что за шум? — в гостиной появилась Ольга Петровна.

Андрей Лесной, журналист журнала «Светские сплетни», впервые видел знаменитую писательницу, и ее дочь — актрису, так близко. Ему, на секунду показалось, что небожители спустились к нему с Олимпа.

Тем временем, Ольга Петровна недоуменно переводила взгляд с Рязанова, на очередного гостя.

— Господи, что тут случилось?

— Эти проклятые журналюги пронюхали о нашем убежище, — произнесла Лена,

прикладывая лед к напухшей щеке Григория.

— Вообще-то я ехал за вами от самого города, — подал голос Андрей.

Лена и Рязанов устремили на парня злые взгляды.

— Так ты ночевал тут? — удивилась Даша.

— Да, вон там, в кустах, — он одними глазами указал направление, — но там ни черта не видно. Вот я и зашел.

— Видно одного раза тебе мало! — кинул Рязанов, — Ждешь, когда я из тебя котлету сделаю?!

Лена успокаивающе обняла Гришу.

— Этот гад сфотографировал, когда Настя выгнала меня, я рассказывал?

Лена и Ольга Петровна взглянули на Дашу, неожиданно догадавшись, что случилось с бедным парнем потом.

— Да, это я его едва не сбила в тот день.

— Бедный, многострадальный молодой человек. Хотите чаю? — Ольга, как всегда проявляла чудеса человеколюбия.

— С удовольствием, Ольга Петровна. Для меня честь выпить вашего чаю. Я не говорил что обожаю ваши книги?

— Будет вам, — женщина скрылась на кухне.

Лена села рядом с Гришей, и обняв его, враждебно воззрилась на журналиста.

Даша, заметив это, посмотрела на парня.

— Ты, что-то вроде папарацци? — осторожно спросила она.

Андрей взглянул на бледную девушку и улыбнулся.

— А я ведь узнал тебя тогда. Вы так друг на друга похожи! Надо было сфотографировать тебя тогда.

— У тебя был разбит фотоаппарат.

— Я бы ему его вообще в руки не давал!

Даша и Андрей кинули быстрые взгляды на Рязанова, и снова встретились взглядами.

— Так значит ты тоже Семенова?

Дарья неопределенно передернула плечами.

— Вообще-то я уже Титова.

— Так ты замужем?

Даша снова кивнула так, словно она и не замужем вовсе, разве что чуть-чуть.

— Ясно. А какой у тебя талант?

— Никакого.

Лена и Рязанов поднялись с дивана, и медленно двинулись прочь из гостиной, вверх по лестнице, в свою комнату.

Даша и Андрей остались одни.

— А ты уже не кажешься такой... твердой, как тогда.

— Может быть, — отозвалась она, — сиди тут, и вздумай выкинуть чего. Если вернется Макс, прежде чем ты уйдешь, от тебя мокрого места не останется. Он ненавидит сплетни, а журналистов тем более.

— Твой брат? Ты имеешь в виду, того футболиста?

Даша неопределенно кивнула и скрылась на кухне.

Андрей, прижимая лед к глазу, короткими перебежками двинулся к приоткрытой парадной двери. Там в грязи лужи, под лестницей, валялся его новый фотоаппарат. Лесной

быстро его поднял, обтер носовым платком, и спрятал под одежду. Хорошо, что у него на этот раз хватило ума купить фотоаппарат по — дороже, водостойкий, с титановым покрытием!

Когда женщины вернулись с чаем, Андрей сделал первый незаметный снимок, без вспышки и звука. Моля провидение, чтобы он удался.

— Так значит, вы представляете журнал «Светские сплетни»? — спросила Ольга спокойно.

Андрей кивнул, боясь пошевеливаться.

— Ненавижу сплетни, а тем более на бумаге, — сказала женщина, и сделал глоток из чашки.

Андрей почувствовал себя неудобно. Вероятно, сейчас начнется обычное поливание грязью. А с виду женщина достойная.

— Но у меня к вам есть предложение. Даша сказала, что вас зовут Андрей. Ну, так вот, Андрей. Позабудьте о том, что вам нужны сплетни. Сегодня вечером в моем доме состоится праздник, юбилей совместной нашей с мужем жизни. Будут все сливки общества, у вас получатся чудные снимки. Возможно, я уговорю детей дать вам интервью. Но с одним условием, вы пишете только правду. Никаких прикрас. Перед тем, как сдать материал в печать, я бы хотела его изучить. Уверена, Семеновский юбилей вы сможете продать за весьма кругленькую сумму, а нашей семье не помешает лишняя реклама. Хотя мы очень ценим приватность. И еще, просьба, никаких снимков испод тишка. Договорились?

Андрей не мог отказаться от столь соблазнительного предложения.

— Конечно, по рукам, Ольга Петровна! Черт возьми, это одно из самых соблазнительных предложений, что я получал в своей жизни!

Женщины переглянулись и захихикали.

— Вы мне льстите. Наверняка, женщины помоложе, предлагали вам нечто, более соблазнительное.

Лесной усмехнулся.

Наташа вошла в комнату отца. Тот задумчиво сидел в кресле. На его коленях лежал какой-то политический журнал, который, он, по всей видимости, собирался читать.

— Папа?

Иван оглянулся на вошедшую дочь, и улыбнулся ей.

— Да, милая.

— Ты такой задумчивый сегодня, в чем дело?

— Я уже тридцать лет, как женат, здесь есть, о чем подумать, верно?

Наташа улыбнулась и обняла отца сзади за шею.

Дождь за окном стих, но серые тучи за окном по-прежнему нависали.

— Когда ты родилась, меня не было рядом. Я был в плавании, еще служил тогда. Когда я вернулся, это был уже ноябрь. Тебе уже три месяца было. Ты такая смешная, маленькая, розовая. А теперь? Взрослая женщина, преподаешь в институте, уважаемый профессор математических наук, вот-вот выйдешь замуж. А я все никак не могу поверить, что жизнь идет. Я старею, вы взрослеете и обзаводитесь своими детьми...

— Постой-ка, пока никто из нас не ждет потомства, — улыбнулась Наташа, поглаживая редкие седые волосы отца.

— Мне Даша по секрету сказала, что беременна.

Едва Иван произнес это, как груз тайны свалился с его плеч. Он был рад, что, наконец,

сказал это.

Наташа округлила глаза.

— Но почему она не сказала об этом всем?

— Видимо хочет сделать сюрприз? Кто вас поймет...

В наступившей тишине послышался шум колес.

Наташа прильнула к окну, и узнала машину Кирилла.

— Ой, папочка! Наумов приехал! — и Наташа в мгновение ока покинула отца, позабыв обо всем на свете.

Андрей Лесной, Ольга Петровна и Даша, недоуменно встретили несущуюся вниз Наташу.

— Он приехал! Приехал! — не замечая гостя, сказала Девушка и выскочила на крыльцо.

Но ее радость моментально сошла на нет, едва Наталья увидела, как из машины Кирилла вышла Ксюша.

— Господи, как ты оказалась в его машине?

— Кирилл Семенович заблудился, а как раз Вику ждала...

Наташа подошла к Кириллу и поцеловала его, едва ощущая незнакомый аромат, исходящий от его кожи.

— Как доехал, милый?

— Едва не заблудился, — сказал он, и легко коснулся ее губ.

Ксюша быстро оставила их одних, и вошла в гостиную. Молодой, незнакомый, побитый парень, улыбнулся девушке.

— Здравствуйте, — произнесла Ксения, и кинула вопросительные взгляды на мать и сестру.

— Это Андрей Лесной, — сообщила Ольга Петровна.

— «Любимый папарацци» Григория Рязанова, — усмехнулась Даша.

— Так это он вас так? — указывая на синяки, спросила Ксюша.

Парень улыбнулся и кивнул.

— Вы очень похожи на своих сестер. Вы должно быть Ксения Семенова?

— Да, так и есть.

В гостиную вошла Наташа, под ручку с Кириллом.

— Мама, знакомься, это Кирилл Наумов, мой жених! — счастливо сообщила Наташа.

Лесной молниеносно достал фотоаппарат и принялся снимать. Кирилл и Наташа непонимающе окинули взглядами всех присутствующих.

— Этот молодой человек, — начала Ольга, — будет освещать все наши мероприятия в прессе. В том числе и вашу помолвку.

Кирилл взглянул на Ксюшу. И этот взгляд не ускользнул от профессионального глаза папарацци.

— Мама, разве в этом есть необходимость? Если остальные журналисты прознают, что у нас есть здесь дом, о покое можно будет забыть.

— Андрей очень порядочный молодой человек, он никому не скажет, верно?

Парень поспешно кивнул, так, что у всех присутствующих появились сомнения.

На улице послышался шум мотора. И крики.

— Иди к черту!

— Вернись немедленно!

— Я не жена тебе, что бы отчитываться, ясно?!

Входная дверь резко распахнулась, и в дома ворвалась Вика вся в грязи, она сдержанно поздоровалась, и быстро поднялась по лестнице вверх. Андрей сделал пару кадров.

Следом, за девушкой в грязи появился парень, и Лесной узнал в нем, того самого, знаменитого футболиста. Фото Семенова в грязи вместе с это девицей оторвут с рукам лучшие журналы мира!!!

Максим злобно навис над журналистом.

— Ты кто такой?! Как он оказался здесь? Я сейчас из тебя салат...

— Макс, этот молодой человек будет освещать наш праздник...

— К черту все! — и Макс кинулся вверх по лестнице за Викторией.

В ту секунду понял Андрей, что после этого материала будет обеспечен до конца своих дней!

Ксюша, проводив парочку взглядом, и быстро извинившись, двинулась следом. Она чувствовала, что Вика разорвет ее в клочья, за то что Ксения бросила ее одну с Максом, но Семенова готова была принять верную смерть. Кроме того, она ведь виновата.

Наташа, не совсем понимала, что происходит, да и это ее мало интересовало, она прижималась к Кириллу, и ощущала себе невероятно счастливой. А он наоборот, был далек от неё, как никогда.

Ольга Петровна, как всегда спокойная и уравновешенная следила за молодым журналистом, и думала, уж не совершила ли она ошибки, пустив его в свой дом?

А тем временем за окном медленно рассеивались тучи, и осторожно показывалось солнце. Ольга облегченно вздохнула. Замечательно, значит, гости соберутся к семи, без проблем.

— Мама?

Ольга взглянула на дочь и журналиста, которые по-прежнему оставались в гостиной.

— Дашенька, размести где-нибудь нашего гостя. Семеновы не должны прослыть в прессе не гостеприимными.

Даша послушно кивнула, хотя обида на мать все еще мучила ее.

Андрей Лесной, который следовал за девушкой, словно ребенок палился по сторонам. Мимо прошептывала женщина белом халате, и молодой человек, смахивающий на секс-меньшинство. Парень сфотографировал их на всякий случай.

— Кто это? — спросил он.

— Это стилист и визажист, к Лене приехали. Они являются по первому ее зову, — Даша улыбнулась, и оглянулась на ходу, — иногда мне кажется, что у них нет своей жизни.

Андрей похвалил себя за то, что сфотографировал их. Интересненький материалчик накапливается!

Даша снова взглянула на журналиста.

— Видел бы ты себя со стороны! — хмыкнула она, — Глаза бультерьера, почувшего кота. С тобой надо быть на стороже?

Андрей скромно повел плечом.

— Я смотрю у вас огромный дом. Где будут проходить торжества?

— Можешь записывать, если хочешь. В этом доме тридцать две комнаты, если считать гардеробные и ванны. Сердце дома — библиотека, она расположена на равных расстояниях с обеих сторон, на втором этаже. Правое крыло — жилое, левое — соответственно нет. Именно там расположен банкетный зал, гостевые комнаты, бильярд, и спортзал. Во внутреннем дворе бассейн и папин гараж. У родителей три машины: у мамы — «Тайота», у

папы — «Форд Фокус», на всякий случай старые папины «Жигули», которые, я так думаю, он держит в с целью продать потом по дорожке, из-за старости, и значит, ценности.

Так, в левом крыле, где мы сейчас находимся, на первом этаже, как ты видел, кухня, столовая и гостиная, на втором — комнаты Максима, Лены и Гриши, спальня родителей, мамин кабинет, в котором есть балкон, и он расположен на светлой стороне. И папин кабинет, как раз напротив. Там как раз сейчас работает Маша. Это, — девушка указала на дверь рядом с кабинетом отца семейства, — дверь в комнату Машкиного соперника — Скворцова, а здесь, — девушка распахнула хозяйским жестом дверь, — будет твоя комната.

Лесной заглянул в свои апартаменты, и остался доволен. Просто, со вкусом.

— Почему именно здесь? Здесь ведь только семья?

— Левое крыло уже все занято. Торжества по случаю юбилея будут длиться три дня, потом у папы день рождения. Юбилей, пятьдесят лет. Будет очень много гостей. Возможно, будет мэр столицы. И снова гуляния на три дня. Так что гостям придется жить здесь почти неделю. И только самые близкие получили семеновскую крышу над своей головой.

— Ясно.

— Ну, а тебе, как единственному пока, представителю прессы, мы сделали исключение.

— А что на третьем этаже?

— Там живут Ксюша с Викой, Наталья со своим женихом, я и Маша.

— Очень подробная экскурсия. Спасибо.

— Не за что. Тебе нравится комната?

Андрей еще раз взглянул на свою временную обитель.

— Ну, — протянул он, — это заметно лучше, чем кусты.

Даша улыбнулась.

Во дворе снова послышался шум колес.

Девушка прильнула к окну.

— Странно. Обслуживающий персонал подъезжает к парадному входу в левое крыло.

— Вы больше не ждете гостей?

— Еще слишком рано для гостей... — Даша осеклась.

Из знакомого автомобиля выбрался высокий, темноволосый мужчина с букетом розовых роз. Это был ее муж.

Даша резко отвернулась от окна, и ничего не замечая на своем пути, кинулась прочь из комнаты Андрея. Журналист последовал за ней, но девушка старалась его не замечать. Пусть идет, и все снимет! Жаль, что его не было, когда она застала любимого муженька с любовницей! Вот бы городская «тусовка» посмеялась! Понадрывала животики!

Дарья оказалась на первом этаже, как раз, когда Антон уже позвонил дважды. Дверь спешила открывать какая-то не знакомая женщина. Даша опередила ее, и схватилась за дверную ручку, окинув женщину уничтожающим взглядом.

— Вы кто? — спросила Даша.

— Меня пригласила поработать Ольга Петровна на этой неделе...

— Вот и работайте, я разберусь с этим гостем.

Женщина недоуменно окинув взглядом милую, ну уж очень злую девушку, быстро скрылась из виду.

Даша подождала, пока она скроется, а Антон неустанно звонил.

— Лучше открой, пока не собрался весь дом, — подал голос Андрей.

Дарья недоверчиво посмотрела на него, и не позволяя себе думать, отперла дверь.

Их глаза встретились.

— Зачем ты пришел?

— Хочу поздравить твоих родителей с двойным праздником.

— Спасибо, я передам твои поздравления, — и Дарья принялась закрывать дверь перед его лицом.

Антон остановил ее, задержав дверь рукой.

— Я принес тебе твои любимые цветы.

— Я не просила тебя об этом.

Андрей, желая оставаться незамеченным гостем, все же лелеял надежду запечатлеть его в своих мемуарах.

— Мне звонила твой врач. Интересовалась, как ты себя чувствуешь.

Даша крепко сжала дверь руками, что бы ни упасть. Все перед глазами медленно поплыло. Неужели он знает?..

— Я чувствую себя прекрасно.

— Почему ты не сказала, что беременна?

— Потому, что я не обязана отчитываться перед тобой.

— Ты все еще моя жена.

— Ты, кажется, не вспоминал, что женат, когда раздвигал ноги своей стажерке! Убирайся, я не хочу тебя видеть, — Даша снова попыталась закрыть дверь.

Антон довольно грубо ворвался в гостиную, откинув букет в сторону, и по-прежнему не замечая журналиста, схватил Дашу за плечи.

— Это и мой ребенок тоже, и я не желаю оставлять его.

— Я не смогу жить с тобой, вспоминая слова, которые ты наговорил мне за эту неделю. Я не смогу видеть твоего лица, вспоминая, что ты использовал меня, как яйцеклетку, дабы вырастить своего ребенка! Антон, ты никогда не увидишь своего ребенка, слышишь? Я не позволю! Никогда!!!

Мужчина смотрел в ее лицо и не узнавал своей жены. Она похудела, побледнела, а стальной блеск в глазах настораживал.

— Даша...

Девушка вырвалась из его хватки, и подошла к Андрею, который по-прежнему молча наблюдал в стороне.

Антон смутился, и кивнул журналисту.

— Извините, я не знал, что здесь кто-то есть.

— Между прочим, это журналист. Он напишет о нас статью. И будь уверен, я дам ему интервью, в котором и ты, и вся твоя контора полетите ко всем чертям! Ясно тебе?!

На лестнице послышались быстрые шаги.

— Господи, что за крики сегодня целый день? — послышался голос Ольги Петровны на лестничной площадке.

Первым в гостиной показался Иван. Он сразу оценил ситуацию, и, выглянув на лестницу, к жене, крикнул:

— Все в порядке, милая! Можешь продолжать собираться! Это приехал Антон, и Даша очень рада его видеть!

Дочка хмуро взглянула на бывшего мужа, и подошла к отцу, и стала за его спиной. Так по — детски, опираясь только на инстинкты.

— Здравствуй, Антон.

— Добрый день, Иван Сергеевич.

— А Даша говорила, у тебя проблемы со стажерами, и ты не сможешь приехать... —

Иван протянул руку Антону, для рукопожатия.

— Я разобрался с ними, видимо навсегда, — отозвался Титов, и ответил на приветствие отца семейства, не сводя пронзительных глаз с Дарьи.

— Вот и молодец! Нельзя бросать жену в положении одну! — заговорщически кинул Иван, — Выпьешь?

— Нет, Антон за рулем, — вступила Даша в разговор.

— Как?! Ты разве не останешься? — Иван был явно не доволен.

— Останусь.

Даша испепелила взглядом мужа, и кинула молящий взгляд на отца.

— Папа...

— Да, Дашенька?

— Может, Антону лучше уехать?

— Что это еще за новости? Я его, между прочим, ждал! Антон Титов практически часть Семеновых, а теперь тем более! — с этими словами Ваня кинул быстрый взгляд на живот дочери.

— Антон? — Дарья не унималась.

Муж обратился на девушку внимательный взгляд темных глаз.

— Может, ты расскажешь папе...

— Даша, — властно перебил муж, — я сам знаю, что нужно говорить, а что нет. Я пока мужчина.

— Разве я могу усомниться, после того представления...

— О чем ты говоришь? — Иван нахмурился, заметив, как молодой журналист медленно скрывался из виду.

— Я говорю...

— Антон!

В гостиной появилась Ольга Петровна, и радушно приняла зятя. Никто не слышал ее мягкой поступи на лестнице. Женщина обняла Титова, и расцеловала в обе щеки.

— Как добрался? Я ждала тебя.

— Вижу, мой милый муженек, самый важный гость на вашем юбилее!

— Да что с тобой сегодня? Какая муха укусила?! — Иван недоумевал.

— Это все из-за беременности, — вставил Антон.

Ольга принципиально пропустила слова Антона мимо ушей, хотя и была удивлена его осведомленностью.

— Ваня, почему бы тебе ни угостить Антона чем-нибудь? Наверняка он очень устал в пути! — предложила Ольга, и мужчины, словно только этого и, ожидая, направились к бару, — А мы пока с Дашенькой поболтаем о своем.

Не долго думая, Ольга отвела дочь в сторону.

— Итак, он здесь. Он знает о твоей беременности. Что ты предпримешь?

— Я не намерена ничего предпринимать. Мне казалось, мы решили этот вопрос утром.

— Ты должна воспользоваться моментом, и пойти на примирение с мужем. Помни, он твой единственный шанс быть счастливой.

— Я в этом не уверена, мама.

— Чего ты пытаешься добиться своим упрямством? Он уйдет. Бросит тебя в два счета,

как ты не понимаешь?! Заполучить такого, как Антон хочет каждая вторая женщина от девятнадцати до пятидесяти лет. Ему только остается выбрать. И он выбрал тебя.

— Мама, он пришел сегодня только за тем, что бы сообщить мне... — Даша расплакалась, совершенно неожиданно, недоговорив.

— Зачем?

— Он сказал, что ему нужен только ребенок. Я ему не нужна! Он сказал, что любит ее! Мама! Что мне делать?

Ольга приняла плачущую дочь в объятия, и пересмотрела свои принципы. Она молчала, потому что теперь, все ее предыдущие высказывания казались никчемными, ненужными и шаблонными. А ведь страдала ее собственная, родная дочь, а не какой-то там, вымышленный персонаж.

30.

Вика ворвалась в комнату, оставляя после себя грязевые следы, то и дело прислушиваясь к преследующим ее шагам. Дверь распахнулась, и Вика затаила дыхание, испугалась, что это Макс.

Но в комнату вошла Ксюша. Вика лишь одарила подругу ледяным взглядом.

— Как все прошло? — осторожно спросила она.

— С кем? — вызывающе грубо спросила Вика, скидывая грязную и мокрую одежду.

— Ну, я вижу, что с Максом вы опять рассорились...

— Нет, отчего же? Он предложил мне пожениться. Мы с ним целовались под дождем, все было очень романтично...

Ксюша не скрывая удивления, смотрела на Вику.

— Надеюсь с твоей стороны все серьезно? Макс не перенесет второй душевной травмы, — отозвалась Семенова.

Вика скрылась в ванной, и включила воду. Вернулась она уже в тонком шелковом халатике.

— Нет, конечно, с моей стороны все не серьезно, и с его тоже. Потому что, во-первых, я люблю другого, и Макс об этом знает. Во-вторых, мы с ним знакомы какой-то день. Все те ссоры, как ты понимаешь, не в счет. Я ведь права? Нельзя назвать те бесконечные склоки и выяснения общением?

— У меня складывается впечатление, что ты себя в первую очередь уговариваешь, — улыbnулась Ксюша.

Вика опустила на край своей кровати и задумалась. Помолчав минуту, она вновь обратилась к Ксюше.

— Знаешь, Олег замечательный. Он целовал мне руки, мы посидели в милом кафе, он расплачивался. Говорил, что я всегда ему нравилась, и что он никак не мог отделаться от той девицы, что бы стать свободным только для меня. Представляешь? А когда он уходил, он меня поцеловал.

Ксюша ждала продолжения, но Вика молчала.

— И? — не сдержалась Семенова, — Тебе понравилось?

— Ну, ты знаешь, я ведь этого долго ждала, и я люблю Олега...

— Но?

— Но... но смотря с кем сравнивать. Олег действительно не плохо целуется.

— Но Макс его превзошел?! Ха! Я в этом и не сомневалась!

Вика возмущенно подскочила.

— Ты ведешь себя, как он!

Ксюша стерла улыбку с лица.

— Прости.

— Не важно.

— И что ты будешь делать?

— Встречаться с Олегом. Я его люблю. Меня смущает, что мы так быстро расстались.

Он все куда-то спешил...

— Возможно у него дела.

— О каких делах может идти речь, когда рядом я?

— Воробьева!

Вика недоуменно пожала плечами и скрылась в ванной комнате. Ксюша осталась одна.

Девушка опрокинулась на кровать, и уставилась в потолок. Ей было страшно, и очень одиноко без Кирилла. Ей хотелось только одного — скорее уехать из этого дома в Берлин, и дождаться любимого, и быть счастливой. Но надо ждать. Секунды выльются в минуты, минуты- в часы, часы в сутки, сутки в месяца, и так далее, до бесконечности, пока лицо Кирилла не покажется в Берлине.

Макс зашел в свою комнату, громко хлопнув дверью, сорвал с себя одежду, и направился напрямик под душ.

Горячие иголки воды обрушились на его замерзшее тело, вызвав мурашки. Максим склонил голову, позволяя воде обволакивать свою дрянную голову. И тогда, к нему, наконец, пришла ясность мыслей. Оказывается, когда рядом Вика, он просто не мог вести себя нормально. Казалось, какая-то пелена обволакивала его глаза, и сознание. Совершенно очевидно, что девушка не равнодушна. Но почему она сопротивляется? Почему так пугается неизбежных разговоров о семье? Ведь все женщины хотят именно этого?

Максим взял мыло и мочалку, и принялся задумчиво мыться.

Кто вообще придумал сплетню, что якобы «все» женщины хотят удачно выйти замуж?

Максим Семенов — красивый, богатый, знаменитый, предлагает выйти замуж. И что в ответ? «Я еще не готова», «Я тебя не достойна», «Я тебя не люблю». А спать с ним они все готовы, согласны, и очень даже любят. Что же, получается, что брак нужен ему одному?

Парень отложил мочалку и взял шампунь.

И что это еще за Олег?

При мысли о каком-то банкире, Макс снова разозлился.

Почему она так себя ведет? Разве не видно, что она ему действительно нужна?

Максим смыл пену с тела и волос, и выключил воду.

В комнате воцарилась тишина.

Семенов обтерся полотенцем, и надел халат.

А на подъездной аллее противоположной части дома стали собираться машины.

с мелодиями саксофона, и напевами скрипки. Роскошные гости ходили парами, от одного «фуршетного» стола к другому.

Молодежь собралась возле знаменитого певца. Уважаемые политики столпились около мэра. Актеры знаменитые и не очень — показывали Рязанову свое расположение. Елена при этом так притворно скучала. Она знала, что она самая шикарная женщина на этом вечере в роскошном, насыщенно — синем платье без бретелей, бриллиантовом ожерелье и водопадом блестящих иссиня черных волос.

Казалось, банкетный зал уже трещит по швам, а гости продолжали прибывать.

Ольга под руку с Иваном блуждали от одного гостя к другому, принимая восхищения и поздравления. Хозяйка торжества чувствовала себя победительницей. Выглядела она шикарно в персиковом наряде, и знала об этом, и потом каждый из приглашенных отмечал некое сияние, что появилось в ней. Ольга лишь загадочно улыбалась на комплименты и сжимала руку Ивана. Муж нежно ее поддерживал, и где-то в глубине души Оля, конечно, понимала, что Ваня ведет себя не просто так. Наверняка, он сделал что-то. Что-то — за что ему теперь просто стыдно, вот и все.

Но Ольга не желала верить в это. Она знала только одно — Иван ее любит, и точка.

Женщина скользнула по гостям белым взглядом, желая отметить и поприветствовать вновь прибывших. И именно тогда ее глаза выхватили из толпы женщину. Тут же тревожный сигнал сработал в ее сознании.

Женщина столкнулась глазами с Ольгой, и двинулась к хозяевам торжества завораживающей походкой хищницы. Семенова почувствовала, как напрягся Иван, и взглянула на мужа. Внешне он казался совершенно спокойным.

— Кто эта женщина, что идет к нам? — чуть слышно спросила Ольга у мужа.

— Понятия не имею, — почти злобно ответил он, и жена ему не поверила.

— Чудный вечер, — приближаясь, произнесла гостя, шикарная брюнетка с невероятно длинными ногами, в «коктейльном» платье цвета молодой зелени, — могу я поздравить хозяйку торжества?

— Спасибо, — вежливо улыбнулась Ольга, хотя эта женщина ее порядком напугала, — с кем имею честь?

— Анжела Роднина, новый пиар агент вашего мужа, — сказала красотка, хищно улыбаясь.

Ольга устремила недоуменный взгляд на мужа.

— Должно быть это какая-то ошибка, Иван сказал, что не знает вас.

Семенов по-прежнему молчал. Он боялся. Это была она, та самая брюнетка из поезда на Казань. Она каким-то образом нашла его, пришла за ним. За чем? Иван серьезно испугался. Неужели шантаж? Как можно было оказаться таким тупицей? Он ведь знаменитый человек, естественно кто-то всегда будет пытаться нажиться на его славе!

— Дело в том, что я новый сотрудник в агентстве, и приставлена временно, пока Диму, прежнего агента, отправили в отпуск, — ответила Анжела.

Ольга не верила ей. Более того, странное беспокойство закралось в ее душу. Женщина снова посмотрела на мужа. Тот сохранял спокойствие.

— Иван?

— Ах, да! Димка все время жаловался на боли в спине. Наверное, агентство разорилось, и его все-таки отправили в санаторий куда-нибудь.

Троица неловко засмеялась. Всем троим было не смешно, но смеяться стоило ради

приличия.

Неожиданно по залу прокатился шумок.

Вика и Ксюша, что стояли почти у входа, стали свидетельницами торжественного появления женщины невероятно красоты. На ней было голубое летящее платье, алмазное ожерелье и копна солнечных волос. Ксения ее сразу узнала, а Вика мучительно всматривалась в лицо красавицы, стараясь вспомнить, где она могла ее видеть? Гостья прошла мимо девушек, едва удостоив их завораживающим взглядом небесно-голубых глаз. И в ту секунду мозг Виктории выдал запрашиваемую информацию. Да, эта женщина красовалась на обложке ее любимого журнала в этом месяце. Но что бы ни быть голословной, Вика склонилась к Ксюше.

— Кто это? — спросила она на ухо.

— Это Лиана Мортинез. Актриса и модель, первая русская модель, сделавшая умопомрачительную карьеру за границей. Вышла замуж за богатого испанца, раскрутилась. И тут вдруг супруг скончался. Тогда то, она и познакомилась с Максом...

Вика неожиданно поняла. Лиана, та самая Лиана!!!

Девушка поискала глазами женщину, и не ошиблась, она напрямик шла к Максиму, который роскошно смотрелся в смокинге.

— Вика?

— Ты хочешь сказать, что это та самая женщина, что бросила твоего брата два месяца назад?

— Да, это она. И клянусь, если Макс примет ее, окажется последним дураком. Неужели не понятно, что она ищет только выгоды?

— Виктория?

Девушки оглянулись на незнакомый мужской голос. Воробьева едва не упала в обморок. Перед ней стоял Олег. Ксения тоже узнала смутно знакомое лицо белокурого парня в непривычном смокинге. Она привыкла видеть его в джемперах знаменитых марок, или футболках ярких цветов.

— Олег? Что ты делаешь здесь?

Парень улыбнулся, и на его щеках заиграли ямочки. И тогда Ксюша поняла, почему Вика так уверенно твердит о любви к этому херувиму.

— Меня с отцом пригласили, — ответил Олег, кивнув за свое плечо.

Его и вправду сопровождал седовласый, полноватый мужчина, которого, Ксюша, впрочем, узнала.

— О, Господи, как тесен мир! Роман Петрович, так вы папа Олега? Вот это новость! — Ксения расцеловала старика в обе щеки.

Почему-то девушка испытывала странную нежность к этому старику. Он единственный, из всех друзей отца, носил ей сначала конфеты, потом кукол, на пятнадцать лет подарил краски и альбом.

Вика, наблюдающая за происходящим в стороне, поежилась. Ей на секунду показалось, что она сидит на детонаторе с бомбой, который в любой момент взорвется. На этом банкете собрались люди, которым не стоило бы вообще встречаться...

Виктория и не представляла, мысли скольких еще людей озвучила в этот момент.

Максим, глядя на приближающуюся к нему Лиану, жестко выругался. А, заметив ее соблазнительную улыбку — разозлился.

— Привет, — произнесла Лиана, коснувшись руки Макса незатейливым жестом тонких

пальчиков.

Макс перехватил ее запястье.

— Зачем ты пришла? — спросил он, скользнув взглядом по разноцветью гостей.

— Я все обдумала, и хочу быть с тобой, — просто ответила она.

Максим усмехнулся, и увидел Вику, которая кокетничала с блондинистым молодцем.

Ксюша в этот момент о чем-то говорила с одним из отцовых друзей.

— Макс? Ты меня не слушаешь?

— Послушай, милая. Тебе не кажется, что сейчас не время и не место?

Лиана расширила свои прекрасные глаза. Никогда прежде Максим так с ней не разговаривал, даже тогда, когда «застукал» ее с фотографом, он был крайне вежлив.

— Макс...

Вика не сводила глаз с лица Олега. Каждая его черточка казалась ей прекрасной, каждый жест — обещал нечто не реальное, а его голос завораживал.

— Может, потанцуем, прекрасная Виктория? — спросил он галантно.

— С удовольствием, — отозвалась Вика, и расплылась в очаровательной улыбке, и, почувствовав на себе взгляд, оглянулась.

Черные угли глаз Максима Семенова следили за ней с такой леденящей душу ревностью, что Вике стало не по себе. Что если Максим убьет Олега? Ведь Макс наверняка сильнее, он ведь спортсмен. А Олег послабее, и телосложение у него не такое мощное...

И, тем не менее, Вика пошла с ним, танцевать. Чем это вызвано? Нравилось ли ей провоцировать Максима? Или, может быть, она правда испытывала к Олегу нечто большее, чем симпатию? Девушка не знала, она просто наслаждалась вечером. Олег оказался прекрасным танцором.

Но когда Макс вывел в танцевальный зал свою роскошную спутницу, настроение Виктории разом испортилось. Девушка осторожно подхватила Олега под руку, остановившись.

— Может, прогуляемся? — спросила она.

Парень кивнул и улыбнулся.

— Веди меня, а то я совсем не знаю дома.

— Я хочу тебе показать их бассейн. Это что-то невероятное!

— Ладно, — Олег обратил на Вику влюбленный взгляд, который не укрылся от глаз всех, кто наблюдал за парочкой.

— Кажется, Олег влюблен, — меланхолично поведал Роман Петрович Сазонов Ксении.

— Да..., кажется, — протянула девушка в ответ и поймала затуманенный взгляд Макса, который отрешенно танцевал со своей бывшей невестой.

Лена снова едва заметно зевнула, прикрыв рот ухоженной рукой. Рязанов держался молодцом, и пребывал в центре всеобщего внимания. Женщина устала одним взглядом отсеивать молоденьких актрисок и не только, готовых на все. Семеновой очень хотелось пойти проверить свои чары, потому что рядом с Рязановым, это практически невозможно. А ведь его поклонники фактически затерли ее, огромный талант Григория просто затмил таланты Елены.

Семенова оставила его руку. Мужчина замолчал на полуслове, и оглянулся на Лену.

— В чем дело?

— Мне что-то нехорошо. Я пойду, пройдуся.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, не стоит. Твоей свиты я не перенесу, — хмуро отозвалась Семенова, и двинулась напрямую, в мамин сад.

Свежий вечерний воздух взбудрил решимость Елены, она снова почувствовала себя прекрасной, и вдохнула полной грудью.

Роскошные розы, которые так холила ее мать, распустились невероятной красотой, наполнились дождевой водой, и источали невероятный аромат.

Лена подошла к маленькой, самой удаленной от дома скамеечки, и опустилась на нее. Кто-то уже предприимчиво разложил на них небольшие подушечки, чтобы гости не промочили наряды. Семенова на секунду позабыла о своем статусе, о юбилее, о гостях, и смотрела в звездное небо, кроны деревьев, едва колыхающиеся от ветра.

Прохладный ветерок коснулся ее оголенной кожи, и женщина слегка поежилась, и вернулась на землю. Она оглянулась на освещенный дверной проем, около которого стояла парочка, и улыбнулась. Как прекрасно иногда побыть одинокой, когда за стеной около двух сотен человек.

Лена расслабленно вздохнула, и странные, не приятные мурашки пробежали по ее коже. Словно холодный ветерок скользнул по ее коже вновь. Но ветра не было. Был лишь слышен едва различимый шелест, чьих то шагов.

Женщина испуганно оглянулась, забыв о том, что местность отцеплена, и даже муха не пролетит без приглашения.

— Кто здесь? — осторожно спросила она тишину.

Сначала ей ответила только цикада протяжной трелью.

— Здесь кто-то есть? — уже более спокойно спросила актриса, обшаривая глазами кусты и деревья.

Но актриса была по-прежнему одна в тускло освещенном саду, полном ароматов роз.

— Спокойно, Семенова, здесь лучшие охранники...

— Я не хотел вас пугать, — раздалось прямо за ее спиной.

Актриса испуганно подскочила и взглянула на темную, едва различимую мужскую фигуру.

— Господи! Кто вы такой?! — Лена очень разозлилась и напугалась. Она терпеть не могла подобных шуток. Как-то, в студенческом общежитии ее подруги наворовали красной краски из примерки, и имитировали приход маньяка. Эти двадцать минут были самые страшные в ее жизни. С тех пор Лена с ними не разговаривает, — Кто вас сюда пустил?!

— Меня пропустила охрана, я гость.

— Гость? Всех гостей своих родителей я знаю в лицо! А вас я не знаю.

— Здесь темно. Вы просто не видите моего лица. Я ваш сосед.

— У нас нет соседей.

— Ну что вы, а как же домик в лесу, в десяти километрах от вас? Это моя дача. Очень милое место.

— Рада за вас, — Семенова развернулась, чтобы поскорее оставить этого невоспитанного человека.

— Вы уже уходите?

— А что, вам еще есть, что сказать? — пренебрежительно кинула Семенова.

— Я всегда мечтал познакомиться с вами, — неожиданно сообщил гость, — еще, когда

вы были ребенком, я все робел подойти...

— Что ж, ваше время прошло, уважаемый сосед. У меня есть любимый мужчина.

— Если вы говорите о том режиссере...

— Мне пора идти. Всего хорошего, — прервала его Лена, и двинулась к дому. Меньше всего ей хотелось обсуждать свою личную жизнь с соседом.

Елена вошла в банкетный зал и поискала глазами Григория. Тот стоял в стороне от своих поклонников, и говорил с какой-то блондинкой, чьи аппетитные формы были обтянуты розовым, атласным нарядом.

Семенова двинулась к паре, готова разорвать соперницу на мелкие кусочки.

— Стоило мне тебя оставить... — Лена не договорила, встретившись взглядами с блондинкой, которая обернулась к Семеновой.

Актриса проглотила окончание фразы при виде собеседницы Гриши. Лена взглянула в лицо Рязанова, и встретила в его глазах такое же недоумение, которое испытывала сама.

Настя Рязанова мстительно улыбнулась, отметив, какой эффект произвела на эту парочку предателей.

— Ну, привет, привет, Семенова великая, как живется с моим мужем? — нахально осведомилась она.

Лена столкнулась глазами с Настей.

— Да уж получше других, — холодно улыбаясь, ответила она.

Рязанов медленно понимал, что сейчас разразится буря, если их, конечно, не разнять.

— Пожалуйста, возьмите себя в руки, — осторожно вступил он, и тут же ощутил всю тяжесть взгляда своих прекрасных женщин.

— Могу я взглянуть на ваше приглашение, госпожа Рязанова? — оставив Гришу, спросила Семенова.

— Лена, ну к чему все это?

— Сергей, — небрежно кинула Настя через плечо, — покажи-ка госпоже Семеновой наше приглашение, — издевательски закончила она.

От группки мужчин, что стояли неподалеку, отделился высокий, жгучий брюнет, на голову выше Григория, с мускулами, крепче, чем у Макса, и улыбкой, способной совратить монахиню, молодой человек, явно моложе самой Анастасии, и протянул Лене приглашение.

Семенова, съедаемая любопытством, кто же это за красавец, и почему она его упустила, развернула приглашение и прочла: «На банкет по случаю тридцатилетия супружеской жизни Ольги и Ивана Семеновых приглашается Сергей Сизых, со спутницей...»

Лена отдала карточку парню.

Сергей Сизых — сын богатейшего человека столицы, начинающая модель, двадцати трех лет от роду. Он мог бы стать чудной партией для Ксюхи, а выбрал эту силиконовую старушку с двумя детьми! Ведь Рязанова на десять лет ее старше, а Сизых на все тринадцать!!!

Семенова смерила женщину осуждающим взглядом.

— Вам никогда не говорили, что за соращение малолетних дают срок?

— А вы не слышали прежде, что в некоторых странах, женщин, которые уведут кормильца из семьи, кидают львам?

Сергей и Григорий взглянули на женщин.

Рязанов не мог поверить, что из-за него ведутся такие бои, хотя его сильно смутил вид этого молоденького жеребчика, который пожирал глазами неожиданно похорошевшую жену.

Гриша сразу вспомнил молодость, первые свидания, признание в любви, первый поцелуй. Их свадьба была самой шикарной в столице, он уже мог себе это позволить, и казалось, они вместе навсегда...

— Идем, милый, нам здесь не место, — сказала Настя, чувственно прильнув к парню, — нас ждут куда более интересные развлечения...

Молодой человек взглянул на женщину, и медленно кивнул. Через минуту пара удалилась.

— Боже, какая пошлость, — холодно выдохнула Лена, провожая завистливым взглядом уходящую парочку.

— Да, — выдохнул Гриша, терзаясь предположениями о продолжении их развлечений.

— Ну что ты грустишь? — Лена обняла Рязанова, и осторожно поцеловала, возвращая к реальности, — Я устала от всего этого. Может, пойдем наверх? Я покажу тебе парочку моих новых приемчиков.

Гриша натянуто улыбнулся. Меньше всего ему сейчас хотелось секса, но с другой стороны, только чудодейственный секс с Семеновой, заставит его позабыть о выходках жены.

32.

Маша стояла у стены, сжимая бокал с шампанским, и откровенно скучала. Свои ухаживания Сергей Скворцов, главный соперник в бизнесе, начал с того, что распугал всех ее ухажеров. И словно цепной пес ходил кругами перед ней, никого не подпуская. Из своего угла Маша видела появление Лианы Мортинез, и неожиданную нервозность всегда спокойной мамы, злость Макса, и нового ухажера Виктории. Видела, как Лена и бывшая жене Рязанова скрестили шпаги, а потом обе пары скрылись из виду. Жизнь вокруг, казалось, кипела. Все веселились. Все, кроме нее. Видимо Скворцов решил взять ее измором. Хочешь танцевать? Танцуй, но со мной. Хочешь гулять? Гуляй, но со мной.

Не на ту попал.

Маша отделилась от стены, и двинулась напрямик к мужественному губернатору, последнему холостяку в российской политике. Скворцов двинулся за Машей, еще не до конца угадав ее задумку.

— Извините, вы танцуете? — сходу спросила она мужчину.

Тот слегка смутился, и сразу не нашелся с ответом.

— Ну что ж, замечательно, — отозвалась Маша, и подхватив мужчину под руку, повела в танцевальный зал.

Когда девушка уложила руки партнера по танцу на все надлежащие места, нарисовался Скворцов. Не замечая его, Маша начала танцевать.

— Ты не можешь с ним танцевать! — через плечо губернатора сообщил Сергей.

— Это почему? Я хочу танцевать.

— Ну, танцуй со мной.

— А я не хочу с тобой, я хочу с ним!

Губернатор зарделся, впервые почувствовав себя никчемным, и невидимым.

— У нас кажется, уговор.

— А плевать я хотела.

Скворцов небрежно тронул губернатора за плечо.

— Прости друг, но эта дама моя.

Губернатор радостно ретировался, оставив Машу лицом к лицу с соперником.

— Ну и чего ты добился? Пойми, нахрапом меня не возьмешь!

Скворцов галантно предложил ей руку. Маша смерила пренебрежительным взглядом, развернулась и пошла прочь. Сергей двинулся за ней следом, неотрывно глядя на покачивающиеся ягодицы, под шикарным, золотым нарядом.

Маша оглянулась, яростно смерив его взглядом. Сергей ей криво улыбнулся.

Девушка едва сдержалась, чтобы не ответить ему тем же. Она буквально тонула в его обаянии, и с каждым часом ее уверенность в своих силах таяла. Ей нравилось его хамство, его нарочитая мужская грубость, этот надменный дух дикарства, который сейчас такая редкость в мужчинах.

Маша вернулась к стене, и снова взялась за шампанское.

— Мария?

Девушка недоуменно взглянула на Сергея, который неожиданно сменил тон.

— В чем дело? Что с твоим голосом?

— Ты можешь сейчас пойти со мной в сад?

— Я с тобой наедине не останусь...

— Брось, я без твоего согласия ничего не предприму.

— Почему-то мне кажется, что ты врешь.

Он лишь улыбнулся. Снова. Маша быстро отвела глаза, боясь, что он заметит, как она разомлела от света его улыбки.

— Хорошо, идем.

Сергей осторожно повел ее в сад, где совсем недавно сидела Лена, и усадил девушку на ту самую лавочку.

Маша тут же оценила романтическую обстановку, и поняла, сейчас, наверняка последует что-то еще, что должно ее буквально сбить с ног.

— Ты позволишь мне завязать тебе глаза?

Семенова настороженно взглянула на Скворцова.

— Это еще зачем?

— Сюрприз.

Маша передернула плечами, не желая говорить «Да», и сгорая от любопытства, одновременно. Сергей осторожно, чтобы не смазать макияж, обвязал ее глаза темным шелковым шарфом, что был на шее Марии.

— Только сиди смиренно, поняла? Не хватает еще, что бы ты... — он сам себя прервал.

— Что?

— Не важно.

И он снова стих. Где-то недалеко шумела цикада, слегка шелестели листья деревьев, и едва различались быстрые шаги Сергея по траве. Маша приготовилась ждать, а потом, заскучав, решила поговорить.

— Эй, Скворцов.

— Да.

— Зачем тебе работа у Голицына?

— Хочу доказать своей бывшей, что я могу быть еще круче, чем я есть.

— Ты был женат?

— Нет.

— Почему?

— Я не любитель борщей и пеленок.

— У тебя устаревшие данные о семье и браке.

— Возможно, но у меня в семье было именно так.

— У тебя была большая семья?

— У меня есть еще брат и сестра, но они в разных городах.

— А родители?

— Мама умерла в прошлом году, а отец — когда мне, было, пять, сахарный диабет. Он много пил.

Маша неловко замолчала, и задумалась. Смерть родителей. Как с этим можно жить?

Она знала, что так бывает. Но была уверена, что с ее родителями такого не случиться.

Неожиданно горячая ладонь накрыла ее руки.

Мурашки помчались по коже ее ног и спины.

— Я готов. А ты? — спросил Сергей у самого ее уха, обдавая горячим дыханием нежную кожу.

— Умираю от любопытства, — как можно более весело сообщила Маша.

Скворцов пробежал пальцами по ее подбородку и скулам, нежно коснулся волос, вызывая вторую волну мурашек.

— Что ты делаешь? — насторожилась Семенова.

— Снимаю повязку, — сказал он, и тут же шарф соскользнул с ее лица.

Маша открыла глаза, недоуменно замерла, и даже перестала дышать.

Весь сад, в том числе и розовые кусты, был украшен свечами. Их было здесь более сотни, и все горели, создавая видимость огненного озера, и освещая мягким, желтым светом всю прелесть летнего сада Ольги. Налитые дождевой водой бутоны, светились и переливались.

Маша, наконец, выдохнула.

— Тебе нравится?

Девушка перевела на него удивленный взгляд.

— Как ты...

— Это просто свечи. А это, — он достал из-за спины огромный букет, — это просто розы.

Маша приняла сотню белоснежных роз, и вздохнула. Как это замечательно, когда за тобой ухаживают красиво.

«Эй, Семенова, — сказала она себе, — Ухаживают вовсе не за тобой! А за предложением Голицына! Холят его и лелеют! Дабы ты, влюбившись, прозевала! И этот нахальный Скворцов выпендрился перед своей «бывшей»!»

Маша прислушалась к разумным мыслям, и вернулась на землю обетованную. Он ведь не в серьез. Но... как красиво!

— Тебе нравится? — вновь спросил он, заглядывая Маше в глаза.

— Это чудесно. Не знала, что ты романтик.

Сергей улыбнулся, и сел рядом на лавочку

— А, это все мелочи, — сказал он, закинув ногу на ногу, и закурив, — больше женщин влюбляются в меня после секса.

Маша кинула на Сергея неприязненный взгляд.

— Фу, Скворцов, спрячь этого Казанову — неудачника, и верни симпатягу, что подарил мне цветы.

Сергей усмехнулся, и закинул руку за спину Марии, на спинку скамьи.

— Полагаю, я заслужил награду? — томно спросил он.

— Зачем ты все портишь? Твое поведение не всегда уместно.

— Этим я и хорош, — усмехнулся он.

Маша не сдержалась, и улыbnулась в ответ.

— Ну что там, с наградой, то?

— Ты ведешь себя, как ребенок!

— Каждый рыцарь в праве получить поцелуй прекрасной дамы, за достойный поступок.

Одним «чудесно» ты не отделаешься.

Маша повернулась к Сергею, и взглянула в его лицо. Скворцов понимал каждый ее жест с полувзгляда, видел все в ее глазах. Она делала вид, что собирается что-то сказать, а сама ждала, когда же он поцелует ее. Сергей не стал долго тянуть, и коснулся ее губ своими. Он овладевал ее губами медленно, но уверенно, как рыцарь во время войны, он твердо знал, к чему шел. Когда их губы разъединились, Сергей положил свою руку ей на плечо, едва касаясь пальцами волос.

— А ты, Семенова, не плохо целуешься.

— Спасибо, — улыbnулась она, по-прежнему вглядываясь в его лицо.

— Но я так и не получил своей награды как следует. Все удовольствия только тебе достались.

Маша засмеялась. Кто бы мог подумать, что она будет целовать со Скворцовым!

— Ты, Скворцов, понятия не имеешь, как надо целоваться.

— Не понял.

— Я целовалась всегда лучше всех моих сестер, подруг, и одноклассниц. В поцелуях мне нет равных.

— А как же стальная бизнес леди?

— Она ведь была не всегда, верно?

Скворцов улыbnулся, совсем по другому, и в какой-то момент Маше показалось, что она таки докопалась до настоящего Сергея Скворцова, оставив все го маски, как ненужную шелуху.

— Ну, так я получу королевский поцелуй? — тихо спросил он.

Маша засмеялась.

— Держись, Скворцов, — прошептала она, смеясь, — сейчас ты потеряешь чувство ориентации на местности, да всего остального...

И парочка снова принялась целоваться.

Сергей, правда, на секунду оставил все свои амбиции, отдаваясь только ощущениям.

Стоящий на веранде Андрей Лесной сделал пару живописных кадров, и поздравил себя. Живой будет материальчик, продаваемый. В его коллекции Рязанов с женой, и их любовники, старый банкир, флиртующий с младшей дочкой Семенова, сам Семенов, провожающий взглядом шикарную девушку в зеленом, спортсмен со своей бывшей невестой, и вот, враги в рекламе, любовники в жизни. Парадокс!

Андрей откинул бычок в урну, и вернулся в освещенный зал. И как раз вовремя.

«Молодожены» целовались, под веселые крики гостей.

Андрей быстро их сфотографировал, и поискал глазами Дашу. Она стояла у лестницы, грустная и одинокая, в бледно-желтом наряде, который ей почему-то не шел. Она казалась бледной, и не здоровой.

Лесной подошел к девушке.

— Тебе не хорошо?

— Здесь просто очень душно.

— Ты уверена?

Даша на глазах сжалась, и отвела глаза. Андрей оглянулся, желая принять явную угрозу, которой так испугалась девушка, на себя.

К ним шел Антон Титов, ее муж.

— Вот черт! — прошептала она, — Уведи меня, Бога ради!

Андрей взял Дашу за руку, и оба, двинулись было прочь, но Антон преградил им дорогу.

— Даша...

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Ты ужасно выглядишь. Тебе нездоровиться?

— Андрей, пойдём.

Антон схватил девушку за руку, Лесной вскинул на него уничтожающий взгляд.

— Не трогай ее.

Антон недоуменно уставился на журналиста, словно впервые его увидел.

— Я не понял, а ты кто такой?

Даша уловила этот угрожающий тон, и настороженно встала между мужчинами. Ей вовсе не хотелось, чтобы журналист схлопотал еще один синяк по вине ее семейства.

— Это журналист, — сказала Даша, — но ты к нему не имеешь никакого отношения. Он собирает материал только о нашей семье. А ты ею не являешься, насколько я помню.

— Зато, он к тебе имеет отношение, я смотрю, — холодно хмыкнул Титов, — а он в курсе, что ты беременна?

— Я должен в испуге бежать? — спросил Андрей.

Мужчины зацепились взглядами.

— Единственный, кто должен был испугаться, это ты Антон. Ты никогда не увидишь своего сына. Это я тебе обещаю.

— Даша...

— Ты зря приехал. Ее любишь? Вот и езжай к ней.

— Даша...

— Я больше не хочу разговаривать с тобой, ты уж извини. Мне неприятно смотреть на тебя.

Титов молча оглядел бледную жену, потом более мрачно — журналиста, и отошел.

Даша заметила, что он уйти то, ушел, но контролирует ее исподтишка. И стоит Андрею отойти, он непременно подойдет.

Иван оглянулся, продолжая придерживать Ольгу, и снова встретился глазами со своим прошлым. С женщиной, которую, ему казалось, не суждено было больше встретить. Анжела, жгучая брюнетка из поезда, не сводила глаз с политика. Ее пронзительный и цепкий взгляд пугал Ивана. В поезде она такой не казалась.

Ольга увидела старого знакомого, и оставила мужа. Ваня тут же двинулся к Анжеле.

— Что ты делаешь тут?

Женщина мягко улыбнулась.

— Ты вскружил мне голову, тогда, в поезде. Я не смогла тебя забыть.

— И поэтому приехала на юбилей моей супружеской жизни?

— Но твоя жена ведь ничего не знает, верно?

Иван напрягся. Она произнесла последнюю фразу с таким самодовольным видом, что Семенов осознал, что шантажа ему не избежать.

— Что ты хочешь?

— Папа! Ты Макса не видел?! — сквозь шум вечеринки, спросила Ксюша.

Иван быстро скользнул глазами по толпе, и, заметив голубой наряд модели, махнул рукой в ее сторону.

— Там посмотри, — отозвался он, и снова обратился к Анжеле, — ну так что?

Роднина снова улыбнулась своей заманчивой улыбкой.

— Неужели ты считаешь, что я приехала, чтобы шантажировать тебя?

— Давай пройдем в мой кабинет? Там нам будет удобнее разговаривать, без лишних ушей.

Анжела осмотрелась, и медленно кивнула. Иван нашел Ольгу.

— Оленька, я поднимусь с Анжелой в кабинет. Петька звонил, какие-то проблемы.

Женщина недоверчиво посмотрела на мужа.

— Куда он звонил, твой сотовый остался в нашей комнате.

— Он позвонил на ее телефон.

Ольга кинула осторожный взгляд на женщину, и снова посмотрела на мужа. Неужели он изменит ей на юбилее свадьбы?

— У нее есть телефон Пети?

— Конечно, она ведь часть нашей команды.

Ольга болезненно сжалась в душе, обняла супруга, и, касаясь губами его шеи чуть, слышно произнесла:

— Если ты собрался переспать с ней, я больше никогда не прощу тебя. Я устала.

Иван недоуменно взглянул на жену, а та уже двинулась приветствовать своих старых знакомых. Таких старых, что Ваня их уже и не помнил. Она действительно сказала ему это, или ему показалось?

Семенов повел Анжелу в свой кабинет. Когда они миновали, тускло освещенные коридоры и лестницы, и, наконец, достигли пункта назначения, Иван облегченно вздохнул.

Роднина отложила крошечную сумочку, и устремила хищный взгляд на политика.

— Что ты так переживаешь? Хочешь, я тебя расслаблю?

— Прекрати этот цирк, и объясни, как ты нашла меня.

— Это было не трудно, ты ведь персоне значимая, — не без сарказма произнесла она, усаживаясь в кресло, — и потом, меня и правда назначили твоим временным агентом.

— А что с Димой?

— Дима попал в жуткую аварию. Ходит, сможет через годик другой...

Иван ужаснулся, глядя на женщину, что сидела в его кабинете. Она казалась неземным существом, невосприимчивым ко всему человеческому.

— Зачем ты здесь? Наверняка Петя приставил тебя ко мне по твоему настоянию. Я знаю, его сын тоже хотел на это место. Ты объяснишь, что привело тебя в мой дом?

Анжела резко поднялась.

— Неужели ты не понимаешь, что та ночь перевернула во мне все. Я теперь не могу думать ни о ком кроме тебя, Ваня. Я люблю тебя. И хочу быть с тобой. Ну что ты молчишь?

— Видишь ли, я женат, — развел Иван руками.

— А спать со мной тебе это не помешало, — Анжела смерила его взглядом.

Ваня молча скрестил руки на груди.

— По-моему, ты знала о моей прекрасной супружеской жизни. И тебе это тоже не помешало. Какие ко мне теперь претензии? Ты хотела этого не меньше, чем я, так что оставим этот бессмысленный разговор, — Иван потянулся за телефонной трубкой, — Я звоню Петру, пусть заменит тебя.

Анжела метнулась к Семенову, вырвала трубку из его рук, и зашвырнула ее в дальний угол комнаты. Черный, пластиковый футляр разлетелся на несколько осколков, микросхему осыпались на пол.

Иван перевел недоуменный взгляд на женщину.

— Что ты себе позволяешь? — яростно выдохнул он, схватил Анжелу за локоть, и крепко сжал, — Я сейчас же вызову охрану, и тебя выкинут отсюда....

— А завтра вся страна узнает о твоих похождениях во время предвыборной кампании! Я собрала достаточно на тебя компромата, так что поверь, твоя карьера будет уничтожена!

Семенов оттолкнул ее, как нечто мерзкое, и не приятное.

— Чего-то подобного я от тебя и ожидал, — хмыкнул мужчина, и тщательно пригладил седые, растрепавшиеся волосы.

Анжела тяжело дышала.

— Ты не хочешь меня? — едва не дрожа, спросила она тоном наивной девочки.

Иван посмотрел на свою гостью, и впервые в его голове мелькнула мысль, что она безумна.

— Я хочу, что бы ты оставила меня в покое.

— Даже если я отдам материал журналистам?

— Даже если отдашь. Мне плевать. Я давно собирался оставить политическую карьеру.

Конечно же, Ваня блефовал.

Анжела недоверчиво взглянула на мужчину.

— То есть, другими словами, ты готов бросить свою успешную карьеру, только что бы ни быть со мной? — Анжела убрала волосы, что осыпались на лицо, когда поднимала сумочку, и снова взглянула на Семенова, — Но это глупо. Я ведь люблю тебя.

— Боюсь, ничем не могу помочь...

Анжела взметнула на Ивана пустой взгляд.

— Это все из-за неё, да?

— Из-за кого?

— Из-за Ольги, твоей жены. Я видела, как она смотрит на тебя. Неужели за тридцать лет брака она тебе не надоела? Она ведь старая!

Иван смерил женщину насмешливым взглядом.

— Зато она моя. Целиком и полностью. А ты — чужая.

Анжела заплакала, тихо и неожиданно.

Семенов смущенно за ней следил, не понимая, что ему следует сделать, что бы успокоить ее. И стоит ли вообще делать что-то? Анжела Роднина оказалась женщиной неадекватной и неуравновешенной.

Иван не двигался с места, наблюдая, как содрогаются ее плечи. Наконец, всхлипывания стихли, она еще несколько минут посидела на краю стола, сживая лицо руками, потом достала из сумочки салфетки, и быстро подправила макияж.

— Теперь мы договорились? — осторожно спросил он.

Анжела подняла на Семенова заплаканные, но уже пылающие злостью глаза, и Ваня понял, что это еще далеко не конец.

— Ты не хочешь иметь со мной никаких дел, верно?

Иван кивнул.

— Потому что боишься, что твоя жена тебя засмеет?

Семенов нахмурился, пытаясь догадаться, к чему она клонит.

— А если жены не станет?

— Что значит... — Иван осекся, осознав, что она предлагает, — ты, вероятно, сошла с ума! Немедленно убирайся из моего дома! Я не желаю видеть тебя здесь, слышишь?!

Анжела рассмеялась ему в лицо, слезла со стола, взяла сумочку, и подошла к Ивану вплотную, легко чмокнула его в щеку, и двинулась к выходу.

— Увидимся, папочка, — хмыкнула она, покидая кабинет.

И Семенов, наконец, перевел дух.

Кто она такая? Насколько серьезны ее угрозы? Что если она какая-нибудь сумасшедшая, и действительно намерена нанести Ольге вред? Что делать? Может, стоит рассказать жене обо всем? Приставить к ней охрану?

Иван подошел к зеркалу и взглянул на свое отражение. Испуганный старик смотрел на него из отражения. Красный, взлохмаченный, морщинистый, со следом ее помады на щеке. Семенов брезгливо стер красный след со своей щеки, пригладил снова волосы, выпил воды. Господи, и чего он так ее испугался? Она всего лишь женщина! А женщины никогда не думают, прежде чем сказать что — либо, тем более красотки, вроде этой Анжелы. Она же просто сумасшедшая потаскушка, только и всего...

Успокаивая себя подобными репликами, Иван двинулся обратно в банкетный зал.

33.

Максим молча скатился с Лианы и застегнул ширинку. Женщина, блаженно вздохнув, погладила его грудь.

Они лежали на бильярдном столе, и ощущения от зеленого сукна, которым был обтянут стол, казались новыми и интересными.

Лиана не торопилась опускать свое прекрасное платье, которое довольно грубо задрал Макс в пылу страсти, а так и осталась лежать. Она, наверное, самая сексуально раскрепощенная женщина, каких только знал Максим. Никогда Лиана не стеснялась своего тела, даже выставляла его на всеобщее обозрение. Наверное, это и претило в ней, Максиму.

Он достал сигареты, и закурил.

— Может, ты прикроешься? — спросил он, выпустив первый клуб сизого дыма.

— Зачем, здесь все равно никого нет, — послышался ее бархатистый голос, — ты начал курить?

Максим слез с бильярдного стола и потянулся за рубашкой.

— Да, еще пить, есть чипсы. У меня каникулы.

— Но ведь это так глупо. Ты работал над собой год, чтобы за месяц все испортить? — Лиана села, и оправила, наконец, юбку.

— Какая тебе разница?

— Почему ты одеваешься? Неужели, мы уже закончили?

Максим внимательно взглянул на слегка взлохмаченную модель, со смазанной помадой, и все еще красноватой кожей от его яростных объятий, и уверенно мотнул головой в знак отрицания.

Он воспользовался бывшей невестой, просто, что бы снять напряжение. Когда он

увидел, что Вика уходит с этим блондинистым ублюдком, его словно накрыло. Он взглянул на Лиану, чьи глаза так и поедали его, затащил ее в бильярдную, и быстро, по-животному грубо, овладел своей когда-то законной девушкой. Она, казалось, была в восторге от столь яростного проявления чувств. Что ж, ему так даже лучше. Будет вместо груши, безмолвное удовлетворение ярости, и сексуального влечения к другой женщине.

Макс медленно застегивал пуговицу за пуговицей, вспоминая, как Вика, такая красивая в шоколадного цвета наряде, кокетничала с этим хлюпиком. Ее чудесные волосы, кудрями струились по загорелой спине, и Макс все мечтал снова ощупать их, прижать ее загорелое тело к себе, и быть с ней...

— О чем ты думаешь? Вид у тебя устрашающий, — ворвалась в его мысли Лиана, подбирая трусики.

— Я злюсь.

— Странно, обычно после секса ты такой душка. Что случилось? Что-то не так?

— Я влюбился...

Лиана мило улыбнулась, решив, что речь идет о ней, и сейчас последует примирение.

— Так в чем же дело?

— Она не желает меня знать, вон, — Макс подошел к окну, — прогуливается со своим хахалем!

Лиана сменилась в лице.

Если бы Максим увидел это ее такое лицо хотя бы месяц назад, когда отчаянно надеялся, сделать ей какую-нибудь гадость, ему бы понравилась. Но сегодня ему было плевать и на Лиану, и на ее лицо.

Женщина выругалась на испанском, быстро спрятала порванные трусики в сумочку, и ушла, хлопнув дверью.

А Макс так и стоял у окна, наблюдая за Викторией, и Олегом, которые прогуливались по внутреннему саду.

Вика остановилась и взглянула в глаза Олега.

— Удивительно, что мы встретились здесь, правда?

Парень кивнул, медленно обнимая девушку. Вика податливо прильнула к любимому.

— Такое впечатление, — продолжала она, — что сама судьба отчаянно сводит нас, да? — она снова заглянула ему в лицо.

Олег склонился к ее губам.

Вика улыбнулась, и скользнула взглядом по дому Семеновых, что был как раз за спиной Олега. Свет горел только в левом крыле, на первом этаже, и еще на два этажа выше. В бильярдной. Темный силуэт стоял у окна, и взирал на Вику.

Девушка испуганно отшатнулась от Олега, узнав в наблюдателе Максима.

В ту же секунду его тень исчезла от окна, и свет в бильярдной погас.

Олег удивленно оглянулся на дом.

— В чем дело? — непонимающе оглядев окна, Олег обратился к Вике.

— Я отойду ненадолго, ты не против?

Олег снова взглянул на дом, старательно пытаясь сообразить, что же все-таки произошло.

А Вика меж тем двинулась к дому, быстро миновала банкетный зал, когда она достигла второго этажа, на третьем послышались шаги. Девушка ускорила темп, непременно желая поймать Макса на месте преступления.

Они столкнулись на лестнице третьего этажа. Одежда Макса была в беспорядке. Рубашка расстегнута до пояса, пиджак небрежно перекинут через плечо, во рту сигаретка. При виде Виктории он улыбнулся.

— Ой, какие люди, — издевательски кинул он, — и без охраны?

— Ты следил за мной?

— Я любовался.

— Черт! Ты можешь просто оставить меня в покое?!

Макс сделал шаг вперед, вынуждая Вику отступить на ступеньку в низ, так они добрались до второго этажа, где царил полумрак, когда Виктория отказалась отступить, Семенов навис над ней.

— А ты действительно этого хочешь? — спросил он.

Девушка отвела взгляд, и нахмурилась.

— Да, хочу, — сказала она.

— Я не слышу тебя, — тоном учителя, сказал он, и двумя пальцами поднял ее подбородок к себе — что ты там сказала?

Вика вскинула на него глаза.

— Да, я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, — сказала она, явно вздрагивая на каждом слове.

Кажется, эта реплика далась ей с трудом.

— Ты в этом уверена? — он вновь наступал, пока Вика не наткнулась на одну из дверей в гостевые комнаты.

— Уверена, — сказала она, сама не поверив.

Максим осторожно коснулся ее кудрей, тут же ощутив возбуждение. Вика, словно сомнамбула, следила за его легкими движениями. Он накрутил ее прядь на палец, и потерял волосы в руке, словно проверяя. Откинув пиджак на пол, Макс запустил руку между Викиной талией и левой рукой. Щелкнул замок, и дверь, что минуту назад служила Виктории опорой, медленно открылась.

— Что ты делаешь? — медленно спросила она.

Максим молча подтолкнул ее внутрь.

— Что ты делаешь... — снова повторила она, когда Макс запер за собой дверь, его пиджак так и остался валяться там, на полу у двери.

— Нам нужно все обсудить, — томно произнес он, привлекая девушку к себе.

— Не о чем нам говорить, — слабо запротестовала она, отворачиваясь от его легких касаний губ к ее коже, — Максим, пожалуйста, это не выход... — Вика уперлась в его грудь руками, желая оттолкнуть его и прижаться к его груди, одновременно.

Максим, чувствуя ее слабое сопротивление, понимал, что силой он, конечно, получит ее тело, (а этого он еще как хотел), но на нечто большее, вроде взаимопонимания, надеяться не стоило.

Семенов запустил руки в ее роскошные волосы, и принялся покрывать поцелуями ее полуобнаженную грудь и шею.

— Максим, оставь...

Семенов довольно неожиданно остановился, и отошел от Вики на приличное расстояние. Та выглядела растерянной.

— Ты ведь хочешь меня, верно? — спокойно спросил он, вставив сигаретку в рот, — Зачем отталкиваешь?

— Я не животное, что бы подчиняться одним инстинктам, — сказала она, окончательно прейдя в себя.

Вика действительно злилась, но в основном на себя. Как она позволила себе снова оказаться с ним наедине?

— Но ты этого хочешь, — стоял Макс на своем, — И я хочу. Я одного не могу понять, — он вытащил сигарету изо рта, и выпустил дым через ноздри, — зачем ты вбила себе в голову, что любишь этого смазливового юнца?

— Я испытываю к нему куда более сентиментальные чувства, чем к тебе.

— Но ведь это не любовь.

— А кто сказал, что я т е б я люблю?

— А мне не надо этого говорить, я все и так вижу.

— Да? И что же ты видишь?

— Ты потерялась, испугалась. Мы ведь так мало знакомы,...а мне, видишь ли, плевать на это.

Вика скрестила руки на груди, и наблюдала за Максом, понимая, что, возможно, он и прав, но признавать этого вслух не собиралась.

— А твоя невеста? Зачем она здесь?

— Лиана хочет помириться.

— Вижу, у вас все получилось, — кинула Вика, выразительно окинув взглядом его мятую одежду.

— А ты у меня ревнивая, да? — улыбнулся он, — И потом, мы знакомы всего лишь день, не забыла?

— Я хочу уйти.

— Я не закончил.

— А мне плевать. Выпусти меня немедленно, — процедила она, осознав, что действительно ревнует. Да и что тут догадываться? Разве она не злилась, когда появилась та модель? Разве она кокетничала с Олегом не на публику? А точнее, не для Макса ли?

Семенов не двинулся с места, наблюдая за Викторией.

— Я хочу уйти, почему ты не слушаешь меня?

— А я хочу, что бы ты осталась со мной.

Вика внимательно взглянула на Макса.

— Ты спал с ней? — вдруг спросила она.

— А ты целовалась с ним в саду. У вас уже был секс?

— У меня сегодня с ним было первое свидание, — сказала Вика лишь с одним умыслом, возможно на правду, он скажет правду.

— В парке, что ли?

— Да.

— Так значит, не было ничего. А Ксюха утверждает, что у вас все серьезно...

— Так и есть, — мстительно добавила Вика.

— А у меня с Лианой просто секс. Так что я меньше виноват в неверности, чем ты, — сказал он.

Вообще, весь этот разговор походил на какую-то комедию. К чему весь этот фарс? Зачем он так себя ведет?

— У вас, у Семеновых, вообще, понятие верности, как таковой, отсутствует, — сообщила Воробьева, и двинулась к двери, в надежде открыть замок без ключа.

— Ты это к чему?

Вика оглянулась на Максима, тот молча сидел на подоконнике, поигрывая ключом.

— Ксюша мне много рассказывала про вас, про всех. Так что на семейные тайны можешь не ссылаться, я знаю все, что твориться у вас в семье.

Максим вскинул бровь.

— Неужели? И обо мне?

— И о тебе.

Макс двинулся к Виктории, в надежде снова коснуться ее волос, но девушка шарахнулась от него, как от чумного.

— Не подходи, — сказала она.

— Я никогда не причиню тебе вреда, — жарко сказала он, коснувшись ее запястья кончиками пальцев, — я просто хочу любить тебя...

Вика смотрела на него, всей душой желая верить, но странная преграда мешала ей сделать последний, решительный шаг. Что это? Гордость? Или может, неуверенность? Что это за неожиданное влечение к мужчине? Такого просто раньше никогда не было, и Вика не на шутку испугалась.

Максим стоял близко, достаточно, чтобы без труда достать ее, всего лишь протянув руку. Но он не торопился. Семенов внимательно смотрел на Вику, обнимая ее одними глазами. Она спрятала руку, которой он только что коснулся, за спину, словно его прикосновение причинило ей боль.

— Если ты сейчас уйдешь, — по-прежнему тихо говорил он, — это будет окончательным твоим ответом. Просто знай, что ты моя женщина.

Он молча отпер дверь, и приоткрыл ее, всем видом давая понять, что он ее больше не держит.

Как ей хотелось кинуться ему на шею, и отдаться воле Максима Семенова, забыть все убеждения, и приоритеты, побыть просто бесправной, влюбленной по уши, женщиной. Для которой, любимый — словно свет в оконце....

Вика шагнула в сторону двери, не оборачиваясь. И через секунду исчезла в полумраке темного коридора.

Максим проводил ее грустным взглядом, и тяжело вздохнул.

Кажется, Вика выбрала другого мужчину, променяв Максима Семенова, единственного в своем роде. Все, хватит. С сегодняшнего дня Виктории Воробьевой не существует в его жизни.

34.

Лена молча сняла платье, стараясь не вспоминать неприятную сцену во время банкета. Гриша тоже старался особо не светиться перед злой Еленой. Он часто сталкивался с ее буйным нравом.

Рязанов сидел в кресле, и лениво просматривал почту. Письма поклонников, сценарии начинающих авторов, какие-то контракты от фирм, среди всего этого барахла, которое портье из дома Елены благоразумно пересылал на адрес семеновского дома, Григорий нашел письмо от своего адвоката. Рязанов знал, что будет внутри, но все же раскрыл конверт. Он угадал, внутри были бумаги на развод.

— Что ты там нашел? Что-то интересно? — Лена медленно вышла из душевой, где скрылась пару минут назад, вновь спокойная и прекрасная.

Рязанов быстро убрал документы, ему совсем не хотелось говорить Лене, что Настя хочет развода, потому что та, наверняка обрадуется, и решит, что выиграла эту странную схватку за Рязанова. У Гриши на этот счет были свои планы.

Он взял первое попавшееся письмо от поклонников, которое было адресовано Елене, и заинтересованно его распаковал.

— Надо же, какой назойливый, — вглядываясь в ровные строки привычной белиберды сумасшедших фанатов, пробубнил Гриша.

Лена молча под села к возлюбленному и заглянула через его плечо, на письмо.

— А кто это?

— Опять так называемый «сосед». Смотри, — Рязанов подал Лене письмо.

Женщина, не особо заинтересованно приняла бумаги, и пробежалась по ней глазами.

— И что здесь особенного? — лениво потянулась она, откидывая письмо, — Люблю — убую, жду-скачаю, мы созданы друг для друга, не могу жить без тебя..., я это слышу и от нормальных мужчин каждый день, видишь ли, Рязанов, ты влюблен в роковую красотку.

Лена распласталась на кровати, в соблазнительном полупрозрачном пеньюаре, и заманчиво улыбнулась. Так что Гриша легко в это поверил.

Он усмехнулся, и подошел к кровати, сел, и, подобрав бумагу, процитировал:

— «Я влюблен в тебя с тех пор, как ты появилась на свет. Я знаю, какое первое слово ты сказала, и когда начала ходить. Я наблюдал за тобой, ты росла на моих глазах. Я всего лишь сосед, сторонний наблюдатель. И тем не менее я всю жизнь жду тебя, и не устаю писать письма, потому что жажду тебя. И с каждым годом все больше. Я хочу знать, какое слово ты скажешь последним...» Угрожающе, не правда ли? Этот парень совершенно свихнутый. И он знает тебя с детства.

Лена на секунду похолодела. Тот человек в саду, он кажется, тоже говорил что-то такое...

— Эй! Я просто пошутил, что ты так напугалась, то?! — засмеялся Рязанов, и обнял актрису, — Не бойся, я тебя в обиду не дам.

— Хочется верить, — хмыкнула она, принимая объятия.

Ольга сладко потянулась в постели. Вечер прошел чудесно. Гости казались довольными, одним словом, праздник удался.

Женщина села на кровати, встречая утро, и снова потянулась. Дверь на балкон была приоткрыта, и оттуда тянул теплый утренний ветерок.

Семенова потянулась за халатиком, и взглянула на мужа, который по-прежнему мирно спал на подушке рядом. Он был напряжен даже во сне. Вчера, когда появилась эта женщина, мужа словно подменили. Когда он вернулся, после нескольких минут уединения с ней, Иван казался просто в ярости, хотя внешних признаков и не подавал. Его глаза метали молнии, губы крепко сжаты, улыбка скованная, реплики отрывистые и раздраженные. Одним словом, что это за женщина? И откуда она взялась? Как оказалась среди приближенных лиц Ивана? Не похоже, что бы она была его любовницей. Отчего он так злиться? Может она бандитка какая-нибудь?

Все эти мысли скользили в голове Ольги, словно теории для будущего романа. Она взвешивала, обдумывала, задумчиво завязывая полы халата, все еще находясь в полудреме.

Потом Семенова старшая побрела в ванную, где выполнила все утренние процедуры. Прихватив щетку для волос, Ольга вернулась в спальню, и снова посмотрела на спящего

мужа, в ногах которого бугрилось теплое одеяло. Зачем оно ему летом?

Хмыкнув, Семенова отодвинула простыню.

И на секунду потеряла дар речи.

Под простыней, которой она только что укрывалась, прижимаясь к мужу во сне, было вовсе не одеяло...

Ольга шарахнулась от постели, и издала испуганный вопль.

В ту же секунду резко проснулся Иван, и недоуменно, заспанными глазами воззрился на жену.

— Что стряслось? — хрипло после сна, спросил он, и, взглянув на белое, как полотно, лицо жены, испуганно проследил за ее взглядом.

Иван посмотрел на свои ноги, что покоились под простыней, медленно пропитывающейся кровью. Семенов ощутил вязкую мокроту на своих ступнях, и через секунду соскочил с кровати, как ошпаренный, неуклюже стянув за собой простыню.

Ольга снова закричала, и зажала лицо руками.

Иван недоуменно шагнул окровавленными ногами к своему брачному ложу.

Там, в изножье кровати лежал выпотрошенный Барс. Все содержимое брюха собаки растеклось по кровати, оставляя на белых простынях и матрасе темные, подсохшие кровавые пятна.

— Господи... — выдохнул Иван, и осторожно оглянулся на Ольгу.

Та была в истерике. Ее трясло. Она стеклянными глазами смотрела на ноги мужа, не в силах оторвать взгляд от жутких, кровавых ступней.

В спальню Семеновых вбежал заспанный Макс, на ходу завязывая халат, и Лена с Гришей в одних пижамах. Троица замерла на пороге.

— Скорее! Вызови охрану! — крикнул Иван сыну, — Какая-то тварь была в нашей спальне!

Макс, отпихнув побледневшую Лену в сторону, кинулся к телефону. Он едва не столкнулся с журналистом, что бежал к комнате с фотоаппаратом в одних семейных трусах, и Сергеем, который недоуменно выглянул из своей комнаты.

— Эй, что там стряслось? Кто кричал? — спросил он у Макса.

Парень не ответил, его колотила мелкая дрожь, при виде такого количества крови. Он уже стал забывать, как это выглядит в жизни...

Андрей Лесной, приподняв фотоаппарат повыше, судорожно фотографировал Ивана, который осторожно вывел рыдающую Ольгу из спальни. Труп животного, Ленку с Гришей, которые тихо о чем-то говорили. Бледного Макса с охраной, которые осторожно накрыли труп животного полиэтиленом, обитателей третьего этажа, таких же растрепанных и перепуганных, пока не поймал осуждающий взгляд Даши. Видок у неё был тот еще. Она буквально позеленела, видимо, решив оставить все содержимое своего желудка на этом ковре.

Лесной подошел к ней, и быстро подтолкнул к туалету. Дашу тут же вырвало. Прошло минут пять, прежде чем она смогла взглянуть на себя в зеркало, умылась и оглянулась на Андрея, который деликатно отвернулся, и поглядывал в спальню Семеновых.

— Ну что там?

— Собак унесли. Можно выходить.

Даша ступила на не свои ноги, и быстро покинула родительский туалет. Антон, что только нарисовался, двинулся за ней.

Андрей остался в полупустой спальне Семеновых, где молча хлопотали охранники,

внимательно все изучая. Максим стоял в стороне, у балконной двери и курил. В дверном проеме нарисовалась уборщица, и нетерпеливо ждала, когда, ей, наконец, позволят вымыть кровь, и покончить со всем эти мерзейшим делом.

В спальне появился мужчина в дорогой рубашке, дешевых джинсах и с «Ролексом» на руке. Явно следователь.

Он полазил в комнате еще с час. Уже вернулся Иван, свежий и одетый, Максим успел заменить халат на джинсы и футболку, да и Андрей позволил себе накинуть халат, и по-прежнему судорожно держал фотоаппарат, вслушиваясь во всё. Он тихо поражался, что ему позволяют все эту снимать, слушать и конспектировать. Святые люди! Или, может они забыли, что у них в гостях «Звездные сплетни», со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Следователь поднял голову на старшего Семенова.

— Так, значит, вчера у вас был полный дом людей? — задумчиво протянул он.

Иван кивнул.

— А недоброжелатели были?

Семенов скривил губы в бледном подобии ухмылки.

— Видите ли, я политик...

— Ясно. Ну что ж, судя по всему, собаку усыпили, а потом зарезали. Животное подпускало к себе незнакомцев?

— Никогда, — Иван передернул плечами, — Барса дрессировали в лучших охранных школах. Эта собака защищала мою жену не один раз, когда меня не было рядом. Я ни за что не поверю, что она взяла что-то из руку чужака. И подпустить к себе она никого не могла...

Следователь снял резиновые перчатки с рук, и тяжело вздохнул.

— Ну что ж, учитывая тот факт, что вы фигура значимая в государстве, Иван Сергеевич, а, следовательно, для государства важна и ваша собака. Будем искать убийц...

Семенов хмуро перехватил собравшегося уже уходить следователя.

— Вы, должно быть не понимаете, — выдохнул он нервно, — человек, который зарезал собаку, был в моей спальне ночью. Он беспрепятственно зарезал животное где-то и притащил сюда, в мою кровать! Что если бы он на этом не остановился, и зарезал нас с женой во сне?

Следователь убрал руку Ивана, которая сжимала его плечо, и воззрился на политика, пустым, холодным взглядом.

— Если бы он этого хотел, он бы сделал, — спокойно произнес он, — ну а раз вы еще живы, значит, вы нужны ему живыми, вот и вся логика. Так что держитесь, Иван Сергеевич.

И следователь ушел, не оглядываясь. С тяжелым вздохом, вошла, наконец, уборщица, и принялась за работу. Андрей, Макс и Иван покинули спальню.

Максим смотрел на отца, пытаясь понять, что твориться в его голове, но, конечно же, угадать ничего не мог.

— Кто это мог сделать? — осторожно спросил он.

Иван перевел на сына пустой взгляд.

— Я не знаю, — не внятно буркнул Семенов, и двинулся в кабинет, где оставил Ольгу.

Женщина сидела за своим рабочим столом. Ее пустой, лишенный эмоций взгляд, скользнул по вошедшему мужу, и снова воззрился в никуда.

— Оля?

— Нас могли зарезать как свиней в своей собственной кровати, — сказала она.

— Но ведь не зарезали...

— Ты предлагаешь отправлять хвалы богу за это? А что если он просто напугался чего-то и сбежал? Что если он вернется за нами?

— Сомневаюсь, — Иван привлек жену к себе.

— Кто это мог сделать, Ваня? И зачем? Я боюсь...

— Не бойся, — тут же отозвался он, — мы удвоили охрану, вставим новый замок в дверь спальни и заменим сигнализацию на более мощную. Не бойся. Больше никто не посмеет влезть в наш дом.

— Я как подумаю, что ты можешь уехать, и я снова останусь одна, но на этот раз по-настоящему одна, понимаешь?

— У нас во дворе целый штаб охраны. Прощу тебя, брось этот фарс...

— Пока до этого штаба добежишь, ведь убьют!

— Не так уж он и далеко. Милая, так или иначе, приватность нам нужна. Еще не хватало, чтобы охранники в окна подсматривали...

— А что если это один из них?

— Прекрати. Это уже паранойя. Конечно, это не они...

— Ты в этом так уверен? — Оля настороженно взглянула в лицо мужа, — Иногда мне кажется, что ты знаешь, кто это сделал...

И она была права. Сомнение закралось в его душу. Уж очень страстно Анжела вчера угрожала. Зачем кому-то класть ему в постель мертвую собаку? Роднина походила на сумасшедшую вчера. Что если это она? Что если он спал с женщиной, которая на столько безумна?

Часть 8. Обратная сторона

35.

Дом Семеновых содрогнулся от жуткого утреннего происшествия. Каждый, из венценосной семьи принял эту угрозу на свой счет.

Ольга ходила не в себе, Иван курил в два раза больше. Максим изучал все вокруг подозрительно, нет-нет, ожидая подвоха. Ксюша, выставила мольберт на крыше, заперлась от Вики, и принялась выплескивать все свои переживания на картину. Виктория в это утро казалась немного медлительной и задумчивой. Вчера она больше не вернулась к Олегу, и от Макса ушла напрямик в свою комнату. Даша лежала в постели, не в силах открыть глаз, вокруг крутился Андрей, разрываясь между чисто человеческим желанием помочь девушке, и не подпускать к ней мужа, и пойти и нахвататься «горяченького» материала от семеновских гостей, что живо обсуждали утреннее происшествие в левом крыле.

Лена тоже казалась подавленной в это утро. Что если это был знак для неё? Что если кто-то из безумных поклонников все же добрался до нее?

Рязанов, который вообще с трудом переносил вид крови, не мог есть. Его тошнило уже от витающих по дому аппетитных запахов завтрака для гостей. Кроме того, ему не давала покоя мысль, а уж не Настя кого-нибудь подговорила подкинуть им труп?

Маша, качественно накачавшись валерьянки, явилась в отцовский кабинет, где ее уже ждал Скворцов. Парочка хмуро обсудила происшедшее, и принялись за работу, хотя обоим было не по себе.

Кажется, только на Наташу происшествие не произвело абсолютно никакого впечатления. Она лежала в постели, наблюдая, как медленно одевается Кирилл, и мучалась

сомнениями. Что она делает не так? Почему он так холоден? Почему отказал ей сегодня ночью? Неужели, ее догадки — правда, и у него кто-то появился?!

Наумов молча застегивал рубашку, и, поймав внимательный взгляд Натальи в зеркале, произнес:

— Может, ты сходишь к родителям, и проведаешь их? На них лица нет...

Наташа села в кровати, и ее волосы рассыпались по плечам. Она сверлила спину мужа тоскливым, преданным взглядом.

— С ними все будет в порядке, — сказала она.

— Неужели ты так занята, что не можешь их навестить? — Кирилл оглянулся, и окинул Наташу насмешливым взглядом.

Семенова в шоке смотрела на чужого Кирилла. Что стало с ним? Почему он так себя ведет.

— У тебя есть дела поважнее? — издевательски добавил он.

Наташа в два шага соскочила с кровати, подошла к Наумову, и загородив ему зеркало, кинула:

— У тебя есть любовница?

Кирилл опустил на женщину бесчувственный взгляд, и молча отодвинул ее от зеркала, как некий, ненужный предмет, продолжая завязывать галстук. Он не отвечал.

Глаза Натальи наполнились слезами.

Меж тем, Кирилл достал из шкафа так и не разобранный свою сумку, и быстро убрал в неё свою зубную щетку, бритву и прочие мелочи, которые распаковал только вчера.

— Что ты делаешь? — испуганно спросила Наташа, не веря своим глазам.

Кирилл поднял на неё прежний взгляд, словно только осознал, что Наташа здесь е с т ь. Он подошел к своей не названной невесте, взял ее за подбородок двумя пальцами, и, заглянув в ее глаза, полные слез, произнес:

— Прости, но я больше не люблю тебя. Я не хочу продолжать этот бессмысленный фарс. Я устал морочить тебе голову. Ты чудесная женщина, но... я не люблю тебя.

Какую-то секунду до Натальи просто доходили слова любимого человека. Они, подобно яду по венам, растекались по ее сознанию, образуя чудовищную, разрушительную форму маленькой смерти.

Семенова шарахнулась от Кирилла в сторону, оттолкнув его руку от своего лица, отошла в угол комнаты, и отвернулась к стене, прильнув к плоской сухой поверхности мокрым от слез лицом.

— Кто она? — чуть слышно спросила Наташа.

Кирилл тяжело вздохнул.

— Да нет никого, — устало сказал он.

— Я не верю тебе! — Наташа обернулась, и, сверкнув глазами, швырнула в Кирилла рамочкой с фотографией, на которой они были вместе изображены.

С глухим стуком рамка ударилась о стену, в метре от Кирилла, упала, и стекло над фото разбилось на маленькие кусочки.

— Что ты творишь?

— Ты думаешь, я ничего не вижу? Думаешь, я ничего не чувствую? От тебя несет ее духами! Твоя машина пропахла ее запахом! Я вижу, как ты смотришь на неё! Я чувствую, как ты реагируешь на ее приближение! Я ненавижу тебя! Ненавижу! — Наташа принялась швырять в Кирилла, все, что попадалось ей под руки, пока не опустошила все полки.

Наумов стоял, принимая ее обвинения, и побор. Он был виноват. Он желал получить по заслугам. Он только очень хотел узнать, о ком говорит Наташа. Неужели, она все поняла?

— Наташа, о ком ты говоришь? Я не понимаю, — он грубо врал, но понимал, только так, у него есть шанс хоть немного успокоить ее.

Семенова взметнула на Кирилла безумный взгляд.

— Не понимаешь? — страшно прохрипела она, — Не понимаешь?!

Наташа кинулась к большому свертку, что стоял у стену, обтянутый серой бумагой и стянутый шпагатом. Семенова судорожно сорвала с картины обертку, и швырнула портрет седьмой феи к его ногам.

— Я говорю о ней...

Наумов поднял на Наташу виноватый взгляд, не в силах больше скрывать правду, на секунду ему показалось, что все теперь не важно. На секунду ему показалось, что тяжелый груз пал с плеч, и можно жить дальше.

Мужчина взял свою сумку, и, кинув последний взгляд на Наташу, двинулся к двери.

— Прощай, — произнес он, захлопывая за собой дверь.

Наташа злобно швырнула в неповинную дверь огромной книгой, и упала на пол, не уставая рыдать.

Максим вошел в свою комнату, и опустился в кресло. Он не оставлял сегодня утром сигареты, не задумываясь о последствиях. Плевать, что скажет тренер, плевать, как он будет дышать через тридцать лет. Важно, что сигареты чертовски помогают расслабиться.

Труп собаки. Отказ Вики. Приезд Лианы. Все это с трудом умещалось в его голове, не выстроиться в нечто общее и единое эти три события никак не хотели. Потому что между ними не было, собственно, никакой связи.

Неожиданно в дверь чуть слышно поскреблись.

Максим нахмурился. Неужели, Лиана?

Мужчина быстро открыл дверь гостю, и недоуменно замер. На пороге стояла Вика. Бледная, кучерявая, в джинсах и простой белой майки.

— Доброе утро, — сказала она, — к тебе можно? Ты один?

Макс не мог не заметить, как Вика заглянула в комнату, через его плечо.

— Конечно, проходи, — спокойно сказал он.

Куда подевался тон таинственного соблазнителя?

Макс по-хозяйски распахнул дверь перед Викой.

Девушка медленно вошла, внимательно изучая его берлогу. Здесь конечно, было гораздо чище, чем в его «любимой» квартире.

— У тебя светлая комната, — тихо произнесла она.

— Да, — согласился он.

Вика подошла к окну, и выглянула во двор. Несколько десятков машин никак не могли разъехаться внизу.

— Что там происходит? — спросила она.

— Отец отменил остальные мероприятия. Маме сейчас не в состоянии. Она растила Барса с младенчества...

— Понимаю... — Вика снова замолчала, выглядывая в окно.

Потом девушка решительно задернула шторы, и, скрестив руки на груди, обернулась к Максиму. Тот приготовился слушать.

— Я вчера думала... о нас, — собравшись с духом, начала она.

Максим затушил сигарету. И вновь обратив на Вику вопросительный взгляд, вскинул бровь, в безмолвном вопросе.

— Одним словом, я... — Вика подошла к Максиму, — я...

Она изучала его внимательное, сосредоточенное лицо, и решила больше ничего не говорить. Девушка притянула его к себе, и подарила горячий поцелуй. Второго приглашения Максиму не требовалось. Он жадно целовал ее, утопая в ее роскошных волосах, и наслаждаясь неожиданным подарком. Она сама стянула с себя майку, потом сняла с Макса футболку. Пара судорожно дарит друг другу ласки, боясь, что сейчас кто-то из них остановит это безумие, скажет, что все не правильно, что они едва знакомы, что ненавидят друг, что сейчас, в конце концов, полдень, и солнечный свет бесцеремонно поглядывает на их обнаженные тела, сплетенные в страстных объятиях.

Максим, как безумный, прижимал к себе ее тело, понимая, что сейчас важен для него не сам секс, хотя он оказался очень даже хорош, а тот факт, что ее голова покоится на его плече. Именно об этой тяжести, он и мечтал, когда сделал предложение Лиане.

Вика, раскинув кудри по его груди, вскинула на Макса расслабленный взгляд.

— Макс?

Семенов посмотрел в ее лицо, и нежно поцеловал.

— Черт, Воробьева, мы с тобой созданы друг для друга, — хмыкнул он, и потянулся за сигаретой.

Вика тихо засмеялась.

— Почему? — спросила она.

— Ну, во-первых, ты быстро и бесповоротно принимаешь решения. И, надо сказать, верные.

Вика снова засмеялась.

— Во-вторых, ты чертовски сексуальна в джинсах и майке.

— А в-третьих?

— В-третьих, такой нагоняй, что ты устроила мне в той статье, я получал, разве что от мамы...

Они снова засмеялись.

Вика расслабленно потянулась, и села.

— Ты куда? — нахмурился Макс.

— Мне нужно в туалет, — откликнулась она, и быстро натянув его футболку, шмыгнула в ванную комнату, совмещенную, собственно, с отхожей комнатой.

Едва за Викторой захлопнулась дверь, в комнату вошла Лена.

— Эй, какого дьявола ты делаешь в постели? Уже обедать пора, ты что спал?.. — Лена смолкла, при виде женского белья, что небрежно свисало со спинки кресла, и заинтересованно вскинула бровь, — И кто твоя новая пассия? Надеюсь, не Лиана? Эта шлюшка меня раздражает...

Макс молча смотрел на сестру, не желая делиться с ней, в первый раз в жизни.

— Ну что ты молчишь?

— Тебе не кажется, что ты не вовремя? — устало, спросил Макс, затушив сигарету.

— Да брось ты, я твоя сестра, — Лена села в кресло, небрежно скинув Викино белье на пол, — так кто она? Неужели эта курчавая журналисточка? Bravo Макс! Ты все же ее приручил? Молодец! Всегда слушай моего совета. За хороший секс она будет писать о тебе

все, что ты попросишь...

Дверь в ванную комнату медленно открылась. Лена оглянулась.

— Ах, я все же угадала! — холодно улыбнулась она, — Что ж, Макс, прими мои поздравления! Ладно, я пойду, раз у вас такие дела... — и Лена тут же скрылась, словно явилась столько для того, что бы уничтожить этот прекрасный момент...

Максим взглянул на Вику. Та сразу как-то похудела, и его футболка болталась на ней. Девушка подошла к креслу, и быстро надела белье, потом джинсы.

Семенов быстро надел халат, чувствуя, ощущая приближение бури. Неужели она там все услышала? Всю эту гадость, что говорила Лена?

— Вика?

Девушка натянула майку, пряча от него взгляд, и двинулась к двери.

— Вика! — Макс поймал ее запястье.

Воробьева подняла на него мокрые от слез глаза и ударила по лицу. Голова Максима дернулась по траектории, и жар разлился по щеке.

— Больше никогда не подходи ко мне, — ледяным голосом сообщила она, и вырвав руку из его хватки, быстро пошла прочь.

Максим двинулся за ней.

36.

Маша внимательно изучала диаграмму, Сергей не казался таким увлеченным. Он вообще пребывал в некоем недоумении. Вчерашний вечер даже ему показался волшебным. А она ведет себя так, словно ничего не было вообще. А он понадеялся, что уже на пол шага приблизился к победе. Теперь-то Скворцов понял, что Семеновская душа требует особого подхода, или большой любви.

— Маш?

Девушка недоуменно взглянула на Скворцова. Кажется, прежде он ее никогда по имени не звал.

— Я вас слушаю, — как можно более официально отозвалась она.

Скворцов, скрыв недоумение за ехидной ухмылкой, воззрился на девушку.

— Ты всегда так делаешь?

— Как? — непонимающе она округлила глаза.

— Ну, после свидания с парнем, ты всегда делаешь вид, что ничего не было?

— Я на работе. А работа не имеет ни какого отношения к моей личной жизни, это, во-первых, — Маша поискала на столе какой-то график, и таблицу, и вернулась в кресло, — а во-вторых, я просто тебе подыграла. Это ведь просто игра, ты забыл?

Скворцов нахмурился.

— То есть то, что было вчера, ты воспринимаешь, как нечто не стоящее внимания? — он грубо выхватил бумаги из ее рук, и, отшвырнув их в сторону, присел около Маши на корточки.

— А что вчера было такого особенного?

— Не надо изображать из себя неизвестно кого! — Скворцов разозлился по-настоящему, и Маша поздравила себя с первой маленькой победой. Он теряет самообладание, это ей только на руку, — Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

Маша взглянула на Сергея.

— Давай обойдемся без выяснения отношений, хорошо? И потом, не было ничего,

достойного нервотрепки сейчас. Оставим это на потом, хорошо? Нас все еще ждет работа, — сказала Маша, и, склонившись к Скворцову, легко поцеловала его в губы, — ну что? Так полегче?

Сергей улыбнулся. В детстве мама всегда так спрашивала, если Сережа, не дай бог, поранился. Она целовала не сильную, но болезненную рану, и спрашивала: «Так полегче?». Скворцов другими глазами взглянул на женщину сидящую перед ним, и отошел подальше. Уж очень угрожающей она ему показалась. Скворцов не хотел признавать, что струсил, но именно так оно и было. Впрочем, Маша тут же об этом догадалась.

— Может, поужинаем сегодня вместе? — спросила она, заметив его неожиданное отчуждение.

Скворцов кинула на Машу настороженный взгляд, который Семенова предпочла не заметить, или сделать вид, что не заметила, и сказал:

— Конечно, без проблем. Я с удовольствием. А ты, куда бы хотела?

Даша лежала в кровати, свернувшись клубочком. Андрей Лесной только что вышел по каким-то своим делам, но обещал очень скоро вернуться. Девушка ощущала себя пустой и одинокой. Она совсем расклеилась за последние несколько дней. Но, почему-то ей казалось, что жизнь остановилась...

Дверь чуть слышно скрипнула. Напуганная утренним происшествием, Даша резко оглянулась. В комнату вошел Антон.

— Господи, ты, что следил за моей дверью?

— Вообще-то это и моя комната тоже. Я ночую в гостиной, только из вежливости, и чувства вины. Хотя, этот твой доморощенный фотограф с таким же успехом мог обитать в своей комнате.

— Моя личная жизнь не твое дело, — устало сообщила Даша, — уходи.

— Так значит, он перекочевал из фотографов в личную жизнь?

— К чему ревность? Ты потерял на меня права, как только сунул своей стажерке.

Антон сморщился.

Даша и сама понимала, что говорит чрезмерно грубо, но ей было так больно и обидно.

— Даша, я ведь пришел сказать...

— Я не хочу ничего слышать. Ты уже сказал достаточно. Ты раскрыл мне глаза на нашу жизнь. Не утруждайся.

Антон подошел к кровати, и лег с краю, заглядывая в Дашино лицо.

— Я ведь все равно люблю тебя, — прошептал он, и нежно ее поцеловал, — а теперь, когда у нас будет ребенок, все будет по другому, поверь мне.

Даша смотрела на Антона, всей душой желая верить, но все же понимая, что все это ложь.

— Ты просишь меня верить тебе, после всего, что было?

Антон убрал прядь ее волос за ушко, и скользнул пальцем по ее щеке.

— Ну, ты ведь училась на психолога, и лучше меня знаешь, что секс для мужчин ничего не значит...

— Зато он много значит для женщин. Что ты сказал ей, той рыжей?

Антон замолчал, и Даша поняла — ничего. Он оставил эту стажерку в своих любовницах. Девушка закрыла лицо руками, не желая показывать ему свои слезы. Она медленно встала с кровати, и покинула комнату, оставив мужа одиноко смотреть ей в след.

Девушка, все еще сжимая заплаканное лицо руками, ворвалась в комнату журналиста, в надежде поговорить с ним, и, желая, что бы его ни было.

Даша была только в легком халатике, и белом белье. Она хотела одеться, но сил не было. И вот она, почти голая оказалась в комнате Андрея. Тот недоуменно выглянул из ванной. Парень был в набедренном полотенце, и с электробритвой в руках. При виде заплаканной Дарьи, Андрей быстро оставил свои дела, и подошел к девушке.

— Господи, что еще произошло? — эта семейка положительно ему импонировала, здесь страсти так и бурлили!

Даша вскинула к Андрею заплаканное лицо, и быстро развязала поясok на халатике.

Лесной недоуменно опустил глаза на представившуюся картину. Даша стояла перед ним, раскинув полы халата, в полупрозрачном белье. Потом вновь поднял вопросительный взгляд на Семенову.

— Что со мной не так?! — истерично спросила она, слезы катились по ее щекам, — Чем я хуже них? Мне всего двадцать два! Скажи, Андрей, как я тебе, а? Ну что ты молчишь?! — Даша шагнула к парню, и пихнула его в плечо, в надежде разворошить, вывести из оцепенения, потому что фотограф был чрезмерно удивлен, — Почему ты молчишь?!

Девушка колотила его в грудь тонкими кулачками, заливаясь слезами. Андрей осторожно ее прижал к себе, сминая слабое сопротивление. Даша вскинула заплаканное лицо, и Лесной тут же принялся покрывать его поцелуями, пока их губы не встретились. Андрей принялся целовать ее с неожиданной горячностью, которой он от себя, и не ожидал.

Даша недоуменно отшатнулась, и запахнула халат.

— Прости меня, проклятье! Не знаю что со мной, — тяжело дыша, Андрей разумно отодвинулся от Даши, чьи слезы высохли так же внезапно, как и появились.

Девушка смотрела на него удивленно, словно только что поняла что-то важное для себя, неожиданное.

— Ты меня тоже прости, я в последнее время, словно не в себе, — прошептала Даша, — я пойду...

Не дожидаясь, когда он что-то скажет, Даша покинула комнату.

Лесной проводил ее задумчивым взглядом, и вернулся к бритью. Но теперь ход его мыслей был жестоко изменен.

37.

Максим остановился перед резко захлопнувшейся дверью.

— Вика! — позвал он, но ему никто не ответил, — Вика, черт, открой! Ты не правильно все поняла!

Послышались шаги, дверь приоткрылась. Из — за неё выглянула Ксюша.

— Где она? — Макс едва не оттолкнул сестру, но Семенова стала на защиту подруги.

— Оставь ее в покое, — остановила Ксюша Максима, — просто отстань.

— Я люблю ее, черт! Впусти меня!

Ксюша упрямо сжала губы.

Неожиданно в соседней комнате послышался испуганный выкрик, Максим, и Ксюша недоуменно взглянули на приоткрытую в Наташину комнату дверь.

Брат с сестрой испуганно переглянулись, и двинулись к соседней двери. Едва они достигли дверного проема, как из комнаты появилась бледная, как полотно Лена. Ничего, не

спрашивая, Макс вошел в комнату Наташи. Там царил жуткий разгром. У двери валялась картина кисти Наумова, тот самый Ксюшин портрет изуродованный, изрезанный. Неприятный холодок ужаса скользнул по спине мужчины. Он кинулся в приоткрытую дверь ванной, и картина, которую он там увидел, заставила его содрогнуться.

В ванной лежала Наташа, ее руки были раскинуты, и из перерезанных вен потоками лилась кровь по бортам ванны, и в смешивалась с прозрачной водой, придавая ей устрашающий оттенок. На полу, в луже розовой крови валялась бумажка, где было выведено четким подчерком Натальи: «Мне не зачем жить, если мой любимый обманул меня с моей сестрой. Ненавижу вас, ненавижу...».

Максим, скользнув по бумажке невнимательным взглядом, судорожно начал искать пульс на шее сестры, но пульса не было.

Ксюша осторожно заглядывала в комнату сестры, под уничтожающим взглядом Елены.

— Я знала, что ты эдакая тихоня не проста, — дрожащим голосом, и, не скрывая отвращения, произнесла Лена, — но только сейчас до меня дошло, какая ты тварь на самом деле.

Художница испуганно оглянулась на сестру, которая, казалось, была на грани истерики, и, преодолевая страх, снова заглянула в Наташину комнату. Заметив свой изуродованный портрет, Ксюша все поняла. Они узнали о Кирилле, все узнали...

Дверной проем закрыл собой Макс. Его лицо было устрашающим, он обратился на Ксюшу черный, убийственный взгляд.

— Где он? — утробным голосом спросил он.

Ксюша неосознанно отступила.

— Где он! — Макс буквально рявкнул на младшую сестру.

— Кто?

— Этот твой... Наумов.

— Он... уехал. А что произошло, господи?

— Наташа покончила с собой, — чуть слышно сказала Лена, — из-за тебя.

Ксюша, не желая верить, кинулась в Наташину комнату.

Максим взглянул на Лену.

— Вызови, кого следует. Маме ничего не говори, она спит. Сообщи только отцу, пусть он решает...

Лена покорно кивала, словно разом лишилась своей королевской стати, и двинулась к телефону.

Макс, с лицом убийцы, двинулся куда-то.

— Ты куда? — испугалась Лена.

— Я найду этого мудака... — сжимая кулаки, сообщил Макс, и бросился вниз по ступенькам. Через несколько минут во дворе газанул его мотоцикл.

Маша и Сергей, что красиво одетые, медленно выезжали со двора, в надежде посетить ресторан этим вечером, недоуменно переглянулись, и пропустили мотоциклиста. Едва он скрылся за поворотом, машина мягко покинула двор.

Выглянув в окно, и отметив, что Максим куда-то быстро уехал, Вика вызвала такси, и тяжело спустила свой чемодан со ступенек. Она хотела уйти незамеченной. Воробьева не могла принять позора, и насмешек этой проклятой семейки.

Желтое такси посигналило у ворот. Вика быстро забралась в машину, и автомобиль мягко двинулся прочь, едва не столкнувшись со «скорой» на переезде путей. Вика испуганно

проводил машину взглядом, и снова заплакала, размазывая чистые слезы по щекам.

Ксюша, при виде синего лица своей сестры, сажала рот рукой, боясь, что ее вырвет. Девушка едва не на четвереньках покинула Наташину комнату. Она не ощущала слез, что льются в три ручья по ее щекам, не чувствовала боли. словно от нее часть отрезали, и осталась пустота...

Во дворе послышались гудки скорой, и замелькали автомобили милиции.

К Наташиной комнате уже бежал бледный папа, за ним шла Лена.

Ксюша кинулась к гаражу, откуда довольно ловко вывела автомобиль журналиста, и двинулась к Кириллу, предупредить обо всем, на случай, если Максим все же его найдет...

Елена проклинала себя, за что сказала отцу, но не говорить нельзя, все же Наташа и его дочь...

Лена на секунду скрылась в своей комнате, в надежде получит утешение от Гриши, но того в комнате не оказалось, только записка: «Вызвал агент. Скоро вернусь». Елена смяла клочок бумажки и расплакалась в голос.

— Что случилось? Что опять произошло? — послышался испуганный голос Даши.

— Я не знаю, — отозвался Антон.

Лена осторожно стерла слезы, и вышла к супругам. В ту же секунду на третьем этаже появился Лесной, с фотоаппаратом наперевес. При виде лица сестры, Даша пошатнулась и схватилась за мужа.

— Наташа... покончила с собой, — выдавила Лена.

— Господи, господи... — запричитала Даша, и тут же разревелась.

Мимо прошествовали двое, в белых халатах, на носилках они несли Лену. Рядом бежала медсестра, и несла капельницу.

Андрей недоуменно взглянул на Лену.

— Но ведь капельница... она ведь еще жива, да? — осторожно спросил он.

Мимо пронесся Иван, и все поняли, что он намерен, отправится вместе с врачами в больницу.

— Поехали, — кинул Антон, и троица шустро скрылась, оставив Лену в осиротевшем в миг, коридоре.

Женщина подошла к окну, пытаясь решить, что ей делать теперь, и неожиданно вспомнила о Максе. Если он столкнется с художником, он просто его убьет...

Актриса спустилась вниз, и легко вырвав с пустого двора, двинулась прочь из дома, уверенная, что Макс вряд ли уехал далеко, и она еще успеет его перехватить.

Сумерки медленно опускались на лесную, пустынную дорогу.

Лена осторожно покосилась на угрожающе мигающую кнопку на панели. Что-то в ее «Феррари» оказалось неисправным, о чем умная машина решила сообщить.

И в ту же секунду заглохла. Лена быстро выбралась из машины, и тут же услышала странный шум из леса. Здесь, на дороге, в темнеющем лесу, было, мягко говоря, не уютно.

Где-то вдалеке послышался визг тормозов. Лена попыталась завести машину, и та на чудо, чуть слышно зашумела, оповещая, что все в норме.

Елена поднажала на педаль газа, понимая, что мог, и Макс там визжать тормозами.

Лена выскочила к переезду, и, проигнорировав опускающийся шлагбаум, заехала на рельсы. Она не сразу заметила, как угрожающе заморгала аварийная лампочка на панели. Семенова жала на газ, а автомобиль, издав устрашающий хлопок, заглохла прямо на рельсах. Семенова испуганно оглянулась, под надоедливый перезвон, что извещал о приближении

поезда. И увидела в ста метрах от своей машины, приближающийся на полной скорости поезд. Лена рванула дверную ручку, и дверь легко подалась. Женщина рванулась выходить, но ее задержал ремень безопасности. Истошно загудел поезд, Семенова оглянулась и закричала.

Ее вопль потонул в чудовищном грохоте от соприкосновения металла кабины поезда и «Феррари».

Дежурная на переезде зажмурила глаза, подавив вопль ужаса. Ей не показалось, это, и правда нога покатила прямо к ступеням ее будки.

Ксюша ударила по тормозам, оставив черные следы от колес на асфальте, при виде машины Кирилла, и валяющегося на дороге мотоцикла Макса.

Девушка спустила автомобиль на обочину, и выскочила из машины. Послышался тяжелый удар где-то в глубине леса, как раз с той стороны дороги, где был оставлен транспорт.

Ксюша кинулась в глушь, тщательно прислушиваясь. Она слышала тяжелое дыхание, звуки побоев. Вот, замелькали силуэты. Семенова ускорила шаг, и появилась на поляне, как раз в тот момент, когда Максим отправил Наумова в нокдаун. Мужчина тяжело упал на сырую после вчерашнего дождя, землю.

— Макс! Прекрати! — закричала Ксюша.

Максим подбежал к Наумову, и с силой ударил его ногой в грудь. Кирилл безвольно дернулся. Ксюша накинулась на брата, заливаясь слезами. Она видела, что лицо Наумова превратилось в кровавое месиво, что художник совсем не сопротивляется, что вся его одежда в крови. А Макс, словно зверь, не останавливался.

Ксюша царапала лицо Максима, кусала его до тех пор, пока мужчина не скинул ее, грубо и достаточно сильно, что бы девушка отлетела на пару метров. И только тогда он пришел в себя, и пораженно замер. Оглянулся на Ксюшу, которая размазывая слезы по лицу, на четвереньках подползла к Кириллу, и нежно коснулась его изуродованного лица. Он не дышал. Дрожащими руками Семенова поискала пульс. Пульса не было.

— Ты убил его! Убил...

Максим склонился к телу, и искал пульс. Но перед ним уже не было талантливого художника, только изуродованная грудa мяса и костей.

На трассе, где Ксюша и Макс оставили свои транспортные средства, послышался визг тормозов, а потом крики.

Ксюша ничего не видела, она рыдала, поглаживая когда-то прекрасное лицо Кирилла, и что-то причитая.

Макс услышал приближение других людей, по шелесту травы, и испуганным голосам.

— Максим!

Семенов оглянулся и увидел Дашу с мужем, и журналистом, что пораженно замерли в нескольких метрах.

Даша оглядывала окровавленную одежду Максима, и никак не могла понять, что же произошло...

— Наташа жива, ей увезли на «скорой», — начала Даша.

Максим молча оглянулся на изуродованный труп, и прибывшая тройка, наконец, все поняла.

А на железной дороге послышался чудовищный грохот.

38.

Ольга проснулась неожиданно. Она ни как не могла понять, что заставило ее проснуться, и поэтому села и прислушалась.

Темная комната была тихой. Ни где не было слышно голосов детей, и Вани не было рядом.

Оля встала с постели, и щелкнула выключатель. Свет моментально осветил, пустую комнату.

Семенова вышла в коридор, и тот был пуст. Где все? Куда могла в мгновения ока подеваться ее огромная семья?

Ольга тщательно завязала полы своего халата, и осмотрела комнаты на втором этаже. Нигде никого. Ни записки, ни какого-нибудь знака, чтобы женщина могла догадаться, что к чему...

Неожиданно сзади послышались шаги. Ольга оглянулась, но никого рядом не оказалось, только легкая тень мелькнула на лестнице вверх.

Женщина двинулась за ней следом.

— Ксюшенька это ты?

Но Ольге никто не ответил.

Женщина поднялась на третий этаж, там царил полумрак, двери были все распахнуты, и то тут то там что-то валялось, словно в спешке брошенное кем-то.

Ольга шла по пустому коридору, заглядывая в распахнутые двери, но там было так же пусто, как и везде. Заметив жуткий бардак в комнате Натальи, Оля очень испугалась. Что если это утренний гость?

Женщина бросилась прочь с третьего этажа, вниз и вниз, выскочила на улицу и направилась к штабу охранников, где горел свет. Их маленький домик был у ворот, и Ольга, нервно оглядываясь, миновала огромный двор.

Она вбежала по ступенькам, толкнула дверь, но домик оказался пуст. На столе дымился кофе, лежал раскрытый журнал, дымилась сигарета, а охранника нет. Женщина осмотрела дом, но никого не обнаружив даже в туалете, решила вернуться в свой дом. Она вышла из домика, и неожиданно осознала, что свет во всем доме погас. Волоски на затылке женщины зашевелились. Она кинулась к парадной двери, уже не контролируя дрожь и панику.

Дверь оказалась запертой. Разве она ее запирала, когда уходила? Нет. Более того, Ольга хорошо помнила, что оставила дверь п р и о т к р ы т о й.

Оля побилась у двери несколько секунд, и бросилась к двери, что вела из сада, напрямик на кухню.

Темный сад, покачивая жуткими скрюченными ветвями, угрожающе шелестел. Ольга могла поклясться, что слышала шаги за спиной, но обернуться боялась. Что если там правда кто-то есть? Что если это не ее воспаленная фантазия?

Женщина рванула кухонную дверь, и та легко открылась. Ольга забежала на свою кухню, и замерла в темной тишине. Она помучила выключатель, но свет так и не зажегся. Женщина на ощупь нашла ящик в кухонном столе со всеми столовыми предметам, и достала кухонный нож.

Хлопнула где-то дверь. Ольга тихо заскулила, ощущая, как холодные слезы текут по ее щекам. Ее охватил ужас, кровь леденела в жилах, но женщина двинулась к ближайшему телефону, который стоял на красивом столике в гостиной. Семенова холодными пальцами взяла трубку, приложила ее к уху, и ей тут же ответили судорожные, короткие гудки,

извещающие о каких-то авариях на линии. Телефон не работал.

Неожиданно вспыхнул свет. Ольга вздрогнула и оглянулась. На большом обеденном столе лежал большой лист бумаги. Женщина подошла, и увидела смутно знакомый почерк. Это что? Она сама писала? Почерк уж очень походил на собственный, Ольгин. Женщина взяла бумажку, и прочла: «Я не могу жить с сознанием того, что моя дочь мертва. Простите меня, я слишком слаба, что бы жить с таким горем на сердце. Ольга».

Ольга перечитала записку еще раз, пытаясь вникнуть. Какая дочь? И почему чужак подписался ее именем?

По дому разнесся устрашающий скрип. Ольга испуганно уронила бумажку, за окном очередной порыв ветра рванул растительность, и деревья с грохотом обрушились на стекла. Снова погас свет. Ольга сжала нож, внимательно прислушиваясь. Она не намерена быть жалкой жертвой в с в о е м доме!

В левом крыле послышался какой-то шум. Женщина двинулась туда. Может, кто-то из гостей еще остался? Вряд ли это воры, ведь кто мог знать, что никого дома не окажется?

Семенова миновала пустой и темный банкетный зал. Ее шаги эхом раздавались вокруг, и Ольга шарахалась от своей тени.

Она миновала спорт зал, но и там все было спокойно.

Потом женщина вошла в помещение, где располагался семеновский бассейн. Здесь было не так темно. Лунный свет отражался от поверхности воды, но сама вода казалась невероятно темной.

Ольга осторожно двинулась по над бассейном, в надежде обойти его, и достигнуть противоположной двери, которая выходила обратно в коридор.

За огромными окнами сверкнула молния, на секунду осветив все вокруг, и тогда Ольга вспомнила, что, возможно, ей удастся найти фонарик в кладовке, дверь от которой выходила именно в нужный ей коридор.

Оля ускорила темп. Здесь было особенно неуютно, из-за разыгравшейся бури за окном.

Семенова не заметила маленькую лужицу на белоснежном кафеле, неуклюже поскользнулась, уронила нож, и, взвизгнув, упала в воду.

Прохладная вода, словно кисель обволокла ее, женщина, отфыркиваясь, поднялась на поверхность, отмахиваясь руками от воды, как неожиданно ее пальцы коснулись чего-то гладкого, мягкого и холодного, словно мягкой резины. Женщина оглянулась, сверкнула молния, и Ольга закричала, прижавшись к борту бассейна. Над темной водой всплыл труп охранника.

Ольга быстро выбралась из бассейна, и побежала прочь оттуда, не оглядываясь. Достигнув кладовки, Ольга быстро нашла фонарик, и только тогда вспомнила, что потеряла нож. Она неуверенно оглянулась на дальнюю в коридоре, дверь, из которой только что пришла, и окончательно решил не возвращаться туда.

Семенова судорожно думала, пока вдруг не вспомнила о пистолете, что Ваня хранил в ящике своего стола в кабинете, «на всякий случай». Ольга добралась до кабинета, крадучись, достала пистолет, и осторожно проверила заряд. Женщина не знала, что это за пистолет, какого диаметра его гильзы, с какого расстояния он стреляет, и в чем его особенность и отличность от других, важно для нее было только то, что этот предмет может спасти ее от невидимого преследователя, что оказался в ее доме.

На третьем этаже хлопнула дверь. Ольга взвела курок, и собрав всю волю в кулак, двинулась на верх.

На этот раз все двери были заперты, кроме двери в Ксюшину комнату, так же было распахнуто и окно, ведущее на крышу. Ветер безжалостно трепал шторы, начали падать первые капли.

— Кто здесь? — твердо выкрикнула Ольга, стараясь перекрычать гром.

Женщине никто не ответил. Семенова вошла в комнату, и настороженно изучила углы. Сверкнула молния, и дверь в Ксюшину комнату неожиданно захлопнулась. Ольга испуганно оглянулась, осветив фонариком человека, что тщательно запирает комнату на ключ.

Длинные темные волосы ниспадали по тонким плечам, одета во все черное, стройная... женщина обернулась, и Ольга ее узнала.

— Это вы? — выдохнула Оля, отступив, при виде безумного взгляда Родниной.

— Я, — сказала женщина, и вскинула пистолет, — на крышу, быстро!

Ольга благоразумно спрятала свой пистолет между складок мокрого халата, и выбралась на крышу.

Женщина вылезла следом.

— Прыгай, — сказала она.

Ольга оглянулась на женщину.

— Зачем вы это делаете? — испуганно спросила Семенова.

— Ничего личного, — спокойно начала Анжела, — просто Ваня смущен вашим присутствием, вот и все. Ну, вы не переживайте, Ольга Петровна, никто не узнает, что я убила вас. Вы видели свою предсмертную записку?

Ольга вздрогнула под очередным порывом ветра. Холодная одежда совершенно не защищала.

— Там написано о смерти моей дочери...

— А вы не знаете? Ваша старшая дочь покончила с собой. Забавно, что вы не в курсе.

Ольга ледяным изваянием замерла на краю крыши. Нет, нет, не может быть! Нет!

— Прыгай! — Анжела шагнула к Ольге, в надежде ее толкнуть.

Семенова вскинула пистолет, и нажала спусковой крючок. Прогремел выстрел, Роднина, раненная в руку, упустила свой пистолет, и тот скатился по покато́й крыше, и упал на подъездную аллею.

Анжела зарычала, как кошка от злости, и накинулась на Ольгу. Семенова, оглушенная выстрелом и отдачей, ослабла, и тут же упала, выронив свой пистолет, который тоже настиг своего собрата на подъездной аллее. Роднина навалилась на Ольгу и сжала ее шею. Семенова хрипела, чувствуя, как силы ее покидают. Черепица с глухим стуком осыпалась с крыши. Схватив один расколотый черепок, Оля с силой ударила Анжелу по голове, та на секунду ослабла. Этой секунды Семеновой хватило, чтобы столкнуть Роднину с себя и подняться. Анжела тоже попыталась встать, но черепица заскользила под ее ногами, и женщина в мгновения ока соскользнула вниз.

Ольга подошла к краю крыши и испуганно глянула вниз.

Анжела Роднина лежала там, свернув руки и ноги в неестественные позы.

Мелькнула молния, и хлынул крупный, ледяной дождь.

На подъездной аллее показался автомобиль Маши и Сергея.

Мужчина недоуменно выбрался из-за руля, и замер над трупом неизвестной, не обращая внимания на ледяной дождь.

Иван подъезжал к своему дому уже за полночь. Мыслей не было. В его голове никак не укладывалось, как Наталья могла порезать себе вены? Пускай даже из-за художника? Неужели...

Мысли Вани оборвались, едва он въехал во двор. Подъездную аллею Семеновых заполнили «скорая», несколько машин милиции, у самого края стоял автомобиль уже знакомого Ивану следователя.

Семенов вне себя от предчувствия ужасного, выскочил из машины, даже не выключив зажигания, и кинулся к дому. Ему пригородили дорогу двое. Иван проследил за их взглядами, и увидел на асфальте тело, укрытое простыней.

— Кто? — хрипло спросил он.

— Личность еще не установлена, — сухо ответил один из охранников.

— Где моя жена?!

— Ваша супруга в доме, Иван Петрович.

Семенов оглянулся на подошедшего сзади следователя, и не дожидаясь его объяснений вбежал в дом.

Ольга сидела на своем бежевом диване в гостиной, укутанная в одеяло. Маша молча капала ей «корвалол». Сергей ей что-то успокаивающе бормотал.

— Что стряслось? Где все? Кто там, на аллее?

Ольга вздрогнула, и устремила на мужа уничтожающий взгляд.

— Не подходи! Это ты заставил ее убить меня! — истерично выдала она, и прижалась к рекламному агенту.

Сделав два шага, Иван замер на полпути.

— Кого?

— Здесь была твоя новая помощница, Анжела Роднина, — спокойно сказала Маша, — она напала на маму, убила охранника. Но сама случайно соскользнула с крыши.

— Итак, друзья мои, — в гостиной появился следователь, — я смотрю сегодня, на вас скверно влияют планеты...

Иван обратил на следователя злой взгляд.

— Прекратите этот цирк! Что вам нужно?

— Ну, для начала я бы хотел понять, почему все самые громкие дела сегодня связаны с фамилией Семеновых?

Иван достал сигарету, и закурил.

— По-вашему, неудачная попытка самоубийства, и нападение ревнивой женщины на мою жену — громкие дела? — кинул он, раскуривая сигарету.

— Так Наташа выживет? — вскинулась Ольга.

— Она в реанимации. Дело плохо. Потеряла много крови, но доктора, вовремя влили в неё какую-то дрянь... пока ее состояние стабильное.

Маша и Сергей переглянулись.

— Почему вы мне не позвонили? — воскликнула девушка, — Моя сестра едва не погибла, а вы...

— Я могу продолжить? — перебил следователь, — вы сегодня столько наворотили, что я боюсь, не разгребу и за год.

Семеновы обратили на следователя недоуменные взгляды.

— Что еще произошло? — теряя последние надежды, спросил Иван.

— Сегодня, в восемнадцать тридцать были задержаны — Семенов Максим Иванович, Семенова Ксения Ивановна, Титова Дарья Ивановна, а также ее супруг, Титов Антон Васильевич, и фотограф Лесной Андрей Алексеевич...

— За что?

— По подозрению в убийстве Наумова Кирилла Семеновича...

Семеновых передернуло, они как-то разом обмякли, все, кроме рекламщика. Тот лишь недоуменно уставился на следователя.

— Художника убили? — переспросил он.

— Да, ведется следствие. Далее. В восемнадцать двадцать черная «Феррари» зарегистрированная на имя Семеновой Елены Ивановны была уничтожена скорым поездом на переезде не далеко от вашего дома.

Внутри Ольги что-то оборвалось.

— Она погибла? — слабо спросила она.

— Нет, на удивление, — хмыкнул следователь, — правда ноги она лишилась. Дежурная высвободила потерпевшую из машины, и отправила в ближайшую больницу на попутке.

— В какую больницу? — встрепнулся Иван, стойко перенося удар за ударом судьбы.

— Пока мы найти ее не можем. Но дежурная довольно подробно описала автомобиль помощника...

Камера была маленькой и душной. Узкая лавочка едва умещала на себе пять человек, временных обитателей этой камеры в участке.

Ксюша сидела в стороне от всех. Ее руки были по-прежнему в крови, а лицо безмолвной маской.

Максим сидел напротив. Тоже весь в крови Наумова. Ему хотелось курить, но сигареты забрали. Его лицо по-прежнему устрасяюще кривилось. Только сейчас Ксюша поняла, каким зверем был ее брат.

Притихшая тройка, чета Титовых и фотограф, молча думали о своем, всеми силами стараясь уложить все произошедшее в одну четкую картину.

Даша прильнула к Андрею, и муж ревниво вскинулся.

В пустом коридоре послышались шаги.

— Эй, вы, семейка маньяков, на выход! Кроме этого злющего футболиста. Ты останься до лучших времен. Тебя не велено выпускать.

Даша, Антон и Андрей поднялись, и двинулись к открывшейся двери камеры.

— А тебе, что? Особое приглашение нужно?! — обратился надсмотрщик к безжизненной Ксюше.

Даша быстро подбежала к сестре, и осторожно подняла ее. Мужчины помогли беременной женщине. И вскоре безвольное тело юной художницы вынесли из камеры.

Максим остался один. Один на один со своими грехами. Один на один со своими кошмарами.

Часть 9. Сосед.

40.

Лена тяжело открыла веки. В комнате было светло. Место было не знакомым. Все здесь было чужим. Только из-за окна слышался знакомый шум дождя в лесу. Капли бьются о листья, ветер треплет ветви...

Боль.

Боль пришла вслед за ощущением чужого окружения. Боль была везде. Лена не чувствовала ничего, кроме боли. Боль и не возможность двинуться, пошевелиться, что-то сказать. Ей казалось, что язык превратился в безжизненный кусок мяса у нее во рту. Она хотела позвать на помощь, но не могла.

Лена не понимала времени, не знала, сколько пролежала так, с приоткрытыми веками превозмогая боль, и пытаясь понять, вспомнить, что она делает здесь. Почему все болит.

Скрипнула дверь.

Лена взглянула на неожиданного гостя.

В комнату вошел не знакомый человек. Довольно высокий, с проглядывающей сединой. Верно, сверстник ее отца. Одет был хорошо, даже дорого, судя по качеству ткани рубашке.

Лена смогла рассмотреть, когда мужчина устанавливал поднос с едой на тумбочке, рядом с кроватью.

— Доброе утро, моя прекрасная роза, — произнес он, и отодвинул темную прядь с лица Елены.

Женщина хотела сказать, что ее зовут Лена, что у неё все болит, что ей плохо...

Но губы и язык были не подвижны.

— Тебе, наверное, очень больно, — сказал мужчина, и довольно проворно достал из прикроватной тумбочки шприц и какую-то ампулу.

Перетянув правую, бесчувственную руку жгутом, он вколол Елене лекарство. Женщина ничего не ощутила. Она внимательно вглядывалась в лицо незнакомца, стараясь вспомнить его, возможно, ей удастся подать ему знак. Может он, просто не знает кто она, и поэтому привез ее домой.

Медленно боль утихала. Мужчина с блаженным видом наблюдал за ней.

— Ну что? Тебе лучше? Может, поешь?

Лене есть не хотелось, да она и не могла.

Мужчина застелил ее грудь полиэтиленом, и взял с подноса невысокую пиалу, от которой исходил аппетитный аромат.

— Тебе нравится у меня? — спросил он, протягивая Лене первую ложку супа.

Женщина не двинулась, рта не открыла, и суп растекся по ее лицу.

Жидкость, наверняка была горячей, потому что из пиалы исходил пар, но Лена не почувствовала ожога.

Мужчина выругался, отставил суп в сторону, и подсунул под голову Елены еще несколько подушек, так, чтобы ее голова оказалась приподнятой над телом. И тут Семенова увидела свое тело. Оно было накрыто опавшей простыней, которая пропиталась ее кровью. Одной ноги не было, руки, что были уложены поверх простыни, синеватые, и вывернутые под неестественным углом.

Лена посмотрела на своего благодетеля, стараясь понять, зачем он привез ее сюда? Почему не везет в больницу, ведь тело... ее руки правда похожи цветом на молодую сливу?

— Не пугайся. Ногу я перевязал, антибиотики колю. Ручки сегодня вправлю. Какая тебе разница, ты ведь все равно ничего не чувствуешь...

Елена вскинула на мужчину непонятливый взгляд. Этот человек насмехается над ней?

Он принялся заливать ей в рот суп. Она закашлялась, когда показалось, что задыхается.

Мужчина быстро обтер суп с ее лица, и улыбнулся.

— Хорошо, что ты пришла в себя. А то все без сознания и без сознания. Уже почти двое

суток...

Двое суток? Прошло два дня как она без сознания? Почему же он до сих пор не отвез ее в больницу? Кто он вообще такой?

Мужчина продолжал вливать суп в рот Елены.

— Я удивлен, что ты не можешь говорить. Я все мечтал, что поговорю с тобой когда-нибудь. Ну что ж, нет, так нет...

Он встал, убрал с ее груди подстилку, еще раз обтер ее рот, и потянулся за другой ампулой и шприцем.

— Ты слишком слаба, — ответил он на ее вопросительный взгляд, — и потом, я должен вправить твои руки. Не хватало тебе умереть со сломанными руками...

Умереть? Ее глаза были по-прежнему прикрыты, и человек вряд ли мог разглядеть в них панику, которая охватила Елену. Он сказал умереть?!

Мужчина убрал шприц, и Семенова поняла, что лекарство он все же вколол. Свет стал медленно меркнуть. Она не заметила, как отключилась.

Резкий запах гари заставил ее веки медленно распахнуться. Вместе с сознанием пришла боль. Чудовищная боль. Она казалась сильнее и яростнее, чем в первый раз.

За окном стоял полумрак. Что это? Вечер? Утро? Или просто пасмурная погода?

Ее это не волновало. От боли ей хотелось выть, что она и сделала. Но обожженное горячим супом горло выдало тихий стон.

Сквозь входную дверь начал сочиться густой дым. И женщина испуганно заморгала, медленно понимая, что у ее пленителя что-то горит.

— Твою мать! — послышался его хриплый, злой голос за дверью, потом какой-то грохот, и через секунду шелест огнетушителя.

Лена боялась. Она панически боялась этого человека, но могла только мычать что-то невразумительное, как какое-то животное...

Дверь резко распахнулась. Лена сделала вид, что спит.

— А, все дрыхнешь! — злобно кинул он Семеновой, и прошел вдоль комнаты, отыскивал что-то за левой прикроватной тумбочкой, и вновь покинул комнату, захлопнув за собой дверь.

Лена осторожно осмотрелась. Тупая, пульсирующая боль где-то внизу, наверное, это остаток ее ноги. На лбу выступили бисеринки пота.

Комната как комната, подумалось ей. Деревянные стены и пол, маленькие окна с кружевными занавесками, в центре комнаты большая двуспальная кровать, прямо напротив входной двери. Две прикроватные тумбочки, на каждой стоит элегантный и дорогой ночник. Справа, в углу стоит высокий платяной шкаф. Слева мягкое глубокое кресло, и журнальный столик. На столике небрежно брошен гляцевый журнал, с ярким заголовком. Лена присмотрелась.

«Разбой по-семеновски! Знаменитый художник стал жертвой ярости Семеновых!»

Лена нахмурилась, стараясь понять, что такого произошло за эти несколько дней, пока она была без сознания, что заставило не искать ее? Где Гриша? Где родители?

Неожиданно хлопнула дверь.

— Ну, наконец-то! А я уж думал, что ты никогда не проснешься! Как самочувствие? — он издевательски засмеялся, — Это шутка. Я знаю, что ты ну ни черта не чувствуешь. Ах, какая жалость! — она установил поднос с горелым супом, — Ты прямо как растение, честное слово! Забавно, да? Господь знал, когда создавал тебя такой красавицей, что ты

станешь моим любимым растением. Кто бы мог знать, что сама Елена Семенова будет у меня в саду?

Семенова пораженно слушала, и с каждым словом понимала, что он з н а е т кто она, более того, он привез ее судя с п е ц и а л ь н о. От осознания этого, ей стало еще страшнее. Значит каждый его шаг, каждое действие, и что самое ужасное, слово — тщательно продуманы.

Кто этот человек?

— Ну что ты смотришь на меня своими чудными глазками, милая? Хочешь что-то сказать? — он засмеялся, — Мне кажется, что тебе лучше меня известно, что говорить ты не можешь. Ты полностью парализована. Даже странно, что у тебя что-то болит. Я удивлен, обычно все по-другому... ну что ты так смотришь? Ты знаешь, ты похожа на Жюльку. Была у меня такая маленькая пудилиха. Ее переехал грузовик. Так вот, последний час ее жизни у неё был точно такой взгляд, как у тебя сейчас. Видишь, как жизнь складывается? Все равно, кем ты была в прошлой жизни, пудилихой или звездой первой величины. Сдыхаете вы одинаково, забавно, правда? Ну что? Наелась? А теперь спать, — сказал он, и вновь наполнил шприц.

Лене спать не хотелось, но уж лучше спать, чем слушать его, этого ужасного человека. Лучше уснуть и не просыпаться.

41.

Лена проснулась. Ясности мыслей не было. Она смутно помнила свое имя. Не понимала, где находится.

Женщина скользнула взглядом по противоположной стене, и встретила кое с чем не знакомым, новым в этой комнате.

Огромный стенд с полочками. То тут, то там журнальные вырезки, фотографии, постеры, цветы и свечи. Женщина не понимала, не различала изображений в дрожащем свете свечей, потому что за окном была ночь. Но в самом центре стенда она увидела свой огромный портрет, украшенный цветами. И все поняла.

Человек принес в ее комнату этот странный алтарь, для чего? Для того, что бы она видела, как кон ее любит?

За окном медленно светлело, а Лена не отводила взгляда от снимков.

Вот она совсем маленькая, идет с мамой за ручку. А вон она на премьере «Они тоже люди», в роскошном наряде, под ручку с каким-то красавчиком. А вон они с Гришей целуются. На снимке справа, Лена обнимается со своим братом — Максом. Так его звали?

А была ли вообще та жизнь? Что было в реальности? Что не является плодом фантазий ее воспаленного сознания? Интересно, существует ли этот человек, или она его выдумала. Хотя, если она его придумала, то кто установил этот стенд в ее комнате?

Лена закрыла глаза, не желая видеть свое холеное, самоуверенное лицо на снимках. Как так получилось, что в ней вырос и расправил крылья другой человек? Тот самый, что разбивает семьи, ненавидит сестер, и ломает жизнь брату? Неужели, что бы все это понять, нужно погибнуть, и очнуться в аду?

Хлопнула дверь.

Лена взглянула на вошедшего. Мужчина ей весело улыбнулся.

— Сосед спешит на помощь! — сообщил он.

И вдруг догадка озарила сознание Елены. Сосед? Сосед! Господи, тот самый человек из сада? Тот самый, что присылал ей больше всего писем с угрозами, и надеждой услышать её последнее слово? Забавно, но, скорее всего, Лена ничего сказать уже не сможет. Никогда. Так что ему стоило догадаться, что держать ее здесь более чем бессмысленно. Убивай. Жить такой не имеет смысла.

Снова последовало нежное, почти любовное кормление. Что дало Лене разглядеть свои выровненные руки, проложенные шины, и свежие бинты. Что ж, было видно, что времени он даром не тратит.

— Вижу я, ты грустна сегодня, как никогда, — вдруг сказал он, когда зашел вечером, — но не переживай так. Я колю тебе сильные лекарства. Так что ты скоро поправишься, и даже сможешь говорить.

Лена смотрела на него удивленно, чувствуя, впрочем, что язык ее слушается. И возможно, она и вправду, сможет говорить. Но почему он вдруг стал ее успокаивать. Только вчера он уверял, что она просто растение...

Елена смотрела на безумца, не в силах понять его.

Он, улыбнувшись бывшей актрисе, покинул комнату, впервые не уколов ей снотворного, ограничившись лишь маленькой ампулой с каким-то витамином, название которого Елена не в силах была даже прочитать.

Она осталась одна. И снова прислушалась к своему телу. Боли было меньше. Она причмокнула губами, и облизала губы, радуясь тому, что они подвижны. Возможно, и ее тело вскоре обретет подвижность? Как язык.

— Мое имя... — она испугалась от хриплых звуков, которые оказались ее голосом, она прочистила горло, и тихо повторила, — меня зовут Семенова Елена Ивановна, я актриса...

Когда она закончила, слезы хлынули из ее глаз.

Максим сидел на нарах, и писал. Он исписал уже огромную кипу листов, но ни одного из писем не отправил.

Семенов устал мысленно обращаться к Виктории, поэтому писал. Его руки не уставали, а круглосуточное нахождение в камере способствовало этому. Тем более ему хотелось побыть наедине с самим собой из-за надоедливого соседа по камере.

Мужчина замер, ручка нависла над листком. В коридоре послышались шаги. Макс быстро убрал писанину в книгу, и спрятал все под матрас.

К решетке подошел охранник.

— Семенов, на выход!

— Чего вдруг?

— К тебе пришли, пошел!

— Я никого не жду, — хмыкнул спортсмен, тем не менее направился к распахнутой двери.

— Плевал я на всю эту лирику, понял? Бегом! До ужина десять минут, если не вернешься, я устрою тебе Гоморру, ты понял?

— А что ж тут не понятного, начальник? — хмыкнул мужчина, и двинулся под зорким взором виртухая в комнату переговоров.

За толстым, пуленепробиваемым стеклом с обратной стороны сидел отец. При виде сына его глаза еще больше потускнели.

— Привет, пап, — сказал Максим и сел напротив Семенова, — как дома дела?

— Мама посещает психолога. Наташа по-прежнему в реанимации. Ксюша закрылась у себя в комнате, и рисует целыми днями. Ни с кем не говорит...

— А Лена?

— Мы не можем ее найти. Обыскали все больницы и морги. Ничего... это какой-то страшный сон наяву. Хорошо, что Дарья ребенка уберегла. Выкидыша Ольга бы не пережила...

Максим виновато изучал свои грязные пальцы, в которых подрагивала сигарета. Пошла вторая неделя следствия. Он по-прежнему сидел за решеткой, под залог его не выпускали, убийство все-таки. Конечно, Семенов рассказал, как было, тем не менее, в глухом лесу вряд ли найдется два убийцы для одного художника...

— Адвокат сказал, что тебе светит не более трех лет. Конечно, прокурор на стороне Наумова. У того отыскалась очень ужа ярая подруга, которая требует высшей меры. Но Саша сказал, что за аффект более трех не дадут, я еще конечно поговорю...

— Оставь все это, — буркнул Макс, перебив отца, — я виноват, и должен получить по заслугам.

— Немедленно прекрати! Мы растили тебя не для того, чтобы ты гнил в тюрьме из-за убийства мерзавца, вроде Наумова! Этот мудака достоин смерти, слышишь?!

— Мы не боги, не нам решать, кто должен жить, а кто умереть. Я это понял еще в Чечне. Знаешь, скольких я убил там?

— Это война...

— А какая разница, где убивать? На войне или у себя во дворе?

Иван умолк, взглянув в глаза сына.

— Я убивал только тогда, когда моей жизни угрожала опасность, — вновь заговорил Максим, — а теперь я позволил своему умению взять над собой верх. Меня осталось только убить, как загнанную лошадь...

— Тем не менее, я вытащу тебя, клянусь.

— Я в тебе никогда не сомневался, отец. Но лучше бы ты нашел Лену.

— Я найду, клянусь. Чего бы мне это не стоило...

Максим поднялся.

— Суд назначили через три дня.

— Так скоро? — удивился Макс.

— Я подергал за некоторые ниточки, — пояснил Иван, — возможно, мы выйдем условное...

— За убийство условное не дают.

— Семеновым дадут, — гордо сообщил Иван, — я зайду завтра.

Максим кивнул. Ему было все равно.

Рязанов сидел в гостиной Семеновых, и не слушал их пустой разговор. Ольга тоже отрешенно пялилась по сторонам. Казалось, в беседе участвуют только Даша с Машей, и Антон с Сергеем.

Лесной уехал в город, и от него не было ни слуху, ни духу. Даша, даже боялась себе признаться, что скучает.

— Мы обыскали весь города, а Лены нигде нет, — внимательно разглядывая карту,

сообщила Маша.

— Может, стоит искать в лесу? — предложил Скворцов, — Ведь дорога идет прямо сквозь лес. Что если тот таинственный помощник просто не доехал...

Женщины испуганно воззрились на рекламщика, не желая верить тому, что он сейчас сказала.

— Нет, — решительно заявила Даша, — они живы, оба, и мы их найдем!

Рязанов тяжело поднялся, он устал от этих оптимистических выкриков. После таких аварий не выживают! Кроме того, человек, не иголка, его отыскать можно, хоть в стоге сена, хоть в лесу! Главное иметь знающих людей в подчиненных, и побольше денег. Ни в том, ни в другом, у Семеновых проблем не было, да вот толку от этого никакого!

Гриша поднялся на третий этаж.

Там стояла тишина. Он знал, что здесь сейчас занята только одна комната, дверь в которую была приоткрыта. Мужчина едва слышно вошел, и увидел хрупкую спину художницы, на крыше, с осыпавшейся черепицей.

— Можно? — осторожно спросил он.

Девушка оглянулась, и едва кивнула.

Гриша вышел на крышу, и стал рядом.

Его взгляд скользнул по зеленому морю леса, раскинувшемуся далеко вперед.

Ксюша продолжала молча рисовать. Небо на ее холсте было таким же голубым, лес, почти таким же зеленым, а деревянная крыша в глуши... Гриша попытался отыскать крышу, но не смог, вокруг только зелень.

— А это что? — спросил он у художницы, указав на крышу.

— Это наш сосед, — девушка указала в сторону, где едва виднелась крыша.

— Сосед? — Рязанова так и передернуло, — Он давно там живет?

— Почти с тех самых пор, как мы купили этот дом, он обустроил себе там дачу, — неожиданно полно отвечала истощенная горем, Ксения.

Рязанов судорожно сглотнул. Господи, неужели она там?!

Гриша быстро вернулся на этаж, вошел в их с Леной комнату, и отыскал то письмо. Он ведь так и подписывался «сосед».

Рязанов кинулся вниз по лестнице, сломя голову. Он, как безумный, ворвался в гостиную. Все присутствующие обратили на него недоуменные взгляды.

— Скажите, — обратился он к Ольге, — этот человек, что живет в глуши, не далеко от вас. Кто он?

— А в чем, собственно, дело?

— Вы мне просто скажите, кто он такой.

— Он раньше был врачом, кажется, потом занимался бизнесом... — медленно произнесла Ольга, — может, вы объясните, что происходит?

— Этот человек, он ведь там живет давно, да? Лену ребенком видел?

— Конечно, они были раньше очень дружны с Ваней...

— Как его зовут?

— Мясницкий Павел Петрович. Так что же произошло?

— Мы должны немедленно сообщить следователю. Вполне возможно Лена у него. Он ведь у вас единственный сосед, верно?

— Так и есть...

— Вот и замечательно.

42.

Лена смотрела, как ее указательный палец согнулся, и разогнулся, по ее собственному желанию. И невероятная радость накатила волной. Она чувствует руки! Пускай сломанные, но они живые! Не чета ногам. Культя и исхудалая вторая нога были по-прежнему недвижимы, а ведь прошел почти месяц ее заключения.

Человек, кормивший ее, и делающий ей уколы, ни о чем не догадывался. Лена, будучи, все же актрисой, по-прежнему изображала из себя безжизненное тело. И он почему-то верил. Даже сомнений не возникало. Он так же бережно вливал в ее рот бульон, обтирал ее тело влажной губкой, менял бинты. Только иногда он не приходил. Раз в неделю исчезал куда-то на сутки. Это были самые страшные сутки в новой жизни Елены. Страшные боли начинали терзать ее тело, едва заканчивался срок действия лекарств, ее начинала бить лихорадка. И голод. И боль, и жажда. И гнетущее чувство бессилия.

Он возвращался к вечеру, и снова был заботливым и добрым, почти не заикался о ее будущей смерти.

Но вот подходил конец очередной недели, и женщина в ужасе ждала приближения того дня, когда он уйдет.

Лена снова пошевелила пальцем, и это простое движение вселило столько надежд в ее душу!

Стоял жаркий полдень. Было невыносимо душно, но женщина не решалась скинуть с себя одеяла. Она ведь так и не видела своей культи без простыни.

В комнату вошел ее санитар, надсмотрщик и кормилец в одном флаконе.

Он, как всегда по четвергам, пришел с расческой, но на этот раз у него на подносе были духи, и кое-какая косметика.

Мужчина сел на край кровати, и принялся нежно причесывать Елену. Та следила за его плавными движениями недвижимым взглядом. А он, казалось, увлекся процессом. Когда, Лена на его взгляд, была причесана достаточно, он взял с подноса губную помаду, и, приподняв ее подбородок, принялся красить ее губы. Семенова чувствовала себя безвольной куклой, попавшей в руки ребенку-садисту, который выдавливает ей глаза, и выкручивает руки.

Это было что-то новенькое, что оптимизма не внушало. Ей было страшно, потому что каждая новая традиция, явно подразумевала что-то в искаженном мире этого человека.

Потом он профессионально нанес румяна, и обрызгал актрису духами.

— Ну, что моя прекрасная кукла, — сказал он, и склонился к лицу Елены, — ты достаточно окрепла для первой брачной ночи, — жарко прошептал он ей в лицо.

На ее лицо не дрогнул ни один мускул. Она ведь парализованная. Он так думает, что ж. Это его дело. Пусть делает, что хочет. Он за это все равно свое получит!

Семенова сцепила кулаки под простыней, и мысленно вспомнила молитву.

Мужчина обнюхал ее волосы, в его глазах была устрашающая пустота.

Потом он коснулся ее губ своими. Они были холодными и сухими, как у мертвеца. Когда он отстранился, Лена увидела на его губах отвратительную, кроваво-красную помаду, которой он только что накрасил ее.

Ее глаза медленно наполнялись слезами, от мнимого бессилия. Он верил, что она не может противостоять.

Сосед коснулся руками ее шеи, ощупывая каждую косточку ухоженными руками, и Лена решила, что он ее задушит, но мужчина лишь погладил маленькую впадину между ключиц, и сорвал с неё простыню. Потом судорожно принялся расстегивать штаны.

Лена устремила взгляд в потолок, не желая видеть продолжения. А нижняя часть все равно ничего не почувствует.

— Ну что ты, великая Семенова, — приговаривал он, — Елена прекрасная, не ожидала, что все так обернется?..

Едва он смолк, за окном послышались голоса. На крыльце застучали шаги.

В дверь ударили кулаком.

— Хозяин! Встречай гостей! — выкрикнул кто-то из-за двери.

Сосед вздрогнул, быстро соскользнул с кровати Семеновой, и на ходу застегивая штаны, бросился к двери.

Лена заревела в голос, и быстро оправив свою сорочку, кряхтя от боли, сползла с кровати.

Люди! Там люди! Они увидят ее, и спасут! Спасут!

Женщина ползла по полу, цепляясь ногтями за грубо сбитые полы, преодолевая адскую боль во всем теле, в сломанных руках, в горле, от попыток кричать. Сначала из ее горла вырвался только хрип, но едва она достигла дверного косяка, голос появился сам по себе.

— Помогите! — выкрикнула она в пустой коридор, прислушиваясь к голосам, — Я Семенова! Помогите!!!

Грохнул выстрел. Лена испуганно остановилась, совершенно растратив силы. Она вспотела, боль отзывалась по всему телу. От напряжения что-то гроыхало и пульсировало в голове. Послышались скорые шаги, словно кто-то бежал. Лена обратила взгляд на приближающегося человека. И вздохнула с облегчением. Это был человек в камуфляже. Она сначала увидела его кирзовые ботинки, потом защитные штаны...

— Он мертв? — спросила она.

Мужчина смотрел на актрису, и на кровавый след, который оставляла ее культя, которая кровоточила от удара об пол, и медленно кивнул.

Лена радостно улыбнулась, и обмякла на полу, лишившись сил.

43.

Шел суд. Даша давала показания. Максим сидел в зарешеченной клетке по левую руку от судьи. Он скользнул беглым взглядом по всем присутствующим, и увидел Вику. Она сидела с краю, и молча смотрела на Макса, который словно дикий зверь был заперт.

Их глаза встретились. Они смотрели друг на друга, пытаясь разгадать тайные мысли, но ничего такого не вышло. Вика молча поднялась. На ее безымянном пальце сверкнуло кольцо с бриллиантом, извещая всех о том, что она теперь невеста. Вика ушла, не оглядываясь.

Суд кончился неожиданно. Макс почти не слушал никого вокруг. Понял лишь последние.

Суд решил перенести вынесение и оглашение приговора на завтра.

Охранники подняли под руки и увели Максима.

Семенов вернулся в камеру, и увидел свои нары, белье и матрас на которых были тщательно проверены, и снова аккуратно укладывались на его глазах его соседом по камере.

— Эй! Какого хрена ты тут делаешь?! — выкрикнул Макс, и оттолкнул соседа от своей кровати, быстро поискал под матрасом книгу с письмами Виктории, и, конечно же, ничего не нашел.

Семенов схватил сокамерника за грудки, и грубо встряхнул.

— Где?!

Тот лишь криво усмехнулся.

Макс с силой ударил сокамерника, тот отлетел, и ударился о стену. Улыбка тут же сбежала с его губ. Заметив это, Макс удовлетворенно потер руки, и снова схватил сокамерника.

— Где письма?!

— Я их отдал... — окровавленными губами сообщил бедолага.

— Твою мать! Кому? Кому, я спрашиваю?!

— Пришел тут журналист, все спрашивал про тебя. Денег для моей жены предложил... ну, ведь знаешь, что ее скоро из квартиры выгонят? Вот я отдал твои нетленные... обиделся? Не думал, что там что-то уж очень секретно-важное!

Макс снова ударил сокамерника. Тот упал.

Больше Семенов его не трогал. Руки марасть не хотел. Единственное, о чем он жалел, что так и не отправил ей своих писем.

Часть 10. Сколько веревочке не виться.

44.

Маша проснулась на груди Сергея, и улыбнулась. Его грудь медленно вздымалась, а глаза были слегка прикрыты. Девушка скользнула пальчиком по его груди, и услышала легкий смешок.

— Я думала ты спишь, — произнесла она, уличив Скворцова в лукавстве.

Сергей молча поцеловал ее макушку, любясь солнцем, что переливалось в ее волосах.

— Ты невероятная женщина, — выдохнул он.

— Лучше всех, что у тебя были? — хихикнула она.

Маша не верила не единому его слову, она лучше него понимала, что ответ Голицына не за горами. И он, вероятно, считает, что победил.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал Сергей.

Маша внутренне сжалась. Как же, любишь!

Ей стало горько, что он так легко соврал ей. Как это подло, ведь Семенова прекрасно понимал, что он не любит ее. Ни капли.

— Как сильно? — спросила она, обратив на Скворцова знаменитый Семеновский взгляд.

— Это надо доказывать? — хмыкнул он, заключив девушку в объятия.

Маша рассмеялась в голос, не желая думать о том, что вероятно, завтра старый бизнесмен своим решением, раз и навсегда уничтожит эту сказку.

К полудню они, наконец, покинули кровать. Скворцов пропустил Машу первой в душ. Когда она вышла, он хмуро восседал над какой-то папкой.

— Какие-то проблемы? — спросила она, заворачивая волосы в полотенце, на манер чалмы.

— Да нет, все путем. Ты закончила? — быстро убирая папку в стол, спросил Скворцов.

— Да-да, ванна свободна.

— Вот и славно, — он легко поднялся со стула, и, чмокнув Машу в лоб, скрылся в ванной комнате.

Семенова, дождавшись, когда он включит воду, быстро достала ту самую папку, что он с

таким разочарованием рассматривал.

Это были какие-то документы, по рекламе. А в самом низу приписка от руки, явно не Скворцова: «Попробуйся уговорить Майкова!!!»

Три восклицательных знака? Маша убрала папку, и задумчиво начала причесываться.

А уж не знаменитом теннисисте ведется речь? Не об Артеме Майкове? Неужели Скворцов решил пригласить его на участие в рекламе товаров Голицына?

Маша быстро отыскала ежедневник Сергея.

И правда, на сегодняшний вечер у него была назначена встреча с Артемом Майковым.

Что ж, Семенова не может позволить победить Скворцову! Ни — за-что!

Когда Скворцов вышел из душа, Маша уже была полностью одета.

— Уже уходишь?

— Да у меня тут встреча одна организовалась, — уклончиво отозвалась Мария, — может, поужинаем вместе?

— Я не могу, у меня деловая встреча...

— На сколько деловая? — спросила Семенова, приближаясь, — Женщины там будут?

Скворцов усмехнулся, и поцеловал ее.

— Ну, тогда дозавтра, — сказала Маша, — встретимся у Голицына, — и быстро вышла.

Конечно, Семенова не могла не заметить, как посерьезнел Скворцов. Нервничает. Посмотрим!

Здание суда ломилось от количества пришедших. Одних журналистов было сотни две.

Все затаили дыхание. Стояла гробовая тишина. Иван молча косился на Максима, что сидел в клетке в зале суда.

От присяжных отделился человек и передал бумагу с приговором секретарю. Тот что-то пометил у себя в бумагах, и передал бумагу судье. Тот поднялся. Черная мантия с шелестом соскользнула с его стула с роскошной высокой спинкой, судья взял папку, в которую вложил листок с приговором, и начал читать.

Долго и монотонно, словно лекцию по теории экзистенциализма. Максим совершенно не воспринимал происходящее, он искал глазами Вику в толпе. Но ее здесь не было. Краем уха он слышал от Даши, что она собралась замуж за Олега, но Семенов не хотел верить до последнего.

— Суд приговаривает Семенова Максима Ивановича, в соответствии... — судья снова понесла по сокращениям и цифрам, которые совершенно ничего не говорили истерзанному сердцу Ольги, — к трем года тюремного заключения, но, учитывая тот факт, что у господина Семенова действует контракт, судом присяжных было решено принять эту меру условной...

Зал взорвался громом негодующих возгласов. Невысокая женщина, темноволосая и кареглазая, возмущенно подскочила, и бросилась к клетке Максима. Прежде чем охранники преградили ей путь, женщина смачно плюнула ему в лицо.

— Я засажу тебя, клянусь! — выкрикнула она, когда ее оттащили охранники от клетки.

Максим молча обтер лицо.

Сразу видно, отец постарался. Так все выкрутили, что комар носа не подточит, удивительно! Три года условно, за убийство. Вот что значит фамилия...

Максима выпустили испод стражи сразу же, по окончании суда. И тут же на него накинудись журналисты, желая знать все. Но услышали они в ответ лишь: «Без комментариев!».

Когда Макс, Ольга, Ваня и Маша с Дашей погрузились в Семеновский лимузин, в салоне царил тишина. В этой же гробовой тишине Иван открыл шампанское, и разлил по бокалам.

— Я хотел бы выпить за нас, за Семеновых, — сказал он, заглядывая всем присутствующим в лицо, — конечно, некоторых среди нас нет, но...

Ольга всплакнула. Маша осушила бокал залпом. Через час встреча с Голицыным. Даша слегка пригубила. Это не пойдет на пользу ребенку.

Максим сделал крошечный глоток. Ему предстояло, еще встретится с сестрами.

— Слава Богу, что Наталья уже вышла из комы, — выдохнул задумчиво Макс, — надеюсь, у нее нет этих психических суицидных расстройств?

— С ней работает психолог, — сообщила Ольга, — но хуже дела обстоят с Леной, она плохо спит. Этот человек, что удерживал ее, колол какое-то наркотическое лекарство, и она уже привыкла...

— А Ксюша, она не против того, что я приеду?

— Она уехала обратно в ВУЗ, вещи собирать. Ей предложили обучаться дальше в Берлине. Самолет на следующей неделе.

Максим сжался мысленно. Значит уехала...

Ресторан, в котором Маша впервые встретила Скворцовым, встретил ее так же дружелюбно, как и тогда.

Девушка, самоуверенно улыбаясь, подошла к столику, где ее ждали оба мужчины. Маша была окрылена удачей. Ну, во-первых, конечно, отпустили Макса! Ее брат снова на свободе, и возможно, вернется в большой спорт.

Ну, а во-вторых, Майков согласился сниматься в ее рекламе! Соответственно отказав Скворцову! Это стоило отметить!

— День добрый! — сияя и переливаясь, приветствовала Маша мужчин.

Отметив, впрочем, краем глаза, что Скворцов уже не кажется таким самоуверенным.

— Здравствуйте, Машенька, — улыбнулся Голицын, — поздравляю, вы чудесно выполнили вашу работу.

— Спасибо, Николай Николаевич, я старалась.

— Ну, надеюсь, на достигнутом вы не остановились?

— Конечно, нет, — Маша достала из сумки папку, с контрактом на съемку в рекламе Майкова, — я взяла на себя смелость пригласить сниматься в нашей рекламе Артема Майкова.

Голицын кинул на Скворцова быстрый взгляд.

— Боюсь, Машенька, вы опоздали. Сергей Петрович уже предоставил актера для реклам, Маркину, слышали?

Маша недоуменно взглянула на хмурого Скворцова.

— Это та гимнастка?

— Именно, — хмыкнул Голицын, — и я решил, что Сергей достоин моей работы за свою сообразительность.

Кровь отхлынула от лица Маши. Девушка перевела непонимающий взгляд на Скворцова.

— Как... а как же Майков?..

Голицын поднялся.

— Ну что ж, я, пожалуй, пойду...

Маша сидела как оплеванная.

— Стойте, — кинул Скворцов, в след Голицыну, — я вот что хотел сказать, Николай Николаевич...

— Ну, так говорите же, не тяните!

— Я очень ценю, ваше доверие. Но я бы хотел, что бы эту работу получила Мария. Она действительно достойна этого места, — Сергей перевел на неё ледяной взгляд, — она пойдет на все ради нее. Я испорчен не так сильно, вы уж простите...

Голицын непонимающе переводил взгляд с молодого человека на девушку, и обратно, стараясь понять, в чем дело.

— Ты пытаешься меня обидеть? — спросила она, тоже поднимаясь.

— Я не пытаюсь. Я говорю чистую правду, — он швырнул салфетку на стол, и быстро покинул ресторан.

Маша кинулась следом. Догнала его она уже на парковке, позабыв и о Голицыне, и о работе, и вообще обо всем. Что-то было в его взгляде, что говорило, что он, возможно, исчезнет именно сейчас навсегда.

— Что ты говоришь? — хлопнув едва приоткрывшуюся дверь автомобиля, осведомилась Маша.

— А на что ты еще пойдешь, что бы заполучить эту работу? Лечь под мужика? Пожалуйста! Рыться в его вещах? Легко! Уводить испод носа последнюю надежду? Да за две минуты!

— А сам то ты?! Вспомни, что ты там такое говорил?! Ты сам напросился, ясно тебе? Ты хотел жесткой конкуренции, ты ее получил! Ничего личного!

— Вот и я так считаю. Ничего личного, — кинул он, и, оттолкнув ее от двери, сел за руль.

Вскоре его машина скрылась за поворотом. И в ту же секунду Маше показалось, что она что-то сделала не так...

45.

Максим ковырялся под капотом старых отцовских «Жигулей» в его гараже, когда услышал приближающиеся шаги.

Мужчина оглянулся, и увидел тонкий женский силуэт против света. Силуэт приближался, и по мере движения, Макс узнал в ней свою младшую сестру. Это была Ксюша.

Одета просто. В глазах жуткая пустота и печаль, лицо выглядит куда старше своих лет. Горе отложило на нее свой отпечаток.

— Привет, — тихо сказала она.

— Привет, — отозвался Макс, обтирая руки о грязную тряпку.

— Я уезжаю, ты, наверное, слышал?

Максим кивнул.

— Я просто зашла сказать, что прощаю тебя, — сказала Ксюша, глядя на брата не по годам серьезными глазами.

Максим медленно откинул тряпку в сторону, совершенно не представляя, что говорить в таких случаях. Особенно когда от этих слов становится только хуже...

— Я понимаю, ты, наверное, просто...

Макс прервал ее бессвязную речь, сжав ее ладонь в своей.

— Как бы там ни было, — сказал он, — я никогда не прощу себя за то, что сделал тебя

несчастной.

Ксюша крепко обняла брата, всеми силами стараясь не плакать, но слезы сами побежали по ее гладким щекам, орошая обнаженные плечи Максима.

— Мне пора, — отстранилась она, — самолет через три часа. Пока доберусь до аэропорта...

Семенов медленно отпустил сестру. Девушка быстро утерла слезы, распрямилась, и ушла обратно в свет летнего полудня, что развернулся за стенами гаража.

Максима так и подмывало спросить, что там с Викой. Но он так и не решился.

Ксюша выбралась из такси. Водитель шустро достал из багажника ее сумки и чемоданы. Девушка расплатилась, отблагодарив, и собралась, было идти, как вдруг дорогу ей преградила женщина лет тридцати, темноволосая, с цепкими темными глазами под линзами очков.

— Здравствуйте, Ксения Ивановна, — произнесла она, и, поймав недоуменный взгляд Семеновы, добавила, — меня зовут Маргарита Петрова, я... училась вместе с Кириллом в институте.

Руки как-то сами собой безвольно опустились, выпустив сумки.

— Понимаю, поймала я вас врасплох, — сказала она, — да вот только я никак не могу понять... Кирилл, он так любил вас... — она на секунду смолкла, в глазах заблестели слезы, — а вы... вы позволили убить его?

— Это был несчастный случай... — слабо запротестовала Ксюша.

— Несчастный случай?! Вы должно быть шутите? Где там несчастный случай? В кулаках твоего брата? Господи, чем ты думала, когда спала с ним? Чем ты думала...

Рита переходила на крик, стали оглядываться прохожие, заинтересовались аэропортовские охранники.

— Это был несчастный случай, — твердо повторила Ксюша, подобрала сумки и двинулась прочь.

Женщина кричала ей в след обидные ругательства, в чем-то упрекала...

«Это был несчастный случай. Случай. Стечение обстоятельств. Трагическое стечение обстоятельств» — повторяла она про себя, приближаясь к посадочному пункту.

Рита проводила взглядом тонкую фигурку, что скрылась за стеклянными дверями аэропорта, и, наконец, смолкла.

В душе еще одной женщины воцарилась вечная пустота. Ругала Рита себя только из-за одного. Что так и не сделала первого шага еще тогда, в институте....

Лена открыла глаза, и увидела знакомый потолок. Скользнула затуманенным после очередного кошмара, взглядом по стенам, около которых по-прежнему стояли до боли знакомые предметы. Вот белоснежный шкаф, с позолоченными ножками, и тонкими узорами по краям. Семенова купила его в Париже.

Вон столик с зеркалом, и огромным количеством духов. Лена гордилась своей коллекцией духов. Все единогласно признавали Елену Семенову актрисой с отличнейшим вкусом.

А, вот и ее любимый портрет, который она сделала специально для своей спальни в доме родителей. Черно-белый, красивый...

— Ну что ты, котик, — послышался голос Гриши за дверью, он явно говорил по

телефону, — ты ведь моя жена. Я чисто по-человечески не могу бросить ее сейчас. Что значит, почему? Она потеряла ногу! Это значит, что ее теперь вряд ли кто пригласит сниматься... Нет. Все, я устал говорить одно и то же. Перезвоню, Настюш. Пока.

Дверь осторожно приоткрылась. Лена сделала вид, что спит.

Рязанов осторожно вошел в комнату, и сел в белое кресло, которое оставил всего час назад. Развернул огромную газету... и увидел, как Лена медленно проснулась.

— Ну, как ты, звезда моя? — спросил он, осторожно касаясь ее едва заживших рук.

Лена слабо улыбнулась, глядя на Рязанова.

Вот он, мужчина ее мечты, мужчина ее жизни. Любила ли она его когда-нибудь? Нет. Она просто знала, что именно этот мужчина ее достоин, только и всего. Она хотела обладать им. Как сосед хотел обладать ею. Но ведь Гриша такой же человек, и не игрушка, что бы принадлежать кому-то...

Семенова жала его руку в своей. Она так злилась, когда Рязанов говорил о жене и детях. Как глупо. Ведь он часть ее жизни, а Настя — часть его.

— Ты помирился с женой? — спокойно спросила Лена.

Гриша сначала смутился, потом, заглянув в ее глаза, медленно кивнул.

— Ну и хорошо, — выдохнула она, — иди к ней.

— Лена, я...

— Мне не нужны твои подачки, — показала коготки прежняя Семенова, — я не нуждаюсь в твоей жалости. Ты мне просто не нужен.

Рязанов сел на край ее кровати, и улыбнулся, глядя в ее псевдо недовольное лицо.

— Ты невероятная женщина, Семенова, — сказал он, сдвинув волосы с ее лица.

Лена улыбнулась.

— Уходи, — сказала она.

— Ты невероятная женщина, — повторил он, и двинулся к двери.

Когда та закрылась за единственным мужчиной Семеновой, она произнесла:

— Я звезда, — и заплакала, потому что теперь никто не мог в этом ее разубедить. Ведь рядом никого не было.

Даша вышла из машины, и, поставив ее на сигнализацию, двинулась к своему домику, что ей благородно оставил Антон.

Да, оставил. С сегодняшнего дня она снова холостячка, если так можно выразиться. И подтверждение этого — свидетельство о расторжении брака — лежало в ее сумочке.

Что ж, она уже и забыла, как это быть одинокой, самостоятельной, полноценной и свободной женщиной, правда обремененной токсикозом, и медленно расплывающейся талией.

Девушка поднялась на крыльцо, и увидела на ступеньках небольшой сверток. Даша быстро сорвала обертку, и недоуменно уставилась на подарок. То был журнал «Звездные сплетни», с красочной обложкой на которой были изображены все Семеновы, во время банкета, с бокалами шампанского в руках, и ниже огромными, желтыми буквами подзаголовок: «Вся правда о последних событиях в семье Семеновых. Легенды. Истории любви. Трагедии».

Даша вошла в дом, мучимая не приятными предчувствиями. Вся правда. Если люди узнают всю правду...

Дарья села в кресло, и раскрыла журнал.

«Сплетни» отдали почти половину своих ста страниц на историю Семеновых. Красочные фото, длинный текст. Даша читала внимательно, всеми силами стараясь отыскать всю ту грязь, что неприметно присутствовала. Но ее не было. Сложилось впечатление, что Лесной просто взял и отстирал все простые, человеческие поступки, которые не всегда вызывали благородные чувства. Даша нашла главу и о себе. Она называлась так: «Неизвестная Мона Лиза Семеновых». И далее подробный рассказ ее личной жизни. Что ж, на Титова Андрей грязи вылил прилично. И приукрасил недвусмысленными фотографиями.

История Ксюши — «Фея номер семь» была сопровождена страшными фотографиями. Казалось, на страницах этого бульварного журнала ожили события тех дней.

Одним словом, Лесной потрудились на славу. В послесловии он отблагодарил Семеновых за гостеприимство самыми добрыми словами. Не известно, как на этот репортаж отреагируют остальные...

Даша отложила журнал в сторону, и недолго думая, набрала номер телефона Андрея. После двух гудков, раздался его голос.

— Да?

— Привет, — улыбнулась Даша, — может, выпьем вместе кофе?

Наташа пустым замороженным взглядом смотрела в больничный потолок. Мыслей не было. Чувств тоже. Ей казалось, что какую-то часть ее просто вырезали. И там осталась пустота.

Женщина осторожно села. Она впервые сейчас ощутила жажду, и потянулась за стаканом.

На прикроватной тумбочке, странного, зеленоватого оттенка, лежала тетрадь в клетку, и шариковая ручка. Бледные клетки тетради пресекали размашистые формулы, которые Наташа писала все это время. Семенова никогда не задумывалась, что они могут, значит, просто писала, совершенно машинально, не думая ни о чем...

Сейчас, глядя на все эти переменные, и числа «Пи» Наташа медленно понимала, что сама того не понимая, вывела таки формулу, которую пыталась найти едва окончив математический институт. То есть десять лет у нее не выходило совершенно НИЧЕГО. А сейчас эта формула лежала перед ней, написанная рукой полубезумной, ослабшей женщины.

Позабыв о воде, Наташа схватила тетрадь, и принялась внимательно штудировать уравнения. Проверять. Перепроверять...

Ольга вошла в палату к дочери уже во второй половине дня, и пораженно замерла на пороге.

Наталья ходила по палате в одной сорочке. Грызла ручку, что-то дописывала...

— Тебе уже лучше? — осторожно спросила Ольга.

Наташа вскинула на мать удивленный взгляд. Впервые, за минувший месяц, ее глаза блестели.

— Привет, — как обычно, словно Наташа находилась не в психиатрической лечебнице, сказала она, — я не слышала, как ты вошла...

— Я принесла тебе папайю. Ты хочешь ее сейчас? Или оставить на потом?

Наташа посмотрела на мать так, словно та была с другой планеты.

— Мама, ты не представляешь, что произошло, — сказала Наташа, отложив в сторону свою тетрадь.

Ольга, спокойно выкладывая фрукты на тарелку, взглянула на дочь.

— Что? — тоном мамочки, что говорит с несмышленным младенцем, спросила Ольга.

— Я доказала теорию, ту самую... — Наташа сунула матери тетрадь, словно Ольга могла разобраться в этом хороводе цифр...

— Не нервничай, — осторожно произнесла Ольга, даже не взглянув в тетрадь, — ты так возбуждена...

— Мама, ты не понимаешь! Это переворот во всей математической практике!

— Наташа...

— Мама, обязательно приведи ко мне Петра Михайловича. Сегодня же! Я хочу, чтобы он это увидел...

Ольга всеми фибрами души хотела верить, что ее дочь не лишилась ума окончательно, поэтому привела все-таки на свой страх и риск старого Наташиного преподавателя в палату к дочери.

Тот с нескрываемым чувством собственной значимости принял Наташины каракули, и принялся долго, со знанием изучать. По мере того, как тетрадь тощала в его руках, лицо старика принимала все более хмурое выражение.

За окном уже стемнело, и недовольная сестра каждые пять минут норовила выгнать Ольгу и Петра Михайловича из палаты больной, когда старик, наконец, оторвался от тетради.

Он медленно снял очки. Причмокнул губами, и окинул женщин многозначительным взглядом.

— Что ж, — сказал он, — этот случай еще раз доказывает, что между гением и безумием нет ни какой разницы...

Вика сидела на кровати в спальне своих родителей. Пышная белоснежная юбка ее свадебного платья раскинулась на метры вокруг. До начала бракосочетания было еще около двух часов. Вот-вот за ней придет Олег в белом лимузине и черном фраке, и повезет ее в ЗАГС.

А Вика беспокойно ерзала, сжимая тонкие руки в кружевных перчатках в кулак, стараясь уверить себя, что все она делает правильно. Все верно...

Край пожелтевшей газеты выглядывал испод кипы глянцевого журналов на тумбочке у кровати с маминой стороны.

Вика осторожно достала затертую газету. Интересно, как она оказалась в маминых журналах, с женскими советами?

От нечего делать, Вика развернула газету, и прочла заголовок: «Оказавшись на нарах, знаменитый футболист замахнулся на Шекспира!». Хмыкнув, Воробьева решила изучить статью.

«Семенов Максим Иванович, так громко загремевший за решетку две недели назад за убийство Наумова Кирилла Семеновича, неожиданно открыл в себе новые таланты. Таланты писателя. Слава Богу, этот горе убийца, не стал писать стихи. Вот некоторые вырезки из его сочинений, которые он адресует некой Виктории.

«Как глупо было верить в то, что ты меня когда-нибудь простишь за такую детскую выходку. Но сидя здесь, за решеткой, я в который раз убедился, как ты мне нужна. Как я скучаю по тебе. Помнишь дождь? Я думал он смыл с меня все мои грехи. Оказалось, нет. Я по-прежнему виновен. Виновен в том, что разбил тебе сердце. Не тебе одной, но ты мне так

дорога... Я проклинаю себя, за то, что последовал совету сестры, ты понимаешь, о чем я. Это жестоко. Но с первой же нашей встречи я понимал, что это не игра. Что это самая настоящая правда. И даже если это письмо не дойдет до тебя никогда, потому что я его не отправлю, я люблю тебя...»

Вика откинула газету в сторону, как мерзкую гадюку, обливаясь потом. Нет-нет-нет!!! Только не обратно в этот омут!

За окном просигналила машина.

Виктория прильнула к стеклу, и увидела белый лимузин Олега.

В комнату ворвалась мама.

— Скорее, дочка, скорее! Жених уже здесь!

Мама быстро подхватила дочь под локоть, и они двинулись к автомобилю.

Газета так и осталась валяться в углу родительской спальни.

Молодые забрались в автомобиль последними. Свидетели и родители сидели по бокам.

— Странно, что Ксюша уехала, я думала она будет свидетельницей на твоей свадьбе... — тараторила мама.

Вика тоже так думала. Но все сложилась не так. Не правильно.

Лимузин остановился на перекрестке.

Вика отвернулась к окну, не желая смотреть в эти довольные, опьяненные счастьем лица.

Мимо промчался мотоциклист с миловидной пассажиркой. И в ту же секунду в Викиной голове вдруг мелькнула мысль. А зачем она здесь? Зачем в свадебном платье? Почему Олег с видом собственника держит ее за руку? Ведь она его не любит!

Судорожно, Воробьева нашла дверную ручку, и легко ее открыла. Все присутствующие в лимузине недоуменно уставились на девушку, которая, легко подхватив кринолин, выбралась из автомобиля.

— Вика, ты куда? — спросил Олег, с его лица сошли все краски.

— Прости меня, — крикнула Вика, оглянувшись, — но я не должна...

Раздалась молния, и хлынул дождь.

«Ты помнишь дождь?»

Вика бросилась прочь от лимузина, слегка поскользываясь на мокром асфальте.

Ее никто не догонял. Где-то далеко сзади лишь слышались недоуменные выкрики мамы.

Прохожие, что торопливо надеялись скрыться от дождя, округляли глаза, при виде сбегающей невесты. Им всегда казалось, что такое бывает только в кино. Никто не задумывался, что кино это всего лишь калька настоящей жизни...

Неожиданно, ноги вынесли Викторию в парк.

А, скорее всего, она подсознательно туда и бежала.

Показалось любимое кафе Ксюши, и беседка.

Там, сидел кто-то. Темный силуэт. И мотоцикл.

Вика подошла к беседке. Максим поднял глаза и увидел ее. Мокрую невесту с кринолином и фатой. Свадебный макияж растекся по щекам, роскошная прическа накренилась, а фата превратилась в тонкую бледную пленку.

Вика шагнула к Максиму.

— Я тоже люблю тебя, — сказала она.

Семенов обнял ее, и поцеловал. Она вернулась. Она пришла сама...

Часть 11. Вся правда о Семеновых.

46.

Снег сыпал с неба, без остановки. Казалось, что он шел всегда, и никогда не кончится. Казалось, что сейчас произойдет какое-то чудо. И жизнь в раз станет прекрасной и цветущей.

Ольга мягко улыбнулась своим мыслям, глядя за окно. Бежевая гостиная ее дома была украшена к новому году.

В центре комнаты возвышалась елка, вокруг которой суетился Иван. Он уже как час «суетился», да вот только лесная красавица стояла обнаженной, кое-как обкрученная фонариками.

Ольга оглянулась на мужа и захихикала.

— Что, без помощника уже элементарных вещей сделать не можешь, да? — Семенова пришла на помощь мужу.

— Не надо издеваться. Я стал примерным мужем только полгода как... — Семенов осекся, вдруг осознав, что напомнил о том, о чем не следовало бы...

Ольга на секунду помрачнела. Она вдруг поняла, что ее жизнь теперь делиться на «до» и «после», что привело к значительной переоценке ценностей.

— Прекрати, — фыркнула женщина, и зажгла огоньки. Елка «оделась» ярким разноцветьем.

— С новым годом, мамочка, — произнес Иван, и поцеловал жену.

Ольга захихикала, и подарила мужу ответный поцелуй.

Входная дверь распахнулась.

— Ну, вот, опять! — послышался голос Наташи, — Вы это специально, к моему приходу устраиваете?!

Родители засмеялись, взглянув на припорошенную снегом дочь. Наташа, одетая в темную «дугую» куртку, и джинсы, с трудом втянула свои сумки в гостиную. Иван поспешил дочери на помощь.

Наташа, оставив отца разбираться с багажом, стянула шапку, и расстегнула куртку.

— Вижу, елка как всегда на мне? — обратилась она к Ольге.

Мать улыбнулась дочери. На лестнице послышались тяжелые шаги.

— Кто там первый приехал? — на лестничной площадке показалась Даша, очень беременная, и босая.

Наташа помогла сестре спуститься, и крепко обняла.

— Ну, как ты? — спросила она.

Даша, оправив свой длинный шерстяной свитер, который доходил почти до колен, сложила руки на приличном животе.

— Мы толкаемся, — улыбнулась она.

— И кто это?

— Девочка.

— Еще одну Семенову человечество не перенесет, — фыркнула Ольга.

Женщины засмеялись.

— Она не будет Семеновой, — посерьезнела Даша.

— То есть как? Антон...

— Нет-нет. Моя дочь будет носить фамилию Лесная. Андрей мне сделал предложение...

Все пораженно уставились на Дарью. Даже Иван, что только вернулся уже без чемоданов, недоуменно воззрился на дочь.

— Что? Я не понял...

— Я не хотела пока ничего говорить. Надеюсь устроить сюрприз в новогоднюю ночь...

Снова распахнулась дверь.

— Всем привет! — раздался в тиши гостиной бодрый мужской голос.

Все присутствующие обернулись, и тут же ослепли от вспышки фотокамеры. Лесной захихикал, при виде недоуменных Семеновских лиц.

Нахмурившись, к нему подошел Иван.

Андрей бодро раздевался, не глядя на будущего тестя.

— Лесной! — почти злобно кинул Иван.

Вдруг женщины захихикали и стали обниматься, перешептываясь. Андрей перевел недоуменный взгляд с них на Семенова.

— Да, Иван Петрович.

— Ты что же это, жениться надумал?

Лесной смущенно оправил ворот своего свитера, пожал плечами...

— Я люблю ее...

— Ах, черт!!! Титов мне всегда не нравился! — сообщил Иван, и схватил мужчину в крепкие мужские объятия.

Когда первые эмоции минули, Наташа и мужчины принялись за елку. Дарья и Ольга ушли на кухню, и очень скоро оттуда потянуло ароматами выпечки, зажаренным мясом и чем-то... праздничным.

Во дворе послышались шаги, потом по крыльцу, и дверь, наконец, отворилась.

— Приветик. Не ждали?

Наташа кинулась к Лене, в надежде ей помочь. Женщина пока едва справлялась с протезом вместо ноги, и трость плохо помогала, но Семенова довольно грубо прогнала сестру.

— Ты это брось, черт!

Ольга выскочила, в надежде взглянуть на свою железобетонную дочь. Признаться, мать была удивлена этим вторым дыханием, которое вдруг открылось в бывшей актрисе.

Роскошные волосы Елены были собраны в элегантную прическу. Одета она была укороченный красный шерстяной пиджак и черные брюки. Длинный шарф, несколько раз, обернутый вокруг шеи, небрежно свисал с плеч.

— Ты шикарно выглядишь, — сообщила Ольга, приветствуя дочь поцелуем.

— А, ни черта не успеваю. Еле ковыляю... — за спиной Елены замаячил ее водитель.

После некоего происшествия она боялась садиться за руль.

Водитель, который, по всей видимости, работал по совместительству еще и охранником (о чем недвусмысленно говорила кобура пистолета на его бедре), быстро помог Лене с одеждой. Неожиданно нежно и заботливо. Семенова сдержанно кивнула, проводив мужчину взглядом испод опущенных ресниц, и села на диван.

Лесной поспешил показать комнату водителю. Сестры и мама подошли к Лене.

— А он ничего, — сообщила Даша.

— Он же тебя боготворит! — удивилась Ольга.

— Шикарный мужчина, — задумчиво заметила Наташа.

— Он водитель, — отрезала Лена.

— Ну, смотрела ты на него, положим, не как на водителя, — вставил свое веское слово отец, подовая дочери бокал с шампанским.

Лена окинула семью взглядом, и едва не расплакалась от накатившей нежности и благодарности. Они любят ее, ни смотря, ни на что...

— Мы приберегли для тебя звезду, — сообщила беременная Даша, подовая сестре звезду на елку.

Семенова закусила губу, чтобы не разреветься. Еще не хватало, прямо здесь...

Женщина поднялась довольно легко, как раз в ту же секунду по щеке скользнула слеза.

Родные заметили, и переглянулись. Но никто виду не подал, что все видел...

Лена подтянулась и водрузила звезду на елку.

Шум колес известил о приближении еще кого-то. Все обратили свои взоры на входную дверь.

Та с шумом распахнулась, впуская деда Мороза, и Вику, с кучей чемоданов.

— С новым годом, друзья! — сообщил дед, и изъял из-за спины хлопушку.

Из неоткуда появился Андрей, и принялся фотографировать. Хлопок, и груда конфетти воспарила к потолку, и осела на волосах.

Все весело здоровались, обнимались, целовались. Иван тут же вручил шампанское Макс и Виктории. Парень стянул белую ватную бороду, и обнял сестер. Те весело смеялись. Лена отмахнулась от надоедливых объятий брата, и, смеясь, вернулась на диван.

— Ой, что это, деточка? — воскликнула Ольга, кинув один только взгляд на Вику, — Там, у тебя на пальчике?

— Это? — Виктория гордо продемонстрировала кольцо, — Макс сделал мне предложение. И я вот думаю, стоит ли выходить за него?

— Спокойно, Воробьева, — хмыкнул мужчина, подхватив ее за талию, — у тебя просто нет выхода!

Послышался шум тормозов, затем громко хлопнула дверь. Стало совершенно понятно, что очередной гость приехал не в духе.

В гостиной появилась Маша, в элегантном белом пальто, волосы по плечам, румяная..., а глаза метают такие молнии, что и небу жарко.

— Всем добрый вечер, — сдержанно произнесла она, — где у вас тут выпивка? — избавляясь от пальто на ходу, Маша целенаправленно двинулась к отцу, который без лишних слов наполнил ей бокал шампанским.

Осушив его, Маша обернулась, и, наконец, улыбнулась.

— Что у тебя опять стряслось? — осторожно спросила Ольга.

Маша села рядом с Леной, с очередным бокалом, и сделав не скромный глоток, произнесла сквозь зубы:

— Этот гад открыл своё рекламное агентство прямо напротив моего! Он сманит всех моих клиентов, и я разорюсь!

— Господи, милая, может вам просто переспать? — спросила Лена, криво усмехнувшись, — уж очень яростно вы со Скворцовым ненавидите друг друга...

— А Андрей показывал мне кое-какие фотографии, — сообщила Даша, — и я считаю, что — то, что он делает — подло, после всего, что между вами было.

Маша осушила бокал, и, оставив его в сторону, произнесла:

— А, плевать! Сегодня новый год! Что я могу сделать?

— Ты можешь поздравить брата, и сестру с помолвкой, — усмехнулся Макс, чмокнув Машу в щеку.

— Ты жениться собрался? — состроила удивленные глаза Маша, — И на ком?!

Все рассмеялись. Макс ведь твердил о свадьбе с Викторией после второй их встречи, то бишь уже с полгода.

— Хватить юморить, сестра, — хмыкнул он.

Все захихикали.

— Ну, что? Только Ксении нет? — оглядывая детей, сообщил Иван.

Все тут же смолкли, глубоко задумавшись. Вот, сейчас она войдет, и что делать? Каждый ощущал себя виноватым, жестоким, не справедливым...

За окном раздались скрипучие на снегу шаги, потом по деревянному крылечку. Два раза топнули у входа, сбить снег, и дверь открылась.

На пороге возникла Ксюша. Две косички, свитер, куртка, теплая шапка, джинсы. Простая девчонка, каких тысячи. Она подняла глаза, и Семеновы стойко перенесли его.

Первой пришла в себя Ольга.

— Ксюшенька! Ну, наконец-то! А мы уж заждались, — Семенова принялась раздевать дочь, словно той вновь три года, и это не смотря на то, что за последние полгода девушка заработала кругленькую сумму на своих картинах.

Девушка разделась, поцеловала отца, и приняла шампанское у отца.

Она замерла и взглянула на свою семью, что сидела вокруг переливающейся елки, и смотрела на неё, не то чтобы испуганно, а просто, словно ожидая чего-то... неприятного.

Ксюша тяжело вздохнула.

— Как я за вами всеми соскучилась! — и заплакала.

Семья принялась ее утешать.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net